

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

V Международная научная конференция

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

Часть I

Москва

УДК 340 (082)
ББК 67
А43

Главный редактор: *И. Г. Ахметов*

Редакционная коллегия сборника:

М. Н. Ахметова, Ю. В. Иванова, А. В. Каленский, В. А. Куташов, К. С. Лактионов, Н. М. Сараева, Т. К. Абдрасилов, О. А. Авдеюк, О. Т. Айдаров, Т. И. Алиева, В. В. Ахметова, В. С. Брезгин, О. Е. Данилов, А. В. Дёмин, К. В. Дядюн, К. В. Желнова, Т. П. Жуйкова, Х. О. Жураев, М. А. Игнатова, К. К. Калдыбай, А. А. Кенесов, В. В. Коварда, М. Г. Комогорцев, А. В. Котляров, В. М. Кузьмина, С. А. Кучерявенко, Е. В. Лескова, И. А. Макеева, Т. В. Матроскина, Е. В. Матвиенко, М. С. Матусевич, У. А. Мусаева, М. О. Насимов, Б. Ж. Паридинова, Г. Б. Прончев, А. М. Семахин, А. Э. Сенцов, Н. С. Сенюшкин, Е. И. Титова, И. Г. Ткаченко, С. Ф. Фозилов, А. С. Яхина, С. Н. Ячинова

Руководитель редакционного отдела: *Г. А. Кайнова*

Ответственные редакторы: *Е. И. Осянина, Л. Н. Вейса*

Международный редакционный совет:

З. Г. Айрян (Армения), П. Л. Арошидзе (Грузия), З. В. Атаев (Россия), К. М. Ахмеденов (Казахстан), Б. Б. Бидова (Россия), В. В. Борисов (Украина), Г. Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А. М. Данилов (Россия), А. А. Демидов (Россия), З. Р. Досманбетова (Казахстан), А. М. Ешиев (Кыргызстан), С. П. Жолдошев (Кыргызстан), Н. С. Игисинов (Казахстан), К. Б. Кадыров (Узбекистан), И. Б. Кайгородов (Бразилия), А. В. Каленский (Россия), О. А. Козырева (Россия), Е. П. Колпак (Россия), К. И. Курпаяниди (Узбекистан), В. А. Куташов (Россия), Лю Цзюань (Китай), Л. В. Малес (Украина), М. А. Нагервадзе (Грузия), Ф. А. Нурмамедли (Азербайджан), Н. Я. Прокопьев (Россия), М. А. Прокофьева (Казахстан), Р. Ю. Рахматуллин (Россия), М. Б. Ребезов (Россия), Ю. Г. Сорока (Украина), Г. Н. Узаков (Узбекистан), Н. Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А. К. Шарипов (Казахстан)

А43 **Актуальные проблемы права** : материалы V Междунар. науч. конф. (г. Москва, декабрь 2016 г.). — М. : Издательский дом «Буки-Веди», 2016. — iv, 98 с.

ISBN 978-5-4465-0935-5

В сборнике представлены материалы V Международной научной конференции Актуальные проблемы права.

Рассматривается широкий круг вопросов в сфере юриспруденции: теория и история государства и права, государственное право, гражданское право, уголовное право и пр.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 37(063)

ББК 74

ISBN 978-5-4465-0935-5

© Оформление.

ООО «Издательство Молодой ученый», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Варапаев В.О., Рубанцова Т.А.

Теоретические аспекты определения состава правонарушения 1

Глаголева А.С.

Понятие нормы права и ее значение в юридической науке 3

Исанова Б.С.

Законотворческие ошибки: общетеоретический аспект 5

Паутина Е.Ю.

Немного о правовой грамотности 7

Пенькова А.С., Олейников А.А.

Сущность и значение юридической ответственности 9

Салюк А.А., Матненко М.А.

Коррупция в сфере образования как социальное явление: проблемы и пути их решения 11

Чернышева Т.М.

Закон и подзаконный нормативный акт в правовой система РФ: проблема соотношения 14

Широкалова Е.С.

Правовое развитие российского общества: проблемы и решения 16

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Петров А.В.

История развития специальных знаний 18

Сугаипова Э.А.

Становление и развитие прокуратуры Российской империи в 1722–1863 гг. 20

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Аптаева С.У., Манжукова О.А.

Особенности правового регулирования статуса несовершеннолетних 26

Вус М.А., Кондратьев В.В.

К вопросу разработки модельного закона «О государственной тайне» для государств ОДКБ 29

Гериханов С.С.

Особенности этики государственного служащего 34

Фолосян М.Э.

Свобода совести и вероисповедания на примере «Свидетели Иеговы против России». 37

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Беловецкий Д.Д.Международно-правовые основания административной ответственности
в сфере противодействия коррупции 40

Голюков А.В.
Согласие на медицинское вмешательство, от теории к практике 47

Лушникова В.А.
Понятие и сущность административного принуждения 49

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Колкарев Д.В.
Правовые основы информационной безопасности общества 52

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Кичикова А.Б.
О проблеме введения юридической ответственности за неэффективное использование государственных средств. 55

Щедрова В.О.
Налогообложение недвижимости и сделок с ней: мировой опыт 57

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Вутын В.Е.
Корпоративное соглашение с кредиторами юридического лица в российском праве: проблемы правового регулирования 61

Серегина О.Н.
Перспективы развития российского малого и среднего предпринимательства в условиях санкций. 63

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Болясникова Л.А.
К вопросу о свободе договора и её пределах 66

Бочаров А.Н.
Субъективное гражданское право и кратические практики: парадоксы взаимодействия 68

Воропаева Н.А.
К вопросу о соотношении категорий «самовольная постройка» и «самовольное строительство». 70

Камнев А.Э.
Нетрадиционные источники гражданского процессуального права 72

Каратаев И.А.
Актуальные проблемы процедуры медиации в России и пути их решения 74

Кицай Ю.А.
Социализация корпоративного законодательства США: опыт, проблемы, перспективы 77

Кицай Ю.А.
Особенности научной классификации элементов социальной сферы как объекта правового обеспечения конкуренции в целях совершенствования 80

Кицай Ю.А.
Конкуренция в социальной сфере как объект правового регулирования 83

Курбанова Х.Х.
Правовые аспекты страхования профессиональной ответственности аудиторов 86

Львовский М.В.
Права кредиторов при привлечении к гражданско-правовой ответственности юридического лица 89

Паламарчук Д.Ю.
О некоторых аспектах гражданско-правовой ответственности органов внутренних дел. 91

Устинова А.В.
Сравнительный анализ приватизации жилых помещений в России и Белоруссии 95

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Теоретические аспекты определения состава правонарушения

Варапаев Владислав Олегович, студент;
Рубанцова Тамара Антоновна, доктор философских наук, профессор
Сибирский государственный университет путей сообщения (г. Новосибирск)

В статье рассматриваются признаки правонарушения и различные подходы юридического аспекта состава правонарушения, определяется его признаки и структура.

На протяжении всего существования человечества проблема правонарушений была и остается одной из самых социально значимых для общества и государства [1, с.16]. Можно согласиться с А. Б. Венгеровым, что основным признаком правонарушения является его противоправность. Он пишет: «Правонарушение — это не просто антисоциальное поведение, а наиболее вредное антиобщественное поведение, запрещенное правом. Общим признаком правонарушений является его свойство порождать юридическую ответственность, то есть различные установленные законом неблагоприятные последствия для правонарушителя» [2, с. 463–464].

Начало изучения состава правонарушения как юридического компонента берёт своё начало с XVI века, когда впервые было введено это понятие *Corpus delicti* (от лат. — Состав преступления). Наиболее широко данная проблематика освещалась немецкой школой уголовного права (XVIII–XIX в.), которая впоследствии оказала значительное воздействие на формирование отечественной теории правонарушения. Данная проблема не утрачивала своей актуальности ни при каких общественных строях и формациях. Правонарушения существовали всегда, ибо это есть коллизия интересов человека, выражаемая в его деяниях относительно других людей, государства и общества в целом. Неповиновение принципам одной из основополагающей аксиомы права, которая гласит: «Права одного человека заканчиваются там, где начинаются права другого» — являет собой лучший пример, показывающий, что же на самом деле есть противоправное деяние. Поэтому нельзя не согласиться с французским социологом Эмилем Дюркгеймом, который считал, что преступления являются элементом любого здорового общества.

С. С. Алексеев отмечает, что правонарушение совершается людьми деликтоспособными, то есть людьми, которые способны контролировать свое поведение и нести ответственность за совершенные правонарушения. В качестве основного признака правонарушения С. С. Алексеев выделяет наличие вреда. Однако сразу следует заметить, что не все авторы разделяют эту точку зрения. Он выделяет

причинную связь между противоправным деянием и причинением вреда.

Следует определить категорию «Состав правонарушения». С точки зрения С. С. Алексеева, «Состав правонарушения — это совокупность субъективных и объективных признаков, необходимых и достаточных для характеристики деяния как правонарушения. Состав правонарушения включает в себя объект правонарушения, субъект правонарушения, объективную и субъективную стороны правонарушения» [3, с.465]. М. Н. Марченко в качестве признаков правонарушения выделяет помимо названных выше, также наличие вины. Он пишет: «Не всякое противоправное деяние следует считать правонарушением, а только то, которое совершается умышленно или по неосторожности, иными словами, происходит по вине лица» [4, с.625]. В состав субъективных признаков правонарушения он выделяет умысел, неосторожность, самонадеянность, небрежность.

А. В. Малько рассматривает правонарушение как «общественно опасное, противоправное виновное деяние деликтоспособного субъекта, причиняющее вред общественным отношениям или ставящих их под угрозу причинения вреда» [5, с. 263]. В качестве признаков правонарушения ученый выделяет общественную опасность, противоправность, виновность, деяние и предусмотренность юридической ответственности. Следовательно, в теории государства и права нет единой точки зрения на признаки правонарушения, а именно на основе их и выработывается понятие «состав правонарушения».

А. В. Малько определяет состав правонарушения как научную абстракцию, отражающую систему наиболее общих, типичных и существенных элементов и признаков отдельных разновидностей правонарушения, необходимых и достаточных для привлечения правонарушителя к юридической ответственности [5, с.264].

С точки зрения автора, состав правонарушения — это комплекс предустановленных законодательством беспристрастных и объективных мер, которые определяют факт деяния субъекта правонарушения, нанесшим вред

и предстают основанием для привлечения данного субъекта к юридической ответственности.

Равно как каждая концепция, допускающая целостное единство, состав правонарушения формируется из линии взаимозависимых подсистем и их компонентов. При этом, отсутствие хотя бы элемента приводит к распаду единой концепции, т. е. к отсутствию состава правонарушения. Основными компонентами состава правонарушения можно выделить: объект правонарушения, субъект правонарушения, объективная сторона правонарушения и субъективная сторона правонарушения

Объект правонарушения — это охраняемые законодательством ценности, интересы и блага, которым может быть причинен ущерб из-за посягательства на них. В иерархии ценностей, оберегаемых законодательством, главную роль занимает защита прав и свобод личности. Помимо этого, предметами правовой охраны от противоправных посягательств считаются все разновидности имущества, социальное устройство, общественная безопасность, окружающая среда и конституционное устройство Российской Федерации.

Объекты правонарушения можно разделить на: общие, родовые непосредственные. Общий объект правонарушения — это совокупность оберегаемых законодательством объектов, предустановленных законодательством (например, в ст. 2 УК РФ). Родовым объектом считается категория родственных (однородных) объектов охраны (к примеру, в конституционном праве, общественно-политические, социальные, культурные, экономические права). Непосредственный объект предусмотрен конкретным составом правонарушения. В уголовном праве попадают ситуации, когда одно и то же преступное деяние посягает не на один, а на несколько непосредственных объектов, один из которых является основным, а иной — дополнительным. Например, непосредственным объектом правонарушения, предусмотренным ст. 26 УК РФ (несоблюдение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств), является безопасность движения и эксплуатация автотранспортных средств. В качестве дополнительного объекта могут представлять такие блага как: жизнь, здоровье, личное имущество.

Статья 2.1 КоАП РФ не устанавливает понятие «объект правонарушения». Но расширительно объясняя эту статью, необходимо выделить, что объектом правонарушения считается комплекс правоотношений, охраняемых федеральным и региональным законодательством об административных правонарушениях. Особенная часть КоАП РФ в наименованиях гл. 5—11 предписывает на родовые объекты административных правонарушений, т. е. в объекты определенных административных проступков, связанных совокупностью однородных социальных взаимоотношений, которые нарушаются субъектами соответствующего правонарушения — физическими и юридическими лицами.

Субъект правонарушения — деликтоспособное физическое лицо либо организация, выступающая в статусе

субъекта права, как составная доля юридического состава правонарушения субъект предусмотрен гипотезами правовой нормы. В частности, субъектом преступления, предусмотренного ст. 276 УК РФ может являться лишь гражданин Российской Федерации.

Для признания противоправных деяний правонарушением законодательство предъявляет к их субъекту на определенных условиях. Это, в первую очередь всего, наличие установленного возраста, с достижением которого физические лица становятся деликтоспособными. Таким образом, уголовная ответственность (причиной которой является свершение преступления) начинается — с 16 лет, а за отдельные эпизоды — с 14, административная — с 16, гражданская — с 15 и т. д. В установленных законодательством ситуациях, в качестве субъекта правонарушения выступает субъект — физическое вменяемое лицо, обладающее дополнительными признаками, при наличии которых допустимо привлечение его к ответственности как субъекта правонарушения. Таким образом, субъектами воинских правонарушений могут быть признаны только военнослужащие и военнообязанные в период прохождения ими службы, учебных сборов или военных действий. Субъектами отдельных правонарушений могут выступать только должностные лица (ст. 219 УК РФ — несоблюдение правил пожарной безопасности). Как правило, признаки специального субъекта установлены в нормативно-правовых актах (ст. 270 УК — неоказание капитаном судна помощи терпящим бедствие). В прочих вариантах они устанавливаются толкованием. Например, за несоблюдение законов международных полетов, как следует из ограничительного толкования, может быть привлечен только тот субъект, который непосредственно выполнял международный полет.

Элементом деликтоспособности является психическая зрелость или вменяемость личности. Для ряда правонарушений предусматриваются особые субъекты — должностные лица, военнослужащие, медицинские работники.

Субъектом отдельных правонарушений выступают фирмы, организации, учреждения, СМИ. Но вопрос о признании субъектами правонарушений группы людей считается в достаточной мере трудным. В действующем законодательстве данная проблема решается конкретно — таким является физические лица. В том числе и если преступное деяние содеяно группой лиц, в таком случае каждый его член отвечает только за то, что совершил, и никак не сопряжен солидарной ответственностью со своими соучастниками.

Объективной стороной правонарушения — является комплекс признаков, определяющих наружную сторону состава правонарушения. Обязательные признаки объективной стороны так называемых материальных составов правонарушений: присутствие деяния (социально опасного либо вредоносного), этиологическая связь, последствия (общественно опасные либо вредные) деяния.

Субъективная сторона правонарушения — это внутренняя сторона правонарушения, которая характеризует

причинную и психическую активность лица в момент совершения правонарушения. В структуре содержания данной деятельности различают: вину, мотив, цель, эмоциональное состояние. Обязательный признак субъективной стороны: вина, то есть определенное психологическое отношение

лица к своему совершённомu противоправному деянию и его общественно опасным или вредоносным последствиям (результатам). Следовательно, можно выделить основные признаки правонарушения и на основании их определить состав.

Литература:

1. Кунина А. Н., Рубанцова Т. А. Проблема преодоления правового нигилизма в России / Юридические науки: проблемы и перспективы. Материалы IV Международной научной конференции. 2016. С. 16–17.
2. Венгеоров А. Б. Теория государства и права: учеб. для юрид. вузов. — М., 2009. — 528 с.
3. Теория государства и права / под ред. В. Д. Перевалова, С. С. Алексеева. — М., 2004. — 496 с.
4. Марченко М. Н. Теория государства и права: учебник. — М., 2002. — 640 с.
5. Теория государства и права: учебник / под ред. А. В. Малько. — М., 2006. — 400 с.

Понятие нормы права и ее значение в юридической науке

Глаголева Александра Сергеевна, студент
Санкт-Петербургский государственный университет

В настоящей статье рассматривается тема «Понятие нормы права». Необходимость рассмотрения данной темы заключается в том, что роль нормы права в юриспруденции очень велика. Норма права является основной составляющей, входящей в систему правовых средств, без которой дальнейшее развитие права не возможно. Правовая норма — это первичная, элементарная частица, «клеточка» внутреннего строения права. Именно из норм права складываются, формируются отрасли права, правовые институты, система права в целом.

Норма права — это установленное или санкционированное государством правило поведения, являющаяся элементарной частицей права которая относится к нему как часть к целому. Норма права не есть содержание всего права это и даже не форма, а лишь его частица, обладающая собственным содержанием и формой. Ровно как построен дом из кирпичей, норма права в совокупности с другими нормами оставляет содержание права в целом.

Отдельно взятая правовая норма или группа норм еще не может считаться правом, так как право — это система юридических норм наиболее полно и общем виде выражающая в них государственная воля общества а также ее классовый и общечеловеческий характер. Она пронизана единными закономерностями и принципами обусловленными экономической, политической и духовной структурой общества. Любая единичная правовая норма приобретает качество свойственное праву в целом лишь будучи включенной в его общую систему. Норме права, как части системы, свойственны признаки, присущие праву, следовательно ей можно дать определение, сходное по своему значению определению права в целом.

Нерсисянц В. С. считает что норма права — одно из основополагающих понятий для всех тех доктрин права

(независимо от различий в типах правопонимания), которые трактуют право нормативно, т. е. понимают и определяют право в целом через норму считают, что право как таковое состоит из норм. Норме права, как части системы свойственны признаки, присущие праву, следовательно ей можно дать определение, сходное по своему значению определению права в целом.

Так Алексеев С. С. дает следующее определение: норма права — это исходящее от государства и охраняемое им общеобязательное, формально определенное правило поведения (непосредственно или в сочетании с другими нормами права), которое предоставляет участникам общественного отношения данного вида субъективные юридические права и налагает на них субъективные юридические обязанности.

Комаров С. А. и Малько А. В. определяют норму права как общеобязательное установленное или санкционированное и охраняемое государством правило поведения выражающее обусловленную материальными условиями жизни общества волю и интересы народа активно воздействующее на общественные отношения с целью их упорядочить.

Бабаев В. К. определяет норму права как общеобязательное веление выраженное в виде государственно-властного предписания и регулирующее общественные отношения.

Голлунский С. А. считает, что норма права — это не всякое имеющее юридический характер предписание, а только такое предписание, которое представляет собой общее правило, рассчитанное на многократное его применение.

Пиголкин А. С. определил правовую норму как правило поведения, которое является требованием, велением обращенным к субъектам права согласовывать свое

поведение с указаниями нормы под угрозой невыгодных последствий при нарушении этих указаний. В норме формулируется правило поведения через норму определенная идея превращается в общественные отношения. Процесс формирования и принятия нормы проходит через государство и его органы.

Норма права отличается от других социальных норм свойственной только ей формальной определенностью, которая проявляется прежде всего в том что правовая норма издается или санкционируется государством и выражается в той или иной установленной или признаваемой им форме. Например, в форме закона или подзаконного нормативного акта, договора с нормативным содержанием, правового обычая. Правовая норма имеет общий характер. Адресована кругу лиц, определяемых сходными признаками и рассчитана на регулирование какого либо вида общественных отношений. Действие правовой нормы рассчитано на неограниченное количество случаев, она продолжает действовать даже после реализации в поведении конкретных людей и в индивидуальных отношениях.

Ни одно государственно-организованное общество не смогло бы существовать без норм права. Их полное научное определение предполагает выяснение присущих норме права специфических признаков (свойств). Норма права представляет собой отвлечение от признаков индивидуализации указывая лишь на существенные черты поведения, т. е. рассматривает его как вид общественного отношения. Включенное в текст нормы, становится правилом поведения, обязательными к реализации.

Нормы права содержат указания на существенные признаки поведения свойственные каждому из неопределенного числа конкретных индивидуальных поступков, отношений, которые государство намерено подвергнуть правовому регулированию.

Правовая норма является повелительным предписанием независимо от того, каков его характер: запрет, обзывание или дозволение. Предписание в любом случае находится под охраной государства; так как оно им установлено, то предусмотрены и меры, принуждающие к его исполнению. Правовая норма представляет собой определенный метод воздействия на регулируемые отношения. При этом методы регулирования совершенно несхожи как и сами отношения. В этот метод включаются: обстоятельства, при которых применяется норма; круг участников отношений, регулируемых этой нормой; взаимные права и обязанности; санкции за невыполнение обязанностей.

Норма права — общеобязательное правило поведения. Оно имеет значение не для отдельного индивида, а для всех входящих в состав данной категории людей общества в целом) как возможных или реальных) участников конкретного вида общественного отношения. Иначе говоря она рассчитана на неопределенный круг уполномоченных и обязанных лиц. Это происходит потому что норма права как абстрактная модель поведения предполагает ее неоднократное действие.

Абстрактность нормы права вовсе не означает неопределенности ее содержания. Как раз наоборот, норма права потому и является таковой что содержит вполне конкретное правило поведения. Например ст. 16 ГК РФ определяет, что убытки, причиненные гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов в том числе издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежат возмещению Российской Федерацией, соответствующими субъектами федерации или муниципальным образованием. Здесь типичный пример нормы права с полным и точным указанием признаков правила поведения. Каждый индивидуальный случай причинения убытков гражданину или юридическому лицу подпадает под действие этой нормы т. е. она регулирует все повторяющиеся индивидуальные отношения данного вида. Благодаря тому что она постоянно воздействует на этот вид отношений, ее требования реализуются всеми как обязательные для каждого кто причастен к возмещению убытков.

Таким образом, норма права регулирует повторяющийся вид общественных отношений, так как не исчерпывается однократной реализацией а охватывает все возможные индивидуальные случаи. В силу этого норма права — общее и общеобязательное правило поведения.

Содержание правовой нормы определяется объективной природой того вида общественных отношений, упорядочить которые она призвана. Оно формируется под влиянием социального опыта регулирования, уровня общей и правовой культуры, нравственных и политических установок, ориентации государства и других факторов.

Норма права — это общее правило, которое вбирает в себя все богатство социального опыта общества и государства многообразие особенного, индивидуального отдельного. Норма права является научным, объективно обоснованным предписанием — моделью общественного отношения, отражающей интересы общества в развитии данного отношения.

Общий характер нормы права не вытекает из ее собственной природы. Общее в праве, в конечном счете есть отражение того реального общего, которое объективно существует в многочисленных отдельных материальных отношениях данного вида.

В современных условиях совершенствование норм права идет по двум основным направлениям: улучшается содержание норм, т. е. укрепляется их «истинность»; упорядочивается их структура и система в целом.

Первый путь характеризуется тенденцией ко все более точному отражению потребностей общественной жизни без чего невозможно обеспечить рост эффективности действия норм права как регуляторов общественных отношений. Поэтому совершенствовать необходимо весь комплекс норм — обязывающих, управомочивающих, запрещающих. Возрастает значение рекомендательных норм.

В рамках каждой разновидности норм вырабатываются новые, более эффективные методы воздействия на общественные отношения с помощью всех элементов правовой нормы.

Основными условиями второго направления, позволяющими добиваться совершенствования норм права, являются: точное отражение в правовых предписаниях закономерностей развития государственно-правовой надстройки; соответствие норм права требованиям морали и правосознания; соблюдение требований системности непротиворечивости и других закономерностей действующей системы права в ходе принятия новых норм; учет в процессе нормотворчества общих принципов регулирования и управления общественными процессами.

В то время как государство регулирует общественные отношения, правовые нормы — это регулятор саморазвития общества. Благодаря правовым нормам право изучается с различных сторон. Таким образом, правовая норма — это элементарная единица права конкретный образец правило поведения, которой присущи определённые признаки, а именно общеобязательное, обеспеченное в использовании принудительными средствами государства направленное на регулирование общественных отношений, не персонифицированное, установленное или санкционированное государством и охраняемое правило поведения. Такая трактовка более полно отражает дальнейшее содержание норм права. Кроме того, по сравнению с «традиционной» она имеет другие преимущества важные при решении ряда дискуссионных вопросов юридической науки.

Литература:

1. Алексеев С. С. Общая теория права. — М., 1981.
2. Бабаев В. К. Теория государства и права. — М., 2001.
3. Комаров С. А., Малько А. В. Теория государства и права. — М., 2000.
4. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Т. 1. Вып. 1. — М., 1995.

Законотворческие ошибки: общетеоретический аспект

Исанова Белла Сергеевна, магистрант

Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саратове

Рост законотворчества диктуется формированием правового государства и развитием демократического общества, где роль законов возрастает и идет увеличение их количества. Правотворческая деятельность, в процессе которой нередко допускаются ошибки, несет за собой ненадлежащее качество законодательства. Несовершенство принятого закона обычно связывают с законотворческими ошибками. Вследствие этого практические последствия законотворческих ошибок носят крупномасштабный характер, где затрагивают интересы, как широких слоев населения, так и разрушают систему гарантий прав и интересов

В частности расширяется база для выявления всех структурных элементов нормы права, для уяснения её внутренней и внешней формы. Норма права имеет соответствующую структуру, которая содержит элементы, тесно связанные между собой. Традиционно принято считать, что в структуру правовой нормы входят три элемента: гипотеза, диспозиция и санкция. Таким образом несмотря на дискуссионность вопроса можно утверждать, что логическая структура нормы содержит три элемента — гипотезу, диспозицию санкцию.

Норма права по существу, является большим дискуссионным вопросом юридической науки. Но, несмотря на многообразие приводимых мнений и точек зрения, принадлежащих как советской так и современной историографии, все исследования данной проблемы приводят в конечном счете, к вопросу о значении юридической науки которое состоит в глубоком исследовании сложных и многообразных процессов развития государственности и жизни общества, в котором мы живем.

Отсюда ясно, насколько велика роль нормы права в расширении и углублении демократии, в управлении обществом, в укреплении правовых основ государственной и общественной жизни, в дальнейшем совершенствовании всей системы общественных отношений и воспитании их участников. Также велико значение нормы права в юридической практике. Понятие правовой нормы является необходимым для того, чтобы уяснить организацию «первичной клеточки» в содержании права, осмыслить её структуру, назначение и роль.

гарантий прав, интересов граждан, а также других крупных негативных последствий.

В юридической литературе имеется ряд определений, раскрывающих понятие «законотворческая ошибка», а также классификаций, представляющих значительный научный и правоприменительный интерес. Рассматривая понятие «законотворческая ошибка», изучением которого занимались многие ученые, целесообразно объединить определения в собирательную категорию. Отсюда, законотворческой ошибкой признают официально одобренный результат неправомерных действий законотворческого органа в результате добросовестного заблуждения либо виновного противоправного деяния, который нарушает общие принципы либо конкретные нормы правообразования, не отвечающих потребностям, уровню и закономерностям развития регулируемой деятельности и влекущих отрицательные социальные и юридические последствия в конкретной сфере общественной жизни. [4, с. 17]

Ряд авторов предлагают многоплановые классификации таких ошибок по различным критериям, мы не будем останавливаться на всех. Выделим наиболее общую, по нашему мнению, классификацию В. М. Баранова и В. М. Сырых. Которые обозначили следующие группы законотворческих ошибок:

- 1) концептуальные, когда правоведение и другие науки содержат необходимый уровень знаний, а законодатель не смог усвоить и верно их отразить в концепции законопроекта;
- 2) юридические, являющиеся следствием несоблюдения требований законодательной техники;
- 3) логические, представляющие собой результат несоблюдения принципов и правил формальной логики при подготовке законов;

грамматические, касающиеся языка и стиля изложения правовых норм. [1, с. 25]

Анализируя данную классификацию, нельзя не учесть утверждение В. М. Баранова, что концепция проекта нормативного акта выражает позицию законодателя по регулируемому вопросу, смысл, вкладываемый в общее содержание законопроекта, влекущий ошибочный по содержанию закон. Получается, что концептуальная ошибка — это самое грубое нарушение правил достижения социальной адекватности или содержательных правил законодательной техники. [1, с. 28]

Юридические ошибки можно распределить по группам правил юридической техники. Анализируя наиболее характерные нарушения, допускаемые законодателем, можно выделить следующие виды юридических ошибок: ошибки в проектировании механизма правового регулирования; пробелы; избыточная нормативность; стилистические погрешности; коллизии между отдельными нормативно-правовыми актами; фактографические ошибки, которые связаны с неточностями в отдельных реквизитах закона, ссылками на уже утратившие силу законы или их отдельные

нормы либо ссылками на законы, которые не имеют отношения к предмету регулирования закона. Нередки случаи, когда в законах указывают официальное наименование какого-либо органа государственной власти, который впоследствии упраздняется или реорганизуется и существует уже с другим названием, что ведет к необходимости вносить в закон соответствующие изменения. [2, с. 33]

Особенностью ошибок такого характера заключается в том, что они из текста закона непосредственно не вытекают. А лишь проявляются в процессе исполнения, применения закона; а поскольку они основаны на предположениях законодателя нейтрализация их практически невозможно даже на стадии разработки законопроекта. [7, с. 56]

Касательно двух последних классификационных групп необходимо отметить, что логические ошибки представляют собой результат несоблюдения принципов и законов формальной логики при подготовке и принятии нормативного правового акта; грамматические ошибки несут в себе отступления от простейших правил синтаксиса, орфографии и пунктуации.

Необходимо учитывать, закон должен быть написан особым стилем, так как является официальным документом государства, он призван обеспечить закрепление воли государства в форме общеобязательных властных предписаний. Законодательный текст «не доказывает, не объясняет, не убеждает, а властно предписывает субъектам права определенное поведение, формулирует требования, общеобязательные предписания» [6, с. 20]. Одновременно с этим стиль закона сводится не только к подбору, расстановки слов, но также должен быть предельно четким, не допускающим двусмысленности и многозначности понятий и терминов.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что все законотворческие ошибки так или иначе в совокупности связаны с нарушением составляющих законодательной техники. А нарушения юридической техники также могут выразиться и в предумышленном злоупотреблении ее средствами и приемами.

О вероятности злоупотребления приемами юридической техники писал Д. А. Керимов. Оно находит явное выражение, когда заинтересованность законодателя в применении правовых предписаний законодательства в точном и строгом соответствии с их текстом минимальная. Отсюда формулировка происходит в абстрактной форме, где любое поведение участников правовых отношений может быть подведено как под их действие, так и наоборот. [3, с. 59] Вследствие этого определить стремление законодателя затруднительно: либо он не знаком с правилами юридической техники, либо совершенство владения позволяет намеренно формулировать норму права (систему норм) таким образом, чтобы в дальнейшем толковать их в угоду определенным соображениям, личным или групповым интересам.

Ошибки в законотворчестве влекут за собой негативный результат деятельности в правовой сфере, препятствуют

достижению определенных целей и содержат в себе потенциальные возможности наступления вредных, а в отдельных случаях опасных для общества, личности и государства последствий.

Эффективность правотворческой деятельности, а в частности законодательства складывается из многих составляющих и зависит от множества факторов, одним из которых выступает выявление ошибок и их дальнейшее устранение. А наличие четкого теоретического базиса и его владение будет исполнять роль предупреждения, в случае

неумышленного заблуждения в процессе законодательской деятельности. К сожалению, наличие этого фактора не говорит о его выделении в качестве самостоятельной категории с четким понятийным аппаратом, что указывает на неидеальность теоретического базиса.

Неопределенность теоретической конструкции законодательства и отдельных его элементов создает необходимые сложности для формулирования природы ошибки допускаемой в правотворческой деятельности, и ее идентификации.

Литература:

1. В.М. Баранов, В.М. Сырых. Законодательские ошибки: понятие и типология // Законодательская техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сборник статей: в 2 т. — Н. Новгород, 2001. — С. 25.
2. Кашанин Т.В. Юридическая техника. Учебник для вузов. — 2-е изд., пересм. — М.: Норма Инфра, 2011. — 162 с.
3. Керимов Д.А. Законодательная техника: науч. — метод. и учеб. пособие. — М.: Норма, 2000. — 127 с.
4. Лукашева А.В.. Законодательские ошибки // Гражданин и право. — 2000. — № 3. — С. 58.
5. Лисюткин А.Б. Природа правотворческих ошибок // URL: <http://www.enu.kz/repository/repository2014/priroda-pravotvorcheskih-oshibok.pdf> (дата обращения: 29.11.2016).
6. Пиголкина А.С. Язык закона. — М.: Юридическая лит-ра, 1990. — 200 с.
7. Чинарян Е.О. Понятие и общая характеристика законодательской ошибки // Современное право. URL: <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/> (дата обращения: 29.11.2016).

Немного о правовой грамотности

Паутина Елена Юрьевна, аспирант
Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)

Россия — страна правового нигилизма.

Председатель Правительства Российской Федерации Д.А. Медведев

Половина населения в нашей стране не задумывается о том, какие у них есть права и свободы, что они значат для них, в каких документах они записаны. А если они их не знают, то это означает, что у них их просто нет.

Каждый гражданин обязан знать свои права, хотя бы потому что, чтобы человек точно знал, на что он мог рассчитывать в своей жизни.

Человек, который не разбирается в законах, не знает о своих правах и обязанностях, не может представить, что нужно делать, если возникнет сложная ситуация в его жизни.

Хочется заметить, что в российском обществе долгое время недостаточно внимания отводилось основам права. Важными были патриархальные обычаи, что прослеживается в историческом развитии Руси, поэтому на современном этапе можно столкнуться с такой проблемой, как низкая степень правосознания граждан.

Происходит это из-за того, что начиная с древних времен, и по настоящее время в российском обществе присутствовало такое явление, как несоблюдение прав человека, которое отложилось надолго в нашем сознании.

Кроме того, данная проблема возникает из-за не знания законов, но и нежелания их придерживаться.

Все перечисленные источники приводят к тому, что происходят грубейшие нарушения законодательства, и вследствие этого ущемление и несоблюдение прав граждан. И для того, чтобы повысить уровень правовой культуры и правосознания необходимо качественное правовое образование, которое должно являться приоритетной целью и задачей государства.

Обратимся к истории. Права человека в Древнем Востоке были очень жестоки по отношению к человеку. О чем мог мечтать раб? Даже право на жизнь рабу не было обеспечено. В современном же законодательстве прав на жизнь является важнейшим естественным и неотъемлемым правом каждого человека. Ничто не может ставиться выше ценности человеческой жизни, никто не может быть произвольно лишен жизни.

Древнеримский свод законов XII таблиц гласит: «Если рукой или палкой переломить кость свободному человеку, пусть заплатит 300 ассов, если рабу - 150 ассов.

Если совершивший кражу убит на месте, то пусть убийство его будет считаться правомерным». Из данного примера можно сделать вывод о том, насколько изменились представления о правах человека.

Для того, чтобы человеку не быть обманутым, необходимо повышать правовое просвещение граждан. Но заставить население, человека повышать правовую грамотность невозможно.

В наши дни нельзя говорить о высоком и даже среднем уровне правовой культуры общества в целом. Кризис современного правосознания во многом определяется именно низким уровнем правовой культуры. Повысить ее способны тщательно продуманная правовая пропаганда в средствах массовой информации, широкий доступ к нормативно-правовой базе, разработка и внедрение действенных форм вовлечения граждан в правотворческую и правоохранительную деятельность.

Одним из главных условий создания правового государства является образованный в правовом смысле гражданин. В России существует много пробелов в процессе становления правовой культуры. Изначально это правовая безграмотность граждан, разногласия между нормативно-правовыми актами и реальной действительностью — все это следствие правового нигилизма и отрицание нравственных принципов. [1, с.180].

Приведем проблемы, которые мешают формированию правовой культуры в современном обществе.

1. Низкий моральный уровень большей части общества, вызванный его расслоением, ростом конкуренции и потребительскими настроениями.

2. Недостаточность правовых знаний

3. Несоответствие нормативно-правовых актов условиям реальной жизни населения.

Чтобы решить эти проблемы, необходима такая политика государства, которая направлена на повышение уровня правовой культуры общества. Ее можно реализовать с помощью фильмов, искусства, средств массовой информации, правотворчества, художественной литературы.

Для любого человека важной культурной ценностью выступают право и законы. Законы — результат завоеваний многих цивилизаций. Они способны формировать право. На основе законов издаются подзаконные нормативные правовые акты, формируются новые правовые институты, свидетельствующие об уровне правовой культуры. С их помощью закрепляются поступки, отношения, соответствующие стандартам правовой культуры, создаются государственные органы, которые обладают правовой культурой и несут ее массам.

Немаловажным аспектом правовой культуры является и состояние законности и общественного правопорядка в обществе.

По данным социологических исследований, осуществляют помощь правоохранительным органам респонденты в возрасте от:

— 16–20 лет — 3,7%;

— 20–25 лет — 25,1%;

— старше 25 лет — 19,5%.

А в свою очередь только 64% молодежи считают, что правоохранительные органы не только не защищают их интересы, но напротив, выступают их врагом.

В последнее время наблюдается заметное увеличение количества правонарушений.

Приведу пример. Если в СССР в 70-е годы на 100 тысяч человек приходилось 4 умышленных убийства, то в наши дни согласно приведенным за 2015 год данным, в Российской Федерации от рук преступников погибло 14,5 тысяч человек, или 10,2 человека на 100 тысяч жителей.

Полагаю, что государство не добилось эффективной борьбы с преступностью.

Многие негативные явления в обществе, и в первую очередь преступность, уходят своими корнями в правовую безграмотность, в непонимание населением свои прав и обязанностей.

Одной из приоритетных задач современного российского общества является повышение правовой культуры и правосознания граждан. Основным инструментом в этом процессе выступает правовое воспитание как целенаправленное воздействие на сознание в целях формирования высокого уровня правовой культуры и правосознания [2, с.16].

В настоящее время механизмов, которые направлены на повышение правовой культуры много. К примеру, бесплатная юридическая помощь со стороны адвокатов, юристов, так и со стороны органов власти.

Это и просвещение населения о правах и обязанностях гражданина через СМИ, через интернет, лекции в школах.

Огромную роль играет деятельность юридических клиник ВУЗов, общественных организаций.

Правовое образование является неотъемлемой частью общей культуры гражданина, условие формирования правосознания.

На формирование правовой культуры и законопослушного типа поведения оказывают влияние следующие факторы:

- 1) характер воспитания и моральный климат в семье, законопослушное поведение родителей;
- 2) высокий уровень воспитания и обучения в образовательных учреждениях различного типа и вида, в том числе закрепление и развитие у учащихся основ правосознания;
- 3) распространение и использование доступных для восприятия информационных материалов, формирующих правовую грамотность и правосознание населения;

Правовое образование является залогом того, что оно не станет препятствием на его пути реализации своих личных задач. В современных условиях именно правовое образование может стать важнейшим фактором развития личности, становления гражданского общества и демократического правового государства в современной России, граждане которого смогут жить в социально-правовом

согласии друг с другом и с государством. Ну а вести работу, направленную на сокращение уровня правовой безграмотности нужно совместно с государством, так как важнейшей задачей государства является пропаганда и разъяснение необходимости соблюдения гражданами своих обязанностей, правил общежития, уважения прав и законных интересов других лиц независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии, убеждений и других обстоятельств.

Российское общество всегда старалось воплотить в реальности различные идеи западных стран. Считаю, что юридическая безграмотность проявляется в отрицании существования Бога, духа, души и правых норм.

Литература:

1. Пронина Ю. О. Правосознание граждан как основа построения правового государства // Science Time. — 2014. — № 4. — С. 180–181.
2. Магомедов Ш. Б., Амиров М. Г. Правовое воспитание как средство формирования правосознания и правовой культуры // Юридический вестник ДГУ. — 2015. — № 4. — С. 16–17.
3. Зубова Я. В. Правовое образование в развитии правовой культуры формирующегося гражданского общества в современной России: дис. ... докт. соц. наук / Я. В. Зубова. Майкоп, 2010.

К основополагающим причинам проявления юридической безграмотности можно отнести неверное истолкование законодательных актов демократического государства, а также незнание своих прав.

На основании всего вышеизложенного можно прийти к выводу, что в целях преодоления правовой безграмотности необходимо повысить уровень правовой культуры российских граждан, что возможно путем введения единой правообразовательной системы;

Только тщательно продуманная и эффективная система правовой пропаганды сможет повысить правовую культуру общества и будет способствовать повышению уровня правосознания граждан.

Сущность и значение юридической ответственности

Пенькова Алла Сергеевна, студент;

Олейников Андрей Алексеевич, студент

Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина (г. Краснодар)

В статье рассмотрено понятие юридической ответственности. Перечислены меры государственного принуждения, основные виды юридической ответственности. Названы признаки, основания, по которым к разным субъектам применяется юридическая ответственность. В статье также содержатся предложения по совершенствованию юридической ответственности.

Ключевые слова: юридическая ответственность, право, государство

Юридическая ответственность — применение мер государственного принуждения по отношению к правонарушителю. За свои деяния человек отвечает перед законом и судом (этим юридическая ответственность отличается от моральной ответственности, где результатом является только стыд и совесть человека). Проблематика юридической ответственности относится к наиболее сложным проблемам в юриспруденции. Многие отечественные ученые-правоведы занимаются отдельными её проблемами. Несмотря на достаточно широкие обсуждения понятия, признаков, видов, сущности юридической ответственности данные проблемы остаются дискуссионными, требующими пристального внимания. «Некоторые исследователи считают, что в наше время возникла потребность в новой концепции юридической ответственности, это может быть связано с тем, что изменились форма правления и политический режим российского государства» [1, с. 18].

Юридическая ответственность стала развиваться ещё с периода становления государства и права. «Как известно, первым источником права Древнерусского государства были обычаи первобытнообщинного строя. Санкционирование этих обычаев легло в основу обычного права. Становление обычного права в свою очередь вызвало необходимость в формировании системы наказаний и создании специальных органов, которые привлекали бы к ответственности нарушителей. Тем самым был заложен фундамент института юридической ответственности» [2, с. 29].

Юридическая ответственность является обязанностью лица, совершившего противоправное деяние, подвергнуться мерам государственного принуждения. Меры могут быть следующие:

- Личного характера (к ним относится лишение свободы);
- Имущественного характера (штраф);

– Организационного характера (замечание, выговор, увольнение и др.).

Юридическая ответственность обеспечивает порядок в стране, защищает права и свободы граждан. Она опирается на меры государственного принуждения. В литературе высказаны точки зрения о том, что «юридическая ответственность означает применение санкций правовых норм, указанных мер ответственности» [3, с. 24], что юридическую ответственность следует понимать «прежде всего, как санкцию за правонарушение, как последствие, предусмотренное нормой права на случай ее несоблюдения» [4, с. 95]. Несомненно, юридическая ответственность — это по своей сути санкция, вид, которой зависит от совершенного деяния.

От характера правонарушения зависит вид ответственности и мера наказания. Выделяют пять основных видов юридической ответственности: уголовная, административная, гражданско-правовая, дисциплинарная и материальная. К уголовной ответственности привлекаются лица, совершившие наиболее опасные преступления. За уголовную ответственность только суд вправе наказать и определить меру ответственности. Здесь применимы наиболее строгие меры государственного принуждения: лишение свободы, крупные штрафы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и другое, предусмотренное Уголовным кодексом РФ. Следующий вид — это административная ответственность. Она наступает за проступки, нарушающие общественный порядок или совершённые в сфере государственного управления. В статье 3.2 КоАП РФ перечислены виды административных наказаний. Сюда относится административный арест до 15 суток, исправительные работы, предупреждение, дисквалификация и другое. Гражданская ответственность наступает за нарушение имущественных и личных неимущественных прав. Главной мерой ответственности является возмещение убытков. Дисциплинарная ответственность наступает за нарушение трудовой, воинской, учебной, служебной дисциплины. Мерами воздействия в этом случае является — замечание, выговор, увольнение, исключение из учебного заведения. Следующий вид — материальная ответственность. Она связана с ущербом, причиненным работником предприятию. Наказание здесь в большинстве случаев ограничено пределами среднего месячного заработка этого работника. Материальная ответственность в полном размере причиненного ущерба может возлагаться на работника лишь в случаях, предусмотренных ст. 243 Трудового кодекса РФ или иными федеральными законами. Учёные также выделяют и другие виды юридической ответственности. Такие как: финансовая, семейная, конституционная, процессуальная и другие.

Существуют определённые основания, по которым к разным субъектам (правоспособные физические и юридические лица, совершившие деяние) применяется юридическая ответственность. Они делятся на два вида: фактические и юридические. Фактическим основанием

юридической ответственности является совершение правонарушения. Здесь важно наличие состава правонарушения — субъект, объект, субъективная сторона (совокупность признаков, характеризующих субъективное отношение лица к своему деянию и его последствиям), объективная сторона (внешние признаки). Без этого деяние нельзя признать правонарушением, а, следовательно, и нельзя привлечь к ответственности. «Юридическим основанием выступает норма права и соответствующий правоприменительный акт, в котором компетентный орган устанавливает конкретный объём и форму принудительных мер к конкретному правонарушителю. Подобным правоприменительным актом может являться приказ администрации, приговор или решение суда и т. п.» [5, с. 160].

Юридическая ответственность имеет следующие признаки:

- наступает только за те деяния, которые предусмотрены правовыми нормами;
- налагается только за совершенные поступки, а не за мысли или намерения;
- налагается компетентными государственными органами в ходе определенной законом процедуры;
- влечет за собой неблагоприятные последствия для нарушителя;
- предполагает государственное принуждение правонарушителя к исполнению норм права;
- наступает только один раз за одно и то же преступление.

Указанные признаки юридической ответственности обязательны, отсутствие хотя бы одного из них свидетельствует об отсутствии юридической ответственности и позволяет отграничить ее от других правовых и неправовых категорий.

Юридическая ответственность обеспечивает эффективное функционирование всей системы права. Она направлена на восстановление гармонии общественных отношений, социальной справедливости. Без этого института жизнь была бы невозможна. Юридическая ответственность представляет собой правовое отношение, в котором у государственного органа возникает право привлечь виновного к ответственности, а у правонарушителя возникает обязанность претерпевать неблагоприятные последствия своего деяния.

«Юридическая ответственность является обязательным условием гарантий прав и свобод граждан. Поскольку свобода, чтобы не превратиться в свою противоположность — анархию и произвол, должна сочетаться с ответственностью: чем полнее свобода, тем выше ответственность. Свобода и юридическая ответственность обеспечиваются государством путем использования для этого, основанного на законе, принуждения» [6, с. 35].

Юридическая ответственность должна развиваться вместе с обществом. Необходимо совершенствовать законодательство, регулирующее юридическую ответственность. Законодательная власть должна устранять пробелы в праве. Правоохранительные органы должны

препятствовать совершению противоправных действий. Только в таких условиях государство будет процветать, а юридическая ответственность в России будет достаточно развитой и эффективной.

Литература:

1. Танасиенко И. И., Шаповалов А. В. Теоретические проблемы юридической ответственности // Научная перспектива. — 2016. — № 7 (77). — С. 18–19.
2. Цюрина Н. В. Юридическая ответственность как институт права // Сибирский юридический вестник. — 2013. — № 1. — С. 29–34.
3. Хропанюк В. Н. «Теория государства и права» — 1996. — М, 1996. — 384 с.
4. Иоффе О. С. «Обязательственное право» — 1975: Юрид. лит., 1975. — 880 с.
5. Малько А. В. «Теория государства и права» — 3 издание. РИОР: ИНФРА. — М., 2015. — 213 с.
6. Шаповалов А. В. Юридическая ответственность как институт права // Научная перспектива. — 2015. — № 9 (67). — С. 35–36.

Коррупция в сфере образования как социальное явление: проблемы и пути их решения

Салюк Анастасия Андреевна, студент;
Матненко Марина Александровна, преподаватель
Колледж по подготовке социальных работников № 16 г. Москвы

Ни для кого не секрет, что коррупция представляет собой опасное явление для общества и государства, она характерна не только для сферы политики и государственного управления, но и для образования.

Коррупция — это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами. [1, с. 24]

Наше правительство регулярно внедряет антикоррупционные меры, направленные на борьбу с коррупционными правонарушениями, а также на их предотвращение. Издаются нормативно-правовые акты, указы и производится надзор за их выполнением, так же был создан Национальный антикоррупционный комитет.

Но, к сожалению, многие специалисты констатируют тот факт, что названные меры не принесли ожидаемых результатов. Виной тому, на наш взгляд, является несовершенство норм уголовного права — ограниченные возможности привлечения к ответственности коррупционеров, а так же правовой нигилизм граждан, дающих взятки работникам сферы образования.

По данным Судебного департамента, в 2014 году по ст. 290 УК РФ осуждено 1625 человек за получение взяток. Статистика показывает, что большинство осужденных

по статье 290 УК РФ в 2014 году были мелкими взяточниками. В 2014 году 14,6% осужденных по этой статье (238 человек) были приговорены за взятки в размере до 1 тыс. рублей, а ещё 41,9% (681 человек) за взятки от 1 тыс. до 10 тыс. рублей. Лишь 21,5% осужденных (350 человек) были осуждены за взятки в 50 тыс. рублей и более. [2, с. 36]

Но не кажется ли вам, что взяточников в нашей стране гораздо больше, и взятки они получают куда более существенные? По нашему мнению, для существенных результатов нужна сильная политическая воля и взаимодействие правительства и российского общества в целом.

И так, коррупция в сфере образования происходит на низшем и высшем уровне. На низшем уровне она проявляется в процессе обучения. К примеру, прием в учебные заведения, вступительные испытания, сдача промежуточных и выпускных экзаменов и многое другое. Коррупция на высшем уровне связана с системой аккредитации, лицензирования учебных заведений, а так же с системой распределения бюджетных средств на финансирование системы образования.

Одной из причин возникновения коррупции на низшем уровне образовательной сферы является большой разрыв между уровнем знаний выпускников школ и требованиями, предъявляемыми ВУЗами к абитуриентам. Из — за этого поступить в вуз становится весьма сложно, из — за чего абитуриенты и их родители с помощью взяток пытаются решить эту проблему.

Министерство образования и науки должно устранить такой разрыв, поэтому. Предлагается ввести еще один год

обучения в школе, который будет нацелен на выравнивание школьной программы с требованиями вуза.

Часто у молодёжи отсутствует мотивация к учёбе, многим студентам проще заплатить за экзамен, чем сдать его самостоятельно. Для того чтобы повысить мотивацию к учёбе, необходимо менять действующей системы выпускных экзаменов и системы образования в целом.

Многие аналитики считают, что через пять лет системе высшего образования может грозить фиаско, поскольку связь между вузами и рынком труда теряется. Многие работодатели, подбирая для себя кадры, отказываются рассматривать кандидатуры выпускников некоторых ВУЗов.

На мой взгляд, негативным образом на мотивацию к учебе так же влияет возможность восстановления после отчисления за неуспеваемость, которая предусмотрена нашим законодательством. Такая схема является выгодной для ВУЗа в том случае, если студент обучался на платной

основе, так как он вынужден будет еще раз заплатить за обучение. Во многих европейских странах человек, который был отчислен по причине неуспеваемости, уже не вправе получить образование по этой же специальности.

Чтобы побороть эту проблему, по нашему мнению, необходимо создать острую ситуацию, то есть связать отчисление с большим количеством издержек для учащегося, что существенно повысит его мотивацию учиться и не быть отчисленным.

В Российской Федерации проводится Единый государственный экзамен для выпускников 11 классов, который направлен на борьбу с коррупцией. Инициативной группой был проведен опрос среди студентов, основным вопросом которого был: «Считаете ли Вы, что введение единого тестирования вместо экзаменов (в том числе, и вступительных) и зачетов может снизить уровень коррупции в вузе?» На что были получены следующие ответ [3, с. 7]:

Варианты ответов	В % к числу опрошенных
Да, существенно	5
Лишь незначительно	31
Нет, изменится лишь получатель взяток	50
Подобное нововведение лишь усугубит положение	14

Из приведенных результатов можно сделать вывод, что большинство студентов посчитало, что проблему коррупции ЕГЭ не решит, изменится лишь получатель взяток.

Отрицательным последствием введения ЕГЭ является увеличение доли платного образования, так как теперь финансируется обучение тех, кто сдаёт ЕГЭ на высокий балл. И никто не гарантирует, что при определении «проходного балла» в ВУЗ его значение не будет завышаться с целью снижения финансирования. Следовательно, можно сделать вывод, что Единый государственный экзамен - это не выход из столь тяжелого положения - высокого уровня коррумпированности в образовании.

А что же понимается под «коррупцией на высшем уровне образования»? Это коррупция, которая возникает на стадиях аккредитации и лицензирования учебных заведений. В Российской Федерации система аккредитации и лицензирования вузов несовершенна и обладает рядом серьезных недостатков.

Лицензирование — деятельность лицензирующих органов по предоставлению, переоформлению лицензий, продлению срока действия лицензий в случае, если ограничение срока действия лицензий предусмотрено федеральными законами, осуществлению лицензионного контроля, приостановлению, возобновлению, прекращению действия и аннулированию лицензий, формированию и ведению реестра лицензий, формированию государственного информационного ресурса, а также по предоставлению в установленном порядке информации по вопросам лицензирования [4, с. 28], то есть лицензирование ВУЗа — это процедура

подготовки и выдачи ВУЗу лицензии в сфере профессионального обучения по одному или совокупности направлений подготовки на основе экспертной оценки. включает: проведение экспертизы, принятие решения, оформление и выдача лицензии.

Государственное аккредитование — аккредитация в национальной системе аккредитации - подтверждение национальным органом по аккредитации соответствия юридического лица или индивидуального предпринимателя критериям аккредитации, являющееся официальным свидетельством компетентности юридического лица или индивидуального предпринимателя осуществлять деятельность в определенной области аккредитации [5, с. 37] следовательно, **аккредитация ВУЗа**- это процедура подготовки и выдачи образовательному учреждению свидетельства об аккредитовании подтверждающего государственный статус образовательного учреждения, уровень реализуемых им программ, соответствие содержание и качества подготовки выпускников требованиям государственного и обеспечивающего образовательного учреждения право на выдачу своим выпускникам документов об образовании государственного образца, на включение в схему государственного финансирования, на пользования печатью с изображением Государственного герба РФ.

Такого рода государственный контроль осуществляется специальной комиссией сотрудников министерства образования, но было бы логичнее сочетать этот контроль с общественно-профессиональным сообществом, которое определило бы более объективно, соответствует ли

качество образовательных программ мировым стандартам. Так же объективно и более прозрачно характеризовать ВУЗ можно было бы по комплексу параметров или системы рейтингов, так как она должна отражать все достоинства и недостатки вузов. Данные подходы могли бы сделать ВУЗы более подконтрольными для общества в плане оценивания. Но не сложно догадаться, что непрозрачная система аккредитации и лицензирования так же порождает коррупцию.

В каких сферах образования коррупция распространена в наиболее крупных масштабах? А именно в тех, где происходит выделение бюджетных средств на развитие системы образования.

По данным экспертов, доля «откатов» — за выделение бюджетных средств на развитие вузовских программ формирования и развития общества доходят до 50% от сумм финансирования [3, с. 42]. Но самая коррупционная сфера — это издание литературы для учебных заведений. Средства, выделяемые на эти цели из бюджета, распределяются исключительно между издательствами, которым покровительствует Министерство образования. Литературы на выделяемые бюджетные средства издается гораздо меньше, чем это необходимо, и недостачу объема выпущенной продукции, количество которой регламентируется количеством выделенных средств, покрывают такими финансовыми махинациями, как фиктивное увеличение себестоимости выпускаемой продукции. Однако, любая независимая экспертиза доказала бы данные несоответствия, но и здесь на пути встаёт коррупция. Данную проблему можно решить путём отслеживания соответствия выпускаемой литературы цене продукта и его качеству посредством экспертиз. Так же решением проблемы могло бы послужить совершенствование процедуры конкурсов на издание школьной и профессиональной литературы, то есть представляется целесообразным сделать данную процедуру более открытой за счёт бюджетных средств. Какие органы осуществляют контроль и надзор в сфере образования и науки? Федеральным органом исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере образования и науки является Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки, которая наделена полномочиями инспектировать в порядке надзора на территории Российской Федерации образовательные учреждения независимо от их организационно-правовых форм, типов и видов, органы управления образованием и уполномоченные органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации, осуществляющие контроль и надзор в сфере образования. Данный федеральный орган подчинен Министерству образования, но как он может

контролировать министерство, которому подконтролен? Стало быть, об объективности в контроле над образованием можно забыть.

Почему для нас коррупция стала привычным явлением? Ни для кого не секрет, что в нашей стране не развито правосознание. Многие люди нейтрально относятся к существованию коррупции, в том числе в сфере образования. Более того, усугубляют ситуацию, сами того не замечая, то есть не считая свои действия усугубляющими коррупционность, например, «покупку» тех же самых экзаменов. Коррупция стала частью высшего профессионального образования. Связано это, прежде всего с тем, что в Российской Федерации попросту нет эффективной системы привлечения к ответственности, как минимум из — за трудной доказуемости фактов дачи и получения взятки. А если же преподаватель ВУЗа «попадётся» на взятке, ректорат предпочтёт просто уволить этого сотрудника, не обращаясь в правоохранительные органы, чтобы это не отразилось на репутации учебного заведения. Ст. 290 УК РФ предусматривает штраф, лишение свободы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью за получение взятки. Максимальный срок лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью по основному составу преступления — три года. Но ведь дело редко доходит до уголовной ответственности, следовательно, это тоже порождает коррупцию.

Исследователи из Государственного университета — Высшей школой экономики установили, что общая сумма взяток в системе образования за год немногим меньше 1 миллиарда долларов. И три четверти этой суммы составляют взятки, связанные с высшим образованием [1, с. 15].

Что же вызвало такую масштабность? Ответ прост — брать и давать взятки вошло в привычку и перестало быть чем-то противозаконным в понимании людей. Необходимо напомнить обществу, что любые проявления коррупции аморальны, что они разрушают изнутри наше государство. Сфера образования является одной из самых важных сфер жизни общества, ведь ей отведена такая роль, как воспитание новых поколений и, в последствии высококвалифицированных специалистов, без которых невозможно дальнейшее развитие государства.

Можно бесконечно долго рассуждать о важности политики и экономики, здравоохранения и обороны страны, но какой в этом толк, когда система, воспитывающая будущих политиков, экономистов, медиков и военных прогнивает? Образование — это фундамент для развития успешного государства, но как же построить успешное государство без фундамента?

Литература:

1. Юхачев С. П. Коррупция в системе образования: типология и последствия // Социально-экономические явления и процессы. — 2008. — № 3. — с. 47.
2. Бейсембаева Н. А. Проблема коррупционности в сфере образования и пути её решения в современной России // Молодой ученый. — 2016. — № 9. — с. 67.

3. Кузнецов Г.Г. Коррупция в РФ: противодействие и ликвидация// Международный журнал экспериментального образования. — 2014. — № 6. — с. 58.
4. Судебным департамент при Верховном суде РФ — официальный портал <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>
5. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 N 273-ФЗ (действующая редакция, 2016)

Закон и подзаконный нормативный акт в правовой система РФ: проблема соотношения

Чернышева Татьяна Михайловна, студент

Научный руководитель: Рубанцова Тамара Антоновна, доктор философских наук, профессор
Сибирский государственный университет путей сообщения (г. Новосибирск)

В научной и учебной литературе подзаконный нормативный акт понимается как акт, принятый государственным органом на основе закона и закону не противоречащий. «Подзаконный нормативный акт понимается как акт, принятый на основе Конституции в соответствии с законом с целью конкретизации и дополнения его положений» [1, с.102]. Можно выделить следующие признаки подзаконных нормативных актов: основываются исключительно на законе, подзаконные акты сосредоточены на дополнение, разъяснение, изменение положений, сформулированных в законе. Подзаконные акты могут быть приняты только с соблюдением установленной процедуры уполномоченным на то государственным органом, они могут быть приняты в пределах компетенции правотворческого органа и регулировать отдельные конкретные аспекты общественных отношений. Подзаконные нормативные акты должны соответствовать определенным требованиям, предъявленным к их форме. [2, с.10]

На основе признаков подзаконного нормативного акта можно выразить его сущность. Под подзаконным нормативным актом понимают нормативный акт, который издается в соответствии с законом, уполномоченным на то органом, направленный на исполнение и развитие положений закона и регулирующий отдельные конкретные стороны общественных отношений.

Подзаконные акты, подчиняясь нормам закона, должны соответствовать друг другу. В зависимости от уровня той структуры, которая издает подзаконный акт, он не должен противоречить актам вышестоящих структур. Однако встает вопрос: «Как соотносятся закон и подзаконный акт?». Соотношение закона и подзаконного акта базируется на верховенстве закона и тем самым сокращает сферу действия подзаконных актов [3, с. 347]. Существует общепринятая классификация видов подзаконных нормативных актов по юридической силе:

1. Указы и распоряжения Президента РФ;
2. Постановления Правительства РФ;
3. Подзаконные федеральные акты (издаваемые соответствующими ведомствами и министерствами);

4. Нормативные документы местных структур самоуправления;

5. Локальные нормативные акты.

Как отмечает А.Б. Венгеров, существует проблема соотношения закона и указа. Эта проблема имеет длительную историю, она возникла в монархических формах правления, при конституционной монархии, как, например, соотношение указа императора и парламента» [5, с. 348]. И сегодня в научной литературе нет однозначного подхода к соответствию закона и Указа президента.

В Российской Федерации в соответствии с Конституцией (ч. 1 ст. 90) Президент РФ имеет право издавать указы и распоряжения. Из ст. 90 Конституции РФ можно выделить отличительные признаки нормативных указов Президента РФ: они не должны противоречить федеральным законам, однако имеют первенствующее значение по отношению к иным подзаконным актам. Они содержат нормы права, при помощи которых регулируют различные сферы общественной жизни, носят обязательный характер. Следовательно, Указ президента — это правовой акт главы государства, который через него реализует свои полномочия. Однако следует помнить о том, что в правовом государстве, каким является Россия, огромную роль играет принцип «верховенство закона» [2,с.23]. Это один из основных принципов правового государства, он означает не только обязательное исполнение закона, но и соответствие всех НПА актов закону.

В системе подзаконных актов РФ можно выделить указы и распоряжения Президента РФ, между ними, несомненно, существует различие. Считается, что указ — акт, который распространяется на более широкий круг правоотношений, а распоряжение — документ определенного предписания. Обычно правотворческая деятельность президента РФ сопровождает наиболее важные вопросы управления государством. Указы президента обращены вопросам назначения на должность, присвоения звания и т. д.

Указы президента РФ часто являются правоприменительными актами, а отличие распоряжений Президента от указов относительно и это вопрос может рассматриваться в соответствии с каждым особенным случаем. Таким

образом, можно сформировать понятие указа президента нормативного характера. Указ президента нормативного характера — это подзаконный акт, регулирующий различные сферы общественной жизни и носящий первенствующий характер по отношению к другим подзаконным актам, который включает в себя нормы права [3, с.348].

Следующим важным подзаконным актом, регулирующим правовую сферу общественной жизни являются постановления правительства РФ. Главная цель издания таких подзаконных актов — это соблюдение Конституции, ФЗ, нормативных президентских указов. Как правило, все правительственные постановления содержат правовые нормы. Исполнение этих подзаконных актов производится в пределах предметов полномочий и ведения России и совместно ее ведения с субъектами.

Исполнение данных подзаконных актов производится только в пределах их полномочий и ведения России совместно с ее субъектами. В подзаконных актах правительства Росс можно выделить подзаконные федеральные акты. Они подчинены актам правительства и чаще всего имеют отраслевое значение (действуют только на лиц, работающих в данной отрасли). В связи с межотраслевой направленностью министерств (ведомств) эти акты могут быть перенаправлены нескольким министерствам и могут регулировать межотраслевые отношения.

В структуру подзаконных актов РФ входят акты федеральных министерств и ведомств, они издаются в виде приказов и инструкций. Приказы могут содержать: нормативные документы, регулирующие наиболее важные вопросы работы федеральных органов исполнительной власти.

По Конституции, местные органы самоуправления осуществляют самостоятельную деятельность в пределах

административно-территориальной единицы. В частности, они управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, устанавливают местные налоги и сборы, осуществляют охрану общественного порядка, а также решают иные вопросы местного значения (ч.1 ст. 132 Конституции РФ). Однако следует отметить, что и в этом случае должен быть реализован принцип «верховенства закона». В рамках своих полномочий, территориальные власти издаю: распоряжения и постановления, утвержденные главами местных органов самоуправления, акты законодательных структур, нормативные положения собраний (сходов) в селах/поселках.

Вся современная структура права и соотношений подзаконных нормативных актов и законов обеспечивает лидерство закона и определенным образом сокращает сферу непосредственного регулирования подзаконных актов. Если подзаконный акт издается с какими-либо нарушениями, это влечет за собой появление юридической коллизии, то есть, возникновение противоречий между подзаконными нормативными актами по одному и тому же вопросу. Для устранения данной ситуации необходимо выполнить определенные действия:

- если нормативные акты были изданы одним и тем же органом, тогда в силу вступает последний принятый акт
- если акты были изданы разными органами, тогда в силу вступает тот, который был издан вышестоящим органом
- если такая ситуация возникает между специальным актом и общим актом, тогда в силу вступает специальный акт.

Литература:

1. Сырых В. М. Теория государства и права. — М., 2007. — 344 с.
2. Улетова Г. Д. Источники исполнительного права: автореф. дис. на соиск. уч. степ. д-ра юрид. наук. — М., 2007. — 38 с.
3. Венгеров А. В. Теория государства и права; Учебник для юридических вузов — М., 2009. — 526 с.
4. Рубанцова Т. А., Фомина Н. А. Проблема построения правового государства в России // Материалы IV международной конференции «Юридические науки: проблемы и перспективы», Казань, 23–36 июня. 2016, — С. 23–26.

Правовое развитие российского общества: проблемы и решения

Широкалова Екатерина Сергеевна, магистрант
Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)

Данная статья посвящена правовому развитию российского общества. Взаимная ответственность государства и гражданина. Как граждане несут ответственность перед государством, так и государство должно нести ответственность перед гражданином. В статье представлены все основные права и свободы человека и гражданина. Рассмотрены все статьи определяющие экономические, социальные и культурные права человека и гражданина, закрепленные в Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: правовое общество, государство, гражданин, политические права, социально-экономические права, Конституция РФ, исполнительная власть, Президент РФ, Государственная Дума, Прокуратура Российской Федерации

Правовое общество — организация политической власти в стране, которая основана на верховенстве закона, действует в строго определённых законом границах. Правовое государство является посредником между индивидом и обществом. Правовое государство — это государство в котором действует свобода, основанная на законах. [3, с.76]

Но на практике в отношениях «государство — гражданин» нет равного партнёрства, поэтому нет равной ответственности их друг перед другом. Такой характер взаимоотношений государства и гражданина косвенно закрепляется в конституциях западных стран. В прямой форме устанавливаются обязанности и ответственность граждан перед государством и нет упоминания об обязанностях и ответственности государства перед гражданами.

Все основные права и свободы человека и гражданина РФ подразделяются на:

1. Личные (гражданские) права и свободы. Согласно гл. 2 Конституции РФ к этой группе прав относятся: [4, с. 123]

- право на жизнь,
- право на свободу и личную неприкосновенность,
- право на неприкосновенность жилища,
- право на неприкосновенность частной жизни,
- право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений,
- право на определения национальности,
- право на пользование родным языком,
- право на свободу передвижения и места жительства,
- право на свободу совести

2. Политические права. Связаны с обладанием гражданства государства и в отличие от личных прав, адресованных в Конституции «каждому», принадлежат только «гражданам». Их реализация позволяет гражданам участвовать в политической жизни общества, в управлении государством. Гражданин может участвовать в политической жизни общества по достижению им возраста 18 лет. [6, с.143]

Граждане имеют равный доступ к государственной службе всех видов. За каждым из них закреплено право на объединение в общественных организациях, включая право создавать политические партии для непосредственного решения государственных проблем, профсоюзы

для защиты своих производственных, социальных и других интересов, достижения установленных целей и т. д.

3. Социально-экономические права. Образуют особую группу основных прав и свобод человека и гражданина. Они относятся к таким важным сферам жизни, как собственность, трудовые отношения, здоровье, отдых, образование и служат обеспечению материальных, духовных, физических и др. социально значимых потребностей и интересов личности. [6, с.146]

В ст. 7 Конституции РФ закреплены положения, определяющие экономические, социальные и культурные права человека и гражданина. К ним относятся: собственность (ст. 35); право на землю (ст. 36); свобода труда и право на труд в надлежащих условиях (ст. 37); охрана семьи (ст. 38); право социального обеспечения (ст. 39); право на жилище (ст. 40); право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41); право на благоприятную окружающую среду (ст. 41); право на образование (ст. 43); свобода научного, технического, литературного, художественного и др. видов творчества, преподавания (ч. 1,2 ст. 44); право на пользование учреждениями культуры (ч. 3 ст. 44). [1]

К Конституционным обязанностям человека и гражданина относятся: [2, с.71]

- Соблюдение Конституции РФ
- Уважение прав и свобод других лиц
- Обязанность родителей заботиться о детях, об их воспитании
- Обязанность совершеннолетних трудоспособных детей заботиться о своих нетрудоспособных родителях
- Обязанность родителей или их заменяющих (опекунов, попечителей) обеспечить получение детьми образования данного уровня
- Заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры
- Платить законно установленные налоги и сборы
- Сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам
- Обязанность граждан РФ защищать Отечество.

Права человека и гражданина — это важнейший институт, который получил свое развитие не только в конституционном праве, но и в других отраслях права. Наиболее

активное развитие он получил во второй половине XX века и вышел на первое место как во внутригосударственном, так и в международном плане.

В сфере исполнительной власти наиболее универсальным способом защиты прав человека и гражданина является судебный порядок разрешения административных жалоб. Гражданин вправе по своей инициативе выбирать в качестве первоначальной инстанции либо орган исполнительной власти, либо суд. Но во всех случаях за гражданином сохраняется право обратиться в суд, если он не будет удовлетворен решением органа исполнительной власти.

В целях обеспечения прав и свобод человека и гражданина в сфере исполнительной власти действует прокурорский надзор.

Прокуратура Российской Федерации в соответствии с Конституцией РФ и Законом РФ «О прокуратуре Российской Федерации» осуществляет надзор за исполнением действующих на территории Российской Федерации законов, принимает меры, направленные на устранение их нарушений и привлечение виновных к ответственности, осуществляет уголовное преследование б.

Также для защиты нарушенных прав в Российской Федерации введена должность Уполномоченного по правам человека. Он рассматривает обращения, жалобы, в которых заявители сообщают о нарушенных правах и свободах и требуют их восстановления или недопущения незаконных действий.

И, наконец, самой высшей инстанцией защиты прав и свобод граждан выступает Президент РФ, являющийся гарантом прав и свобод человека и гражданина. Подписывая законы страны, он оценивает их с точки зрения соблюдения прав и свобод человека, и, в случае их нарушения, возвращает в Государственную Думу.

Наряду с обязанностью государства обеспечивать защиту прав и свобод, существует право человека на самозащиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом. Способы защиты многообразны: обжалование действий должностных лиц, обращение в средства массовой информации, использование правозащитных организаций и общественных объединений (профсоюзы). [6, с.98]

Российский гражданин также вправе обращаться в международные организации по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты.

Многообразие существующих способов защиты прав и свобод человека в целом составляет единый механизм их обеспечения.

Таким образом, для четкого функционирования механизма защиты прав и свобод человека и гражданина необходимо, чтобы законодательство государства предусматривало оптимальный исходный уровень благополучия своих граждан, то есть гарантировало им права на достойную жизнь и свободное развитие, способствовало их реализации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. Официальное издание. — М.: Юрид. лит., 2016. — 64 с.
2. Лейст О. Э. Сущность права. — М.: Зерцало-М, 2011. — 352 с.
3. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. — М.: Дело, 2011. — 528 с.
4. Нерсесянц В. Проблемы общей теории права и государства. — М.: Инфра-М, 2010. — 816 с.
5. Рассолов М. М., Малахов В. П., Иванов А. А. Актуальные проблемы теории государства и права. — М.: Юнити-Дана, 2010. — 448 с.
6. Теория государства и права / Под ред. А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. — М.: Юрайт, 2011. — 752 с.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

История развития специальных знаний

Петров Андрей Вениаминович, студент

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева

Статья посвящена теме: «Истории развития специальных знаний», в которой анализируется, историческое развитие и использование специальных знаний.

Ключевые слова: специальные знания, история развития специальных знаний, специалист, эксперт, судебная экспертиза

В Древнем мире и в Средневековье экспертиза в современном ее понимании еще не существовала. Но, тем не менее, привлечение знающих людей к участию в судопроизводстве имело место уже издревле.

Начальный этап формирования судебной экспертизы следует связывать с появлением первых письменных юридических памятников. В них содержались пока только прообразы будущей нормативной регламентации использования специальных знаний в судопроизводстве, порядка производства судебных экспертиз, их родов и видов, прав и обязанностей эксперта и т. д. Однако привлечение сведущих людей к участию в судопроизводстве на практике происходило многим раньше, как указывают дошедшие до нас исторические источники. [1]

Из древнейших письменных источников права — индийских Законах Ману содержится упоминание о том, что для раскрытия преступлений и анализа следов в качестве экспертов привлекались охотники. В индийских исторических источниках также приводятся сведения об отдельной категории (касте) лиц, занимавшихся поимкой преступников, — «кхоях». [2]

В Византии начиная с периода правления императора Юстиниана (V—VI вв.) при судах осуществляли свою деятельность специальные лица, в обязанности которых входило проведение почерковедческой экспертизы.

В древности для раскрытия преступлений широко использовались не только специальные знания следопытов, но и врачей, которые устанавливали причину смерти, исследовали телесные повреждения, а также устанавливали лиц, совершивших преступление. В дошедших до нас исторических источниках содержатся сведения о том, что врачом по имени Актисний было проведено исследование трупа римского императора Юлия Цезаря для установления того, каким из многочисленных ножевых ударов ему была причинена смерть. [3]

При римском императоре Александре Севере (208—235 г. н. э.) существовала специальная служба, которая выявляла подделки и определяла, какие металлы использовались для этого фальшивомонетчики. Анализ осуществлялся

при помощи нагревания огнем, когда монеты раскалялись вместе с химическими веществами, позволяющим им сплавляться с примесями, используемыми в золотых монетах. «Золото к такому шлаку не прилипало и по охлаждении оставалось в виде блестящего желтого королька, удобного для взвешивания. Зная первоначальную массу изделия и массу королька, можно было определить, сколько примесей содержалось в золоте. [4]

Гай Светоний Транквилл (ок. 120 г. н. э.) писал, что придворный врач Антистий проводил осмотр тела Юлия Цезаря и установил, что тем было получено 23 раны, из которых смертельной, по мнению врача, оказалась вторая рана, нанесенная в область груди. [5]

В трудах Гиппократ (более 460—350 лет до н. э.) рассматривались вопросы исследования повреждений на теле, жизнеспособности младенцев при исследовании трупов и др. [6]

Сохранилось экспертное задание одной из первых дошедших до нас судебно-медицинских экспертиз, полученное от папы римского Иннокентия III (1209 г.), целью которого было выяснение вопроса о причинении смерти при убийстве вора — причинил ли смерть тот, кто ударил убитого могильным заступом. [7]

В Древнем Китае во времена династии Тан для установления чьей-либо личности исследовались следы пальцев рук. Во времена же династии Сун фактически дактилоскопическая экспертиза стала использоваться и в уголовном процессе. [8]

В Древнем Китае предусматривалась специальная чиновничья должность — линши, в круг обязанностей которого, в частности, входило и расследование преступлений, причем часто он выступал и в роли судебного врача. Циньское руководство по расследованию уголовных преступлений. [9]

В Европе первые научные труды по судебной медицине появились только в начале XVII в., одной из первых публикаций по этому вопросу является книга «Судебно-медицинские вопросы», которую в 1621 г. издал в Риме Паоло Захия.

В. М. Никифоров, исследовавший вопрос развития судебных экспертиз, указывает, что в XIV в. (в 1353 г.), в соответствии с правилами *opinion evidence* суды Англии могли привлекать экспертов для совместного определения характера ран или причины увечий. [10]

В Австралии же следопыты — «трэекеры» — специализировались на поиске лиц, укравших чужое имущество, либо заблудившегося скота по оставленным следам. [11]

В Париже в 1570 г. образуется Корпорация присяжных мастеров-письмоводов по исследованию подписей, почерков, счетов и расписок, оспариваемых в судебном порядке. В 1595 Корпорация получила от короля Генриха IV патент на право производства экспертиз, в 1727 г. Людовиком XV была преобразована в Академию и просуществовала до конца XVIII века. [12]

Именно в Париже в 1604 г. издается работа Франсуа Демелля «Советы по распознаванию поддельных рукописей и сравнению почерков и подписей для того, чтобы уметь видеть и обнаруживать всякие подделки; с подробным и полным объяснением искусства письма; о том, как распознавать и расшифровывать скрытые и тайные письма».

В дальнейшем накопленный опыт проведения экспертных исследований в этой области послужил толчком для публикации ряда работ, обобщающих эмпирические данные и методики исследования, таким образом определив развитие как почерковедческой, так и судебной экспертизы документов.

В Италии в 1622 г. издается трактат Камилло Бальдо под названием «Рассуждение о способе узнавать обычаи и качества писавшего его по письму».

В 1665 г. в Париже опубликована работа Жака Ровено — «Трактат об исследовании письма», в котором уже анализировались способы подделки документов. Данное исследование было настолько передовым в то время, что весь тираж книги по распоряжению судебных властей 10 февраля 1670 г. был предан огню, чтобы не допустить распространения описанных в ней способов подделки документов среди злоумышленников. [13]

В Каролине, уголовно-судебном уложении Священной Римской империи германской нации (1532 г.), устанавливалось обязательное участие хирургов при расследовании преступлений против жизни и здоровья, а также сведущих лиц для освидетельствования и помощи суду в осуществлении правосудия.

«CXLVII. О том, если кто-либо будет избит и спустя некоторое время после того умрет таким способом, что будет сомнительно, умер он от нанесенных ударов или по иной причине, то в подобных случаях обе стороны могут предоставить надлежащих свидетелей по делу (как-то указано по поводу доказательств), в особенности надлежит привлечь хирургов, сведущих в деле, и других лиц, кои знают, как держался умерший после ранения, ударов и схватки и как долго он прожил после ранения. При решении подобного дела судьи обязаны обратиться за советом

к законооведам и всюду, как указано в конце Нашего настоящего уложения» [14]

Однако не во всех случаях судам требовались сведущие лица. В ряде случаев суд устанавливал следы побоев самостоятельно, без привлечения сторонних людей. В ст. 29 пространной редакции Русской Правды (XIII в.) записано: «...если придет на <княжеский> двор человек окровавленный или избитый до синяков, то не искать ему свидетелей»...

Особо оговаривались случаи, когда суды обязаны обращаться за консультациями к сведущим лицам:

«ССХIX. В настоящем Нашем и Священной империи уложении многократно указано было, что уголовные суды должны всячески искать совета, если у суда в уголовных процессах возникают сомнения при отправлении правосудия и вынесении приговора. В этих случаях они должны просить и искать указаний у своих высших судов, сведущих в древних, сложных обычаях. [...] Если же уголовное обвинение против преступника и судопроизводство осуществляются властью *ex officio* и по долгу службы, то в случае возникших сомнений судьи должны и обязаны искать совета в высших школах, городах и общинах или у прочих законовевов, где только могут получить наставление с наименьшими издержками»... [15]

В Большом уголовном ордонансе Людовика XIV (1670 г.) специальная глава посвящена заключениям врачей и хирургов. Ордонанс устанавливает вызов врачей и хирургов к раненым и к осмотру мертвых тел, а также предусматривает право суда назначать вторичное освидетельствование через экспертов (посещение) при всех заключениях, требуемых судебной инстанцией. Ордонанс требовал присутствия по крайней мере одного из хирургов, назначаемого главным врачом короля, где таковые есть, под страхом недействительности заключения. [16]

Не менее важным было и освидетельствование состояния обвиняемых; в ст. 23 указывается, что «если какая-то женщина перед или после того, как была осуждена на смертную казнь, объявит, что она беременна, судья должен организовать ее осмотр». [17]

В России появление судебно-медицинской экспертизы следует отнести к XVI в. Так, в 1535 г. врач Феофил по поручению правительницы Елены произвел освидетельствование удельного князя Андрея Старицкого по поводу подозрения в симуляции болезни. [18]

В России судебно-медицинская экспертиза на законодательном уровне получает регламентацию в Воинском уставе Петра I, где устанавливается необходимость привлечения врачей к исследованию повреждений на теле потерпевшего и установления причины его смерти. В толковании к Артикулу 154 читаем, что «... того ради зело потребно есть, чтоб сколь скоро кто умрет, который в драке был и бит, по колот, или порублен будет, лекарей определить, которые бы тело мертвое взрезали, и подлинно разыскали, что какая причина к смерти ево была, и о том имеют свидетельство в суде на письме подать, и оное присягою своею подтвердить», [19]

В России сведения о судебно-психиатрической экспертизе относят к концу XVII в.

Исследователи прошлой русской психиатрии отмечают, что в допетровской Руси в XVI—XVII вв., а отчасти и в более поздние времена основными центрами оказания психиатрической помощи и проведения освидетельствований в этой области медицины являлись монастыри. Душевнобольные направлялись в монастыри не только для их призрения, но и для выявления психического заболевания в целях установления уголовной ответственности.

Формирование института судебных экспертиз тесно связано не только с развитием юриспруденции, но и с развитием отдельных отраслей науки. Невысокий уровень технических и естественнонаучных знаний пока еще только зарождающейся классической науки несколько ограничивал возможности и количество экспертиз этого периода.

Появление и развитие новых родов и видов экспертиз происходило неравномерно. Законодательная регламентация производства экспертиз значительно отставала от практики их производства. [20]

Литература:

1. Неретина Н. С. От Гиппократов до Ньютона: начальный период возникновения и становления экспертных знаний // Актуальные проблемы российского права. 2014. N 2. С. 274—280.
2. Возгрин И. А. Введение в криминалистику: История, основы теории, библиография. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. С. 16.
3. Рожановский В. А. Судебно-медицинская экспертиза. М.: Госюриздат, 1928. С. 10.
4. Россинская Е. Р. Профессия — эксперт (Введение в юридическую специальность). М., 1999. С. 159.
5. Транквилл Гай Светоний. Жизнь двенадцати Цезарей. М., 1990. С. 35.
6. Россинская Е. Р., Зинин А. М. История становления и развития судебной экспертизы // История юридических наук в России. Сб. статей. М., 2009. С. 354.
7. Никифоров В. М. Экспертиза в советском уголовном процессе. М., 1947. С. 6.
8. Крылов И. Ф. Судебная экспертиза в уголовном процессе. Л.: ЛГУ, 1963. С. 4.
9. Циньское руководство по расследованию уголовных преступлений // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Древний мир и Средние века. Том 1. М., 2012. С. 129—132.
10. Неретина Н. С. От Гиппократов до Ньютона: начальный период возникновения и становления экспертных знаний // Актуальные проблемы российского права. 2014. N 2. С. 274—280.
11. Астанов И. Р. Генезис, современное состояние и перспективы развития института экспертизы: проблемы и пути их решения // Эксперт-криминалист. 2015. N 3. С. 31—33.
12. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М., 2000. С. 323.
13. Буринский Е. Ф. Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею. М., 2002. С. 222.
14. Каролина. Уголовно-судебное уложение Карла V. Алма-Ата, 1967. С. 104—105.
15. Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 4. С. 675—676.
16. Никифоров В. М. Экспертиза в советском уголовном процессе. М., 1947. С. 6.
17. Антология мировой правовой мысли. в 5 т. Т. II. Европа: V—XVII вв. М., 1999. С. 788.
18. Крылов И. Ф. Избранные труды по криминалистике. СПб., 2006. С. 752.
19. Российское законодательство X—XX вв.: в 9 т. Том 4. М., 1986. С. 355.
20. Неретина Н. С. От Гиппократов до Ньютона: начальный период возникновения и становления экспертных знаний // Актуальные проблемы российского права. 2014. N 2. С. 274—280.

Становление и развитие прокуратуры Российской империи в 1722–1863 гг.

Сугаипова Элина Ахмедовна, аспирант

Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики

Петр I оставил наследникам прокуратуру, обладавшую более широким спектром полномочий, нежели европейские аналоги. Как обосновано отмечает Е. В. Кучинская, от французской прокуратуры в России приобрели надзор за деятельностью определенного органа, от шведского омбудсмана — защиту прав подданных, а из Германии, от местных фискалов — задачи пополнения казны, включая

надзор за налогами и сборами, а также государственными закупками и заказами [1, с.85]. Несмотря на видимую и ожидаемую эффективность эта система была быстро демонтирована.

В эпоху дворцовых переворотов шел интенсивный эмпирический поиск эффективной системы управления дворянской империи. Учрежденная Петром I прокуратура при его

последователях постепенно утрачивает свое значение. Уже при Екатерине I генерал-прокурор и Сенат теряют существенную часть полномочий, которые были переданы учрежденному 8 февраля 1726 г. Верховному Тайному Совету, а впоследствии — Кабинету. В 1730 г. без отмены Указа Петра I от 12 января 1722 г. были упразднены должности генерал-прокурора и прокуроров в коллегиях, что негативно повлияло на функции контроля за госаппаратом и общего надзора. Часть функций генерал-прокурора перешли к обер-прокурорам, которые его правами не обладали и в связи с этим сосредоточились на вопросах контроля за делопроизводством и оборотом дел. Уже при Анне Иоанновне специальным Манифестом от 2 октября 1730 г. должности генерал-прокурора и прокуроров в коллегиях, а также надворных судах были восстановлены, а генерал-прокурор вошел в состав Правительствующего Сената на правах сенатора.

1 ноября 1730 г. Сенат принял решение о том, что прокурорам надлежит быть «в губерниях», что означало восстановление присутствия прокуратуры в губерниях и уездах как при судах, так и в рамках собственной вновь формируемой административно-территориальной структуры. Первые годы работы показали положительный результат, и территориальная структура органов прокуратуры в губерниях получает правовое регулирование в «Должности губернского прокурора» утвержденной Сенатом 3 сентября 1733 г. [2] В то же время, дальнейшее развитие и совершенствование территориальной структуры шло крайне медленно. Так, прокуроры провинций появились лишь в 1763 г. и подчинялись они напрямую генерал-прокурору, обладая аналогичными губернским прокурорам полномочиями.

В 1730—1740 годы позиции генерал-прокурора постепенно укреплялись, он вошел в высшую политическую элиту Российской империи и при Елизавете Петровне генерал-прокурор уже был членом узкого высшего совещательного органа — Кабинета Ее величества.

В современной литературе убедительно показано как к середине XVIII в. росла роль генерал-прокурора, но не в части усиления его надзорной функции, а лишь по причине широкого наделения его функциями исполнительной власти [3, с. 16]. В то же время как таковой институт прокуратуры, и в особенности её надзорная функция, переживали глубокий кризис. Должность генерал-прокурора, хотя и была высокой по статусу, считалась «праздной» и не была формализована конкретными функциями и обязанностями, не имея должной (и актуальной на тот момент) правовой регламентации. Руководствуясь обычаем делового оборота, прокуроры в основном наблюдали за «порядком дел», т. е. делопроизводством.

Эволюция абсолютизма привела к тому, что функция прокуратуры по надзору за высшими должностными лицами и госаппаратом в целом, приданная прокуратуре в свое время Петром I, отпала, как только престол и монарх оказались во власти и выразителями интересов господствующего класса — дворянства и его политической

элиты. В новых условиях прокуратура уже не надзирала за высшими должностными лицами, которым фактически принадлежала власть в империи. Формально при Елизавете Петровне указом от 12 декабря 1741 г. прокуратура была восстановлена в тех функциях, что имела при Петре I, однако в период дворцовых переворотов генерал-прокурор фактически превратился в одного из придворных-царедворцев и также активно участвовал в борьбе придворных группировок. Особенно отличился в этом плане генерал-прокурор Н. Ю. Трубецкой (1740—1760 годы) «человек пронырливый, умеющий лавировать, своевременно оставить ослабевшую и перейти на сторону усилившейся партии» [4, с. 62]. Таким образом, прокуратура фактически была отстранена от надзорной функции, которую фактически и не могла исполнять. Принимая должность, Н. Ю. Трубецкой в Сенате, во многих коллегиях «и прочих судебных местах, и в губерниях» отметил, что «прокуроров почти никого нет, а в некоторых, малых, хотя и есть, токмо люди уже зело престарелые и к тому неспособные» [4, с. 63].

В период переворотов, независимо от лично определяемой и значимой роли генерал-прокурора при дворе, его отношениями с Сенатом и иными высшими государственными органами, значение самого института прокуратуры в плане надзора за законностью было ничтожным. Гораздо большее внимание прокуратура уделяла наблюдению за внешней формой управления — общим порядком делопроизводства, в этой связи предпринимая не системные попытки борьбы с волокитой. Целесообразность и полезность данного направления деятельности нельзя сбрасывать со счетов. Формализация отсутствовавшего в то время порядка рассмотрения дел в государственных органах была чрезвычайно важна. Документы того времени хаотичны и свидетельствуют об отсутствии единого понимания делопроизводства. В этой связи деятельность прокуроров была полезна. В то же время, малозаметны в это период усилия прокуратуры в борьбе с коррупцией и должностными преступлениями.

Усиление роли прокуратуры в целом и надзорной функции в частности, следует отнести к воцарению Екатерины II. Уже в 1763 г. в ходе реформы управления Сенат был поделен на шесть департаментов, во главе с обер-прокурорами. Генерал-прокурору была в качестве основной вменена надзорная функция, он был обязан следить за точным исполнением законов Сенатом. Таким образом, генерал-прокурор, получив контрольно-надзорные полномочия приобрел и административный вес, став фактически руководителем императорской администрации, именно ему стали подконтрольны все отрасли управления. Именно генерал-прокурор получал на свое имя высочайшие указы и объявлял их через Сенат. Таким образом, преобладающая административная функция превратила генерал-прокурора в первого министра (институт, широко распространенный в Европе), курировавшего не только юстицией, но и кадрами и финансами.

Таким образом, должность генерал-прокурора, а за ней и весь институт прокуратуры (который во многом отождествлялся с генерал-прокурором) из охранительной и надзорно-контролирующей превратилась в административно-политическую. Данную трансформацию отмечал М. М. Сперанский, видевший в генерал-прокуроре объединение полномочий сразу нескольких ключевых министров: юстиции, финансов, а также администраторов: государственного казначея и контролера. При этом по наблюдению Сперанского, именно генерал-прокурор «по всем сим частям непосредственно подносил доклады государыне» [5, с. 142].

Сосредоточение административной власти у генерал-прокурора не было обусловлено потребностями управления, порождало высокие коррупционные риски и лишало прокуратуру возможности осуществлять эффективный общий надзор.

Н. И. Панин неоднократно обращал внимание Екатерины II на необходимость формирования коллегиального совещательного органа — Императорского Совета с возвращением генерал-прокурору функции, предписанной ему законом «оком государевым». В то же время, Панин, настойчиво рекомендуя восстановить надзорную функцию, исходил из того, что «самодержавный государь», оставаясь законодателем, «не может через одно око рассматривать все разные в управлении государства надобности по переменам времен и обстоятельств». В связи с этим Панин предлагал «существо» генерал-прокурора определить как «око, которое в Сенате порядок производства дел и точность законов наблюдать должен» [6, с. 39].

С. В. Пономаренко, констатируя преобладание административно-хозяйственных функций генерал-прокурора, делает обоснованный вывод о том, что эта деятельность не имела отношения к прокурорскому надзору, а функции прокуратуры отклонялись от надзорной в пользу государственного управления. Автор объясняет это двумя причинами: отсутствием в России того времени «общей концепции прокурорского надзора», а также «истинно русском самобытном пути развития прокуратуры» [6, с. 47]. С данными положениями сложно согласиться. Во-первых, в период становления абсолютизма российское государство в принципе не имело каких бы то ни было «общих концепций», которые просто некому было разрабатывать, да таких задач никто и не ставил. Предложения по реорганизации госаппарата подавались на высочайшее имя сановниками и должностными лицами и рассматривались в узком кругу. Во-вторых, нельзя вести речь о некоей самобытности пути развития русской прокуратуры, так как данный орган был создан по образу и подобию аналогичных западноевропейских институтов. Другое дело, что на его развитие оказали влияние особенности генезиса русского абсолютизма.

Осознание необходимости надзора стимулировалось в основном потребностью в контроле местной администрации. При Екатерине II был учрежден институт провинциальных прокуроров, наделенных теми же полномочиями,

что и губернские прокуроры, но в рамках своей компетенции. И те и другие подчинялись напрямую генерал-прокурору.

Реформирование прокурорского надзора было связано с губернской реформой 1775 г., в ходе которой прокуроры вошли в судопроизводство, получили права общего и судебного надзора за местами заключения. Параллельно институт прокуратуры формировался при органах губернского управления (правлении, Верхнем земском суде, губернском магистрате, Верхней расправе). Прокуроры, состоявшие при судах, подчинялись прокурору при губернском правлении, бывшему губернским прокурором, который в свою очередь, по прокурорской линии подчинялся генерал-прокурору, а по административной — генерал-губернатору. Аппарат прокурора состоял из стряпчих уголовных дел, входивших, наряду с самим прокурором в Коллегию. Средний штат губернской прокуратуры включал 12 единиц: четырех прокуроров и восьми стряпчих, из которых в самом губернском городе работали трое, тогда как остальные — по уездам, как правило, по прокурору на каждый уезд.

Губернская реформа 1775 г. совершенствовала организацию и полномочия прокуратуры, не меняя при этом основного предназначения данного института. Губернский прокурор и стряпчие надзирали за порядком делопроизводства в губернских присутствиях, защищали «целость власти», интересы, как короны, так и частных лиц. Прокурорам особо предписывалось искоренять коррупцию: «зловредные взятки», а также «запрещенные сборы с народа». На губернских прокуроров возлагалась как охрана коронных прав и привилегий, так и защита подданных. Основным направлением работы прокуратуры стал общий надзор за исполнением законов в губернии и уездах, в судах и управлении, а также надзор за законностью решений губернских и уездных органов управления.

Правозащитная функция губернской прокуратуры находилась в зачаточном состоянии и узко понималась как лишь представление интересов беспомощных лиц (инвалидов, несовершеннолетних и т. п.). Также прокуроры должны были принимать превентивные меры к предупреждению преступности, опротестовывать незаконные акты.

В условиях жесткой централизации периода абсолютизма, прокурорский надзор не мог быть независимым и объективным, в большинстве случаев, его пределы ограничивались или даже определялись губернаторами, а нередко и губернскими правлениями, где прокуроры могли состоять секретарями. Губернаторы не были заинтересованы в повышении статуса прокуратуры и поддержку ей не оказывали. Таким образом, вторая половина XVIII в. прошла под знаком развития губернской прокуратуры, придания ей некоторых надзорных функций.

Система властных отношений в губерниях и наместничествах строилась таким образом, что прокуроры осуществляли надзор за органами губернской власти, а губернаторы и наместники, за прокурорами. В частности Курский наместник А. А. Беклешов [7, с. 52], выяснив, что курский губернский прокурор Ф. К. Яцын из рыльских помещиков,

имея в Рыльском уезде два винокуренных завода, производил контрафакт, т. е. алкоголь сверх положенной нормы, утаивая соответствующие налоги, приказал исправнику арестовать прокурорское вино и опечатать завод.

В короткое царствование Павла I власть генерал-прокурора упрочилась, в его канцелярию поступали доклады и дела из коллегий, расписываемые по специальным экспедициям. Генерал-прокурор сосредоточил в своих руках максимально возможную при российском абсолютизме полноту власти. Он занимался делами правительства, фактически исполняя обязанности его председателя. Многие, как русские [8, с.148], так и современные исследователи отмечали, что при Павле I генерал-прокурор был «как бы премьер-министром» [9, с.18]. В сферу ответственности генерал-прокурора в этот короткий период вошли дела, не имевшие никакого отношения ни к надзору, ни к законности вообще. Помимо снабжения армии и флота, финансов, генерал-прокурор, уже без обсуждения в Сенате, единолично контролировал суды, генерал-губернаторов и вообще всю вертикаль власти. Такая концентрация власти у прокурора существенно снизила надзорную функцию, не способствуя укреплению законности. Надзор был фактически низведен до второстепенной функции общего управления.

Реформаторские искания Александра I опирались на западный опыт и идеи. В связи с этим, несколько расширились права Сената, были учреждены министерства. По проекту М. М. Сперанского был создан Государственный Совет. Таким образом, Сенату остались лишь функции высшей судебной инстанции. Функция надзора за исполнительной властью постепенно переходила министерству юстиции, центральный аппарат которого выделился из канцелярии генерал-прокурора. Соответственно, новое министерство в значительной степени ориентировалось на управление системой суда и прокуратуры. Генерал-прокурор стал одновременно и министром юстиции, в связи с чем первый полностью утратил самостоятельность. В связи с приоритетом статуса должности министра должность генерал-прокурора на тот момент следует считать если не ликвидированной, то в большей степени формальной. На местах, в губерниях, прокуроры лишились надзорных функций, сохранив их лишь по отношению к следствию, определению подсудности по гражданским делам гражданским.

В то же время, В. С. Павлов, отмечает определенное противоречие, когда в связи с учреждением министерств «надзор за центральными учреждениями стал фактически невозможен». В то же время, в первое время, как отмечает автор общий надзор за губернскими учреждениями несколько усилился [10, с.93]. В целом согласившись с автором, отметим, что данное усиление не имело характер тенденции, а было связано с позицией министра юстиции Г. Р. Державина, который уже 26 сентября 1802 г. циркулярно обратил внимание губернских прокуроров на необходимость неукоснительно следовать закону [11]. Через год Державин оказался в отставке, а его

преемник П. В. Лопухин, бывший генерал-прокурор был менее принципиален.

В целом политическое влияние генерал-прокурора с учреждением министерств существенно уменьшилось, так как его статус в новых условиях был не выше статуса министра. В новых условиях генерал-прокурор стремился достичь консенсуса в сенатских делах, а при разногласиях членов Сената с позицией прокуратуры, вынести вопрос на рассмотрение императора. «Понижение» статуса относилось не столько к должности генерал-прокурора, сколько к политике ограничения функций Сената, сузившихся после учреждения министерств до исключительно судебной и надзорной сферы. Надзорная власть генерал-прокурора (министра юстиции) уже не распространялась на министерства и Государственный совет, в связи с чем прокуратура утратила значение «ока государева», трансформируясь в централизованный надзор за судебной системой и административным управлением на местах. Н. В. Муравьев обращал внимание на то, что в Своде законов, понятие «прокурорский надзор» почти не употреблялось [12, с.329].

Все это не могло не повлиять на авторитет прокуратуры. В новых условиях губернаторы, а за ними и присутствия нередко игнорировали протесты прокурора, не информировали прокуроров о принимаемых решениях. В связи с этим, в работе прокуроров нарастал формализм. В то же время, изменения в статусе и положении прокуратуры первой половины XIX в. существенно не повлияли на функции губернской прокуратуры, которая сосредоточилась на надзор за решениями губернских судов и административных органов. Губернская прокуратура, помимо упомянутых выше обязанностей, сигнализировала генерал-прокурору и губернскому правлению о незаконных решениях и действиях в губернских присутственных местах, о состоянии и движении дел, волоките и т. п. В части надзора за следствием прокурор контролировал правильность применения процессуального закона, соблюдение прав обвиняемых, недопущение пыток.

В обстановке усиления мер государственной безопасности с созданием в 1826 г. Третьего го отделения Собственной Е. И. В. канцелярии органы местной прокуратуры, как отмечает В. С. Павлов, фактически попали под жандармский надзор. Усилилась тенденция дальнейшего ограничения надзорной функции прокуратуры, проявлялись признаки утраты прокуратурой самостоятельности, с последующим «превращением в придаток репрессивного аппарата» [13, с.162]. С приведенной позицией сложно согласиться, так как в задачи Корпуса жандармов никогда не входила какая-бы то ни было форма надзора, тем более за прокурорами, которые в тот период не имели приоритетом защиту прав подданных, а как раз и были «придатком репрессивного аппарата».

Кроме того, надзирать за прокуратурой было бы и технически сложно ввиду того, что нормативная база надзора в Своде законов, не систематизировалась. Сегодня её можно условно поделить на четыре уровня:

- 1) надзор генерал-прокурора (Министра юстиции);
- 2) надзор обер-прокуроров при общих собраниях и департаментах Сената;
- 3) надзор губернского прокурора во вверенной губернии, двух губернских стряпчих;
- 4) надзор (вспомогательная функция) уездного стряпчего по уездам.

С. В. Пономаренко выделяет три уровня, игнорируя уездный и причисляя его к губернскому [14, с.47]. С данной позицией сложно согласиться. Уездный уровень, хотя и в подчинении губернского прокурора, представляется самостоятельным уже в силу того, что именно он был самым массовым и наиболее «рабочим» из прокурорских надзоров. Что касается подчиненности, то и губернский прокурор был подчинен министру юстиции и это не повод не выделять его в отдельную группу.

Разрозненность и не системность норм, регулирующих деятельность прокурора была такова, что определить его статус затруднялись даже специалисты. Н. В. Муравьев подчеркивал, что в Своде законов не «достаточно ясен законный тип прокурора как правительственного деятеля в общественной сфере».

Выполняя свои надзорные функции, прокуратура применяла комплекс способов правового воздействия, варьируя их от формально-обязательных предписаний до субъективно-личностных оценок. Прокурор лично присутствовал в заседаниях губернского присутствия и в присутственных местах, запрашивал дела и информацию по делам; давал заключения по правовым вопросам; обращал внимание присутственных мест губернии на вопросы, требующие решения, недочеты и нарушения. Также прокурор представлял в порядке подчиненности, как отчетные, так и истребуемые из губернии сведения, просматривал и ревизовал регистрационные журналы присутственных мест.

Отсутствие четкой специализации и сегментации функций и статуса прокуратуры в Своде законов позволяло проявляться старой и хронической для России тенденцией сращивания с органами государственного управления.

Вхождение прокуратуры в систему исполнительной власти существенно сузило пределы ее власти. Ранее, состоя при Сенате, прокуратура надзирила за правительством. Министр юстиции, будучи членом правительства, не мог надзирать за его деятельностью. Кроме того, прокуроры занимали в Табели о рангах далеко не самое высокое положение, не выше VI–VII классов, получали весьма скромное содержание. Фактическая подчиненность на местах губернской администрации сводила на нет самостоятельность и независимость, без которых функция прокурорского надзора не могла быть эффективной.

Несмотря на серьезные институциональные ограничения, прокуратура в начале XIX в. развивалась в плане формы, наработки процедур надзора. Так, прокурор получил право беспрепятственного входа в губернские органы управления, присутствуя при докладах. В уезде прокурор и стряпчие считались представителями закона.

К середине XIX в. прокуратура сформировалась как единый, централизованный и относительно (по крайней мере, формально организационно) самостоятельный орган, обладавший не вполне конкретизированными и систематизированными, но по форме достаточными полномочиями по превенции нарушений закона. К середине XIX в. в основном удалось восстановить задачи и функции прокуратуры, заложенные в момент её основания. К этому же времени прокуратура действовала на всей территории империи, во всех органах, где решались судебные и административные дела.

Абсолютистская власть относилась к прокуратуре как важному и необходимому атрибуту государства, видя в ней действенный инструмент поддержания законности. Прокуратура представлялся и институтом борьбы с коррупцией, произволом, злоупотреблениями и волокитой.

При подготовке судебных реформ 1864 г., в 1860 г. министерство юстиции специально разработало для прокуроров инструкцию о борьбе в волокитой, требуя особой «ревности» в делах скорости и правильности рассмотрения дел. В рамках межведомственного взаимодействия МВД и министерство юстиции приняли участие в разработке «Учреждений судебных следователей» от 8 июля 1860 г, по которому судебная власть была отделена от административной, а уголовное следствие возлагалось не как ранее, на полицию, а на специальных судебных следователей в подчинении министерства юстиции. «Учреждение судебных следователей» определило и надзорные функции прокуратуры в части дознания и следствия.

29 сентября 1862 г. Александр II утвердил «Основные начала» судебной реформы [15], которые были настолько либеральны по духу, что один из цензоров отметил, что во времена Николая I за такие «мечты» можно было прослыть «сумасшедшим или политическим преступником» [16, с.244]. «Основные начала» четко фиксировали основное назначение прокуратуры — надзор за точным и единообразным исполнением законов с одновременным обнаружением и преследованием всех видов нарушений «законного порядка» с требованием его восстановления. Кроме того, прокурор теперь формулировал «предложения суду» в виде предварительного заключения, как в гражданском, так и в уголовном судопроизводстве.

В новых условиях прокуроры должны были надзирать за следствием и поддерживать обвинение в суде. Становясь участниками судопроизводства, прокуроры получали особые полномочия (принесение протеста в суде первой инстанции и др.). От старого порядка сохранялась функция надзора за пенитенциарной системой. Реформируемая прокуратура строилась на основе строгой централизации; единства прокуратуры как системы, во главе с генерал-прокурором, строгой иерархической подчиненности нижестоящих прокуроров вышестоящим. Реформа предусматривала, что генерал-прокурор, а также губернские прокуроры будут назначаться и освобождаться от должности высочайшими указами, а прочие прокуроры — генерал-прокурором.

Институциональные предпосылки для учреждения особого института надзора в России проявились в середине XVIII в., т. е. на достаточно высоком уровне организации власти и развития государственного аппарата.

Институт надзора был необходим абсолютной монархии, как разновидности авторитарного режима для поддержания работоспособности сложного механизма государственного управления при отсутствии гражданского контроля. Надзорная функция должна была искоренить, или, по крайней мере, ограничить, злоупотребления и коррупцию. При отсутствии баланса ветвей власти, потребность в централизованно исполняемой эффективной надзорной функции постоянно росла.

До 1802 г. прокуратура была институтом высшего общего надзора за государственным аппаратом, но с переходом к министерской системе ситуация изменилась. Объединение должностей генерал-прокурора и министра юстиции, при несколько противоречивом сохранении прокуратуры как института высшего надзора, существенно сузила ее компетенцию и, фактически из этого надзора вывело.

Несмотря на то, что министр юстиции был одновременно и генерал-прокурором, министерство юстиции нельзя считать генеральной прокуратурой Российской империи, так как обер-прокуроры Сената, подчиняясь министру юстиции,

не входили в общую систему с губернской прокуратурой, которая в порядке общего надзора представляла единую организацию, но не имела единой регламентации, так как положения о губернских прокурорах, стряпчих и уездных стряпчих разрозненно содержались в разных томах Свода учреждений губернских.

Как генерал-прокурор, так и обер-прокуроры не получили прав надзора за министерствами и министрами, а также их территориальными органами. В исследуемый период прокуратура трансформируется из «ока государева» в центральный правоохранительный орган, не оформленный в государственно-правовой институт и не имеющий отдельного правового регулирования. Вхождение прокуратуры в систему исполнительной власти существенно сузило пределы ее власти. Ранее, состоя при Сенате, прокуратура надзидала за правительством. Министр юстиции, будучи членом правительства, не мог надзирать за его деятельностью.

Развитие российской прокуратуры в XVIII — первой половине XIX в. показало, что обеспечить законность административными средствами или реформированием бюрократического аппарата не получалось. Лишь демократизация судебной системы, государственного управления, привлечение институтов гражданского общества были способны обеспечить эффективность правоохранительной функции.

Литература:

1. Кучинская Е. В. История возникновения, становления и развития российской прокуратуры // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2014. № 2 (16)
2. ПСЗ. Т. IX. N 6475.
3. Казанцев С. М. Прокуратура Российской империи: Историко-правовое исследование: автореф. дисс... д-ра юрид. наук. 12.00.01. СПб., 2003.
4. История Прокуратуры России. историко-правовой анализ/ Звягинцев А. Г., Эриашвили Н. Д., Григорьев В. Н., Казаков В. В., Галузо В. Н., Коршунов Н. М. Учебное пособие. М., 2012.
5. Цит. по: Алексеев А. С Русское государственное право. С. 402. Соловьев С. М. Указ. соч. Книга XIII.
6. Пономаренко С. В. Основные этапы истории развития российской прокуратуры (Исторический аспект): дисс... канд. ист. наук. 07.00.02. М., 2008.
7. Степанов В. Б. Генерал губернатор Беклешов — всех умней и всех несчастней // VIP. 2003. № 4.
8. Ключков М. В. Генерал-прокуроры при Павле I // Журнал Министерства юстиции. 1912. Кн. 4.
9. Казанцев С. М. Прокуратура Российской империи: Историко-правовое исследование: автореф. дисс... д-ра юрид. наук. 12.00.01. СПб., 2003.
10. Павлов В. С. Новая функция царской прокуратуры // Судебная система и гражданское общество России К 150-летию Судебной реформы: Материалы международной науч. — практ. конф. 2015.
11. ПСЗРИ — I. Т. XXVII. СПб., 1830. № 20553.
12. Муравьев Н. В. Прокурорский надзор
13. Павлов В. С. Общенадзорная функция российской прокуратуры в период самодержавия (1722—1917) // Символ науки. 2015. Т. 1. № 3—1 (3).
14. Пономаренко С. В. Основные этапы истории развития российской прокуратуры (Исторический аспект): дисс... канд. ист. наук. 07.00.02. М., 2008.
15. Джаншиев Г. Основы судебной реформы (к 25-летию нового суда). Историко-юридические этюды. М., 1891.
16. Цит. по: Джаншиев Г. А. Судебная реформа // Эпоха великих реформ. По изданию 1900 г. М., 1998.

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Особенности правового регулирования статуса несовершеннолетних

Аптаева Сабина Умаровна, курсант;
Манжукова Олеся Анатольевна, преподаватель
Колледж полиции (г. Москва)

Данная статья посвящена обзору норм отечественного законодательства, регулиующим правовое положение несовершеннолетних. Проведенное исследование позволяет утверждать, что правовой статус несовершеннолетнего является межотраслевым институтом, включающим систему норм, регламентирующих права, свободы и обязанности человека с рождения до достижения восемнадцатилетнего возраста. Данная проблематика имеет многогранный характер.

Ключевые слова: правовой статус несовершеннолетних, нормы российского законодательства, ребенок, дети, малолетние

Конвенция ООН о правах ребенка, определяет, что ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости подлежит охране, заботе и особой правовой защите [2]. Несмотря на предпринимаемые государством меры, в настоящее время имеют место такие негативные социальные проблемы среди несовершеннолетних, как беспризорность, бродяжничество, насилие в отношении детей, а также алкоголизация и наркотизация. Эти факты еще раз подтверждают необходимость получения, как детьми, так и родителями знаний в области прав ребенка, а помимо них еще и преподавателями школ, детскими врачами и многими другими. Особенности несовершеннолетнего возраста не могут не учитываться в праве. Несовершеннолетний — уже не ребенок, но еще и не взрослый. Право должно не только учитывать эту особенность несовершеннолетних, но и защищать их от возможных нарушений их прав и свобод со стороны более «сильных» взрослых.

В этой связи большое значение для воспитания несовершеннолетних имеют правовые нормы, регулирующие различного рода общественные отношения с их участием. Подростки должны знать те права (и обязанности), которые закреплены за ними в действующих правовых актах.

Говоря о правовом статусе несовершеннолетних, прежде всего, следует указать, что же вообще представляет собой правовой статус и кто является несовершеннолетними гражданами.

Правовой статус — совокупность прав и свобод, обязанностей и ответственности личности, устанавливающих ее правовое положение в обществе, а несовершеннолетними признаются лица, не достигшие восемнадцатилетнего возраста [13, с. 19].

Правовой статус несовершеннолетнего представляет собой исторически обусловленную систему прав, свобод

и обязанностей человека с рождения до достижения восемнадцатилетнего возраста, установленных с учетом его правосубъектности, принципов права, правовых ограничений и особенностей юридической связи с родителями или законными представителями [19, с. 20].

Лиц, не достигших восемнадцати лет, принято классифицировать на такие группы:

- 1) до 6 лет, все действия осуществляют их законные представители;
- 2) от 6 до 14 лет — малолетние, имеют право на совершение определенных сделок;
- 3) несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет, имеют право с 16 лет совершать определенные виды сделок, а так же нести ответственность за совершение тяжких и особо тяжких преступлений [13, с. 19].

Благополучие детей и их права всегда вызывали пристальное внимание международного сообщества. Еще в 1924 году Лига Наций приняла Женевскую декларацию прав ребенка. В то время права детей рассматривались в основном в контексте мер, которые необходимо было принять в отношении рабства, детского труда, торговли детьми и проституции несовершеннолетних.

На сегодняшний момент ребенок является субъектом права и наделен различными правами и свободами, например: на получение содержания от родителей; на получение собственных доходов; право наследования; право на неприкосновенность частной жизни, а так же право на имя, жизнь и здоровье [18, с. 36–37].

В 1959 году ООН принимает Декларацию прав ребенка, в которой были провозглашены социальные и правовые принципы, касающиеся защиты и благополучия детей [1, с. 385].

Однако время и положение детей — будущего всего человечества — потребовало от мирового сообщества принятия нового документа, в котором не просто декларировались права детей, но на основе юридических норм фиксировались меры защиты этих прав. В период с 1979-го по 1989 год Комиссия ООН по правам человека, в которой участвовали специалисты из многих стран мира, подготовила текст Конвенции о правах ребенка. Страны, ратифицировавшие Конвенцию или присоединившиеся к ней, должны были пересмотреть свое национальное законодательство для обеспечения его соответствия положениям Конвенции ООН. «Конвенция о правах ребенка» была принята и открыта для подписания, ратификации и присоединения резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г. Ратифицирована Верховным Советом СССР 13 июля 1990 г.

Еще одним нормативным актом, регулирующим права несовершеннолетних являются «Пекинские правила» принятые Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1985 г. Данные правила гласят:

- несовершеннолетний может быть привлечен к ответственности в форме которая отличается от методов применяемых к взрослому;
- правонарушением является любой поступок наказуемый по закону.

В Конституции РСФСР 1978 г. в качестве основополагающего принципа, был закреплен принцип защиты государством материнства, детства и семьи в целом. Подтверждение государственной политики в данной области в действующей Конституции Российской Федерации соответствует международно-правовым актам ООН по правам человека и свидетельствует о том значении, которое придается в современном социальном обществе семье, женщине-матери, детям, что подтверждают нормы 38 статьи [4].

Кроме того, в России основным документом в области защиты прав ребенка является федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации». Закон устанавливает основные гарантии прав и законных интересов ребенка, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, в целях создания правовых, социально-экономических условий для реализации прав и законных интересов ребенка. В нем говорится: «Государство признает детство важным этапом жизни человека и исходит из принципов приоритетности подготовки детей к полноценной жизни в обществе, развития у них общественно значимой и творческой активности, воспитания в них высоких нравственных качеств, патриотизма и гражданственности» [6].

Кроме того, правовой статус несовершеннолетних закреплен Гражданским кодексом РФ (ГК РФ) и Семейным кодексом РФ (СК РФ). Условно права ребенка можно разделить на 6 основных групп [7, 8]:

- к первой группе можно отнести такие права ребенка, как право на жизнь, на имя, на равенство

в осуществлении других прав. Каждый ребенок имеет право на имя, отчество и фамилию (ст. 58 Семейного кодекса РФ). Имя ребенку дается по соглашению родителей, отчество присваивается по имени отца, фамилия определяется фамилией родителей.

Действующее семейное законодательство РФ предусматривает право ребенка выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства. Учет мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, обязателен, кроме случаев, когда это противоречит интересам ребенка.

Более того, законом предусмотрено, что изменение имени и фамилии ребенка возможно только с согласия ребенка, достигшего возраста десять лет.

- ко второй группе относится права ребенка на семейное благополучие. К важнейшим личным правам ребенка относится его право на защиту (ст. 56 Семейного кодекса РФ). Праву ребенка на защиту своих прав и законных интересов корреспондирует (соответствует) обязанность родителей, а в случаях, предусмотренных законом, органов опеки и попечительства, прокуроров, судей защищать права детей. При нарушении прав и законных интересов ребенка, в том числе при невыполнении или при ненадлежащем выполнении родителями (одним из них) обязанностей по воспитанию, образованию ребенка либо при злоупотреблении родительскими правами, ребенок имеет право самостоятельно обращаться за их защитой в органы опеки и попечительства, а если ему исполнилось 14 лет, то в суд.
- к третьей группе относится права ребенка на свободное развитие его личности;
- четвертая группа права призвана обеспечить здоровье детей;
- пятая группа прав ориентирована на образование детей и их культурное развитие (право на образование, на отдых и досуг, право участвовать в играх и развлекательных мероприятиях, в культурной жизни и заниматься искусством). Право гражданина на образование, закрепленное в ст. 43 Конституции РФ является универсальным. Государство гарантирует общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях. Каждый учащийся любого типа образовательного учреждения имеет соответствующие права и обязанности, что должно быть закреплено в Уставе учебного заведения. Чаще всего в них закреплены следующие права учащихся: право на защиту чести и достоинства, неприкосновенности личности; право на объективную оценку в соответствии со знаниями, умениями и навыками; право учащихся принимать участие в управлении учебным

заведением через выборные органы (например, через участие в совете школы или органах ученического самоуправления) [16, с. 52].

- шестая группа прав направлена на защиту детей от экономической и другой эксплуатации, от привлечения к производству и распространению наркотиков, от античеловеческого содержания и обращения с детьми в местах лишения свободы [12, с. 3].

Семейный кодекс РФ рассматривая вопросы, связанные с расширением прав ребенка, закрепляет такие права как:

- выражение собственного мнения с 10 лет, при решении семейных вопросов в суде;
- с 14 лет лицо имеет право на обращение в суд за защитой;
- с 16 лет несовершеннолетние родители имеют все права по отношению к своим детям [7].

Большое значение для воспитания несовершеннолетних имеют правовые нормы, регулирующие различного рода общественные отношения с их участием. Подростки должны знать те права (и обязанности), которые закреплены в действующих правовых актах за ними.

Таким образом, правовой статус несовершеннолетнего в Российской Федерации это — правовое положение гражданина, не достигшего восемнадцати летнего возраста, которое на прямую связано с обществом и государством. Задача государства — защита прав несовершеннолетнего гражданина, как внутренним законодательством, так и нормами международного права.

Особенности несовершеннолетнего возраста не могут не учитываться в праве. Несовершеннолетний — уже не ребенок, но еще и не взрослый. Право должно не только учитывать эту особенность несовершеннолетних, но и защищать их от возможных нарушений их прав и свобод со стороны более «сильных» взрослых.

Многие несовершеннолетние не только не знают свои права, закрепленные в действующем законодательстве, но и не могут в полной мере реализовать их, несмотря на то, что права несовершеннолетних детей имеют законодательное закрепление, они гарантированы Конституцией РФ. Порой несовершеннолетние зачастую не знают принадлежащие им по закону права, не знают, как эти права реализовать, куда обращаться за защитой, и кто может оказать им правовую помощь.

Литература:

1. Декларация прав ребенка от 20 ноября 1959 г., принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г. // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. — М.: Юридическая литература, 1990. С. 385–388.
2. Конвенция ООН о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1990. № 45. Ст. 955.
3. Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей (1990 г.) // Социальные аспекты прав человека в документах мирового сообщества. М., 1996.
4. Конституция Российской Федерации // Российская газета. № 237, от 25 декабря 1993 г.; СЗ РФ. 2009. N 4. Ст. 445; СЗ РФ. 2014. N 9. Ст. 851; СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
5. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3177; СЗ РФ. 2013. № 52 (часть I). Ст. 7000; СЗ РФ. 2014. № 14. Ст. 1554; СЗ РФ. 2015. № 29 (часть I), ст. 4363.
6. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3802; СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. 5). Ст. 7056; СЗ РФ. 2013. № 49 (часть I). Ст. 6329; СЗ РФ. 2015. № 29 (часть I), Ст. 4365.
7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16; СЗ РФ. 2014. № 7. Ст. 735; СЗ РФ. 2014. № 45. Ст. 6143; СЗ РФ. 2015. № 17 (часть IV). Ст. 2476; СЗ РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4366.
8. Гражданский кодекс РФ (ч. 1) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7041; СЗ РФ. 2013. № 44. Ст. 5641; СЗ РФ. 2014. № 26 (часть I). Ст. 3377; СЗ РФ. 2015. № 27. Ст. 3945.
9. Распоряжение Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // Российская газета № 122 от 8 июня 2015 г.
10. Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2014. № 35. Ст. 4811.
11. Азарова Е. Г. Социальное обеспечение и правовая защита детей // Журнал российского права. 2013. № 3. С. 21–32.
12. Афанасьева И. В. Семейно-правовая защита интересов несовершеннолетних при неисполнении родительских обязанностей по их воспитанию и содержанию // Семейное и жилищное право. 2014. № 5. С. 3.

13. Косова О. Ю. Правовой статус детей: вопросы теории и практики // Семейное и жилищное право. 2014. № 4. С. 19–23.
14. Куропацкая Е. Г. Права ребенка в современном мире // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 4. С. 9.
15. Нечаева А. М. Семейный кодекс — путь к переменам // Российская юстиция. 2015. № 3. С. 14–18.
16. Никулина О. М. Проблема конституционного регулирования прав подростков // Российская юстиция. 2014. № 12. С. 51–52.
17. Носова И. Ю. О понятии и классификации прав ребенка // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 4. С. 18–21.
18. Ростовская И. В. Характеристика современного конституционного законодательства о несовершеннолетних // Административное и муниципальное право. 2012. № 4. С. 35–38.
19. Серебрякова А. А. Государственные гарантии реализации прав ребенка в Российской Федерации // Вопросы ювенальной юстиции. 2014. № 3. С. 20.
20. Ситкова О. Ю. Способы защиты прав и законных интересов несовершеннолетних граждан // Судья. 2014. № 6. С. 51–54.

К вопросу разработки модельного закона «О государственной тайне» для государств ОДКБ

Вус Михаил Александрович, кандидат технических наук, старший научный сотрудник
Кондратьев Владимир Владимирович, соискатель, помощник директора
Санкт-Петербургский институт информатики и автоматизации РАН

Обсуждаются актуальные аспекты состояния и развития законодательства о государственной тайне в контексте поиска подходов к его гармонизации в рамках ОДКБ.

Ключевые слова: государственная тайна, государственные секреты, служебная тайна, грифы секретности, ОДКБ

Введение.

Жизненные потребности сформировали институт охраны тайн как необходимый атрибут общественно-политического развития. Как объект защиты государства, тайны выступают в роли политико-правовой категории. Особое место среди них занимает государственная тайна, являющаяся инструментом защиты политических, оборонных, экономических и других интересов страны. Правовой институт государственной тайны регулирует общественные отношения по поводу защищаемых сведений, распространение которых может нанести ущерб безопасности государства, путем ограничения основных прав и свобод, что следует рассматривать как разновидность конституционных правоотношений.

Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) создана на постсоветском пространстве как организация военно-политического сотрудничества в целях обеспечения и укрепления национальной, региональной и международной безопасности. Целями этой Организации являются укрепление мира, международной и региональной безопасности и стабильности, защита на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета государств-членов, приоритет в достижении которых государства-члены отдают политическим средствам. В современных условиях защита государственной тайны является как важной самостоятельной функцией каждого

государства, так и совместной задачей, решаемой всеми государствами — членами ОДКБ.

В соответствии с Уставом ОДКБ «государства-члены принимают меры по развитию договорно-правовой базы, регламентирующей функционирование системы коллективной безопасности, и по гармонизации национального законодательства по вопросам обороны, военного строительства и безопасности». [1] Гармонизация законодательства преследует своей целью достижение общности подходов и непротиворечивости правового регулирования однородных общественных отношений. В рамках поиска подходов к решению этой задачи планами Парламентской Ассамблеи ОДКБ предусмотрена разработка Модельного закона «О государственной тайне».

1. Ещё четверть века назад отношения в области защиты тайн в нашей, тогда единой стране, регулировались не законом, а ведомственными нормативными актами. В 1991 г. конференция «Свобода научной информации и охрана гостайн», состоявшаяся в Библиотеке Академии наук СССР, обратилась к Председателям Верховных Советов РСФСР, Белорусской и Украинской ССР с призывом о содействии скорейшему принятию закона о государственной тайне. [2, с. 23] Сегодня законодательное регулирование в этой сфере общественных отношений имеет место во всех независимых государствах на постсоветском пространстве.

Секреты и тайны как социальное явление многообразны. В национальных законодательствах представлено сегодня более тридцати различных видов тайн. Выбор приоритетов в вопросах их охраны — задача политическая. Защита государственных тайн является средством обеспечения суверенитета любого государства и напрямую связана с его функциями и интересами, поэтому регулирование в этой сфере требует глубокого теоретического осмысления.

Сфера защиты государственной тайны не является публичной; длительное время изучение основ института государственной тайны, если и имело место, то носило, как правило, закрытый характер. И сегодня, хотя институт государственной секретности уже не «фигура умолчания», аналитических разработок и публикаций, непосредственно посвященных правовым вопросам института государственной тайны, в отечественной науке сравнительно не много. Давно стали библиографической редкостью материалы парламентских слушаний «Актуальные проблемы совершенствования законодательства о государственной тайне», прошедших в Государственной Думе и приуроченных к 15-летию принятия российского Закона «О государственной тайне». [3]

Опубликованная в академическом сборнике по организационно-правовым вопросам борьбы с терроризмом аналитическая статья бывшего директора Академии ФСБ, посвящённая вопросам совершенствования правового регулирования сведений, составляющих государственную тайну, осталась без должного внимания. [4] Вместе с тем ряд положений и рекомендаций, содержащихся в этой статье, носят исключительно принципиальный характер. Так, например, автором этой статьи обращалось внимание на недостаточную системность правового регулирования оборота государственной тайны и необходимость усиления системообразующей роли Закона «О государственной тайне». Предлагалось пересмотреть деление государственной тайны на степени секретности, поскольку «привязка степени секретности не только к общегосударственным интересам привела к отрыву критериев засекречивания от действительного понятия государственной тайны». [5, с.219–220]

В последнее десятилетие защищён ряд диссертаций, авторы которых предприняли попытки анализа состояния защиты государственной тайны с позиций конституционного, административного, уголовного и других отраслей права. Исследователи отмечают, что проблемы правового регулирования являются следствием недостаточной разработанности на научном уровне понятийного, методологического и терминологического аппарата государственной тайны. [6, с. 144–199]

Исследователи обращают внимание, например, на отсутствие чётких определений и разграничения таких юридических конструкций как «перечень сведений, составляющих государственную тайну», «перечень сведений, отнесённых к государственной тайне», «перечень сведений, подлежащих засекречиванию». Подчёркивается,

что использование как синонимов в различных толкованиях закона таких слов как «составляющие», «содержащие», «отнесённые», «подлежащие» не только является нарушением законодательной техники, но и одновременно «нарушает право человека на получение достоверной правовой информации». [7, с. 18]

В русском языке понятия «тайна» и «секрет» фактически используются как синонимы: «Тайна — это всё сокрытое, неизвестное, неведомое кому-либо; нечто скрытно хранимое, скрываемое от кого-либо с намерением;... нечто скрываемое от других, известное не всем, секрет» [8, с.733; 815] Однако будучи включенными в правовое поле эти правовые категории несут в себе различное содержание. В практике государственного строительства в СССР широко использовалась обобщающая категория «государственные секреты», объединявшая государственную, военную и служебную тайны. Отсюда должно быть очевидно, что «государственная тайна» и «государственные секреты» — суть различные понятия.

II. Ещё четверть века назад отношения в области защиты тайн в нашей, тогда единой, стране регулировались не законом, а ведомственными нормативными актами. Первым государственным актом на советском пространстве, постулировавшим необходимость законодательного оформления института государственной тайны, явилось Постановление Верховного Совета РСФСР от 22 ноября 1991 г. «О Декларации прав и свобод человека и гражданина». Пункт второй статьи 13 принятой этим Постановлением Декларации гласит: «Каждый имеет право искать, получать и свободно распространять информацию. Ограничения этого права могут устанавливаться законом только в целях охраны личной, семейной, профессиональной, коммерческой и государственной тайны, а также нравственности. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, устанавливается законом». [9]

В названном парламентском акте не только декларировалась возможность законодательного ограничения информационных прав человека и гражданина, но и приводился закрытый перечень таких возможных ограничений. Использование семантической конструкции «перечень сведений» явилось следствием традиционно применявшегося в нашей стране перечневого механизма засекречивания сведений. Заметим также, что «служебная тайна» в перечне видов ограничений доступа к информации в названной российской Декларации не значится.

В ходе подготовки и принятия Основного закона российский законодатель, руководствуясь конституционной триадой «личность — общество — государство», придал статус конституционно-правового института личной и семейной тайне, тайне сообщений и государственной тайне. Вопрос об установлении конституционных гарантий тайн был в своё время объектом внимания Конституционного совещания, которое сочло не целесообразным включать понятие «служебная тайна» в текст российской Конституции. [10, с. 223]

Понятие «государственная тайна» на конституционном уровне закреплено в части 4 Статьи 29 Конституции Российской Федерации, которая содержит норму: «Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом». Отметим, что аналогичную норму включает и Конституция Республики Таджикистан, которая также гласит: «Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется законом».

Целями законодательства о государственной тайне являются фиксирование критериев отнесения к ней тех или иных сведений, критериев их засекречивания и рассекречивания, а также детальное регулирование обращения таких сведений. В свете сказанного обратим внимание также на содержательную трактовку использованного в текстах конституционных статей понятия «определяется». Исходя из характера определяемого объекта (сведения, составляющие тайну) оно не может в данном контексте отождествляться с такими понятиями как «содержится» или «включается». Должно быть очевидно, что закон, вводящий ограничение конституционного права граждан на информацию, должен быть открытым и общедоступным.

Конституционный уровень правового регулирования института государственной тайны обусловлен, с одной стороны, его повышенной важностью для обеспечения интересов государства и общества в целом, а, с другой стороны — необходимостью ограничения основных прав и свобод человека и гражданина в целях защиты государственной тайны. Закрепление государственной тайны в качестве объекта конституционно-правового регулирования имеет основополагающее значение в выстраивании механизма обеспечения его реализации и защиты отраслевыми нормами.

Исследователи справедливо отмечают, что использование термина «государственная тайна» в Основном законе «служит основанием для отнесения защиты государственной тайны к конституционным ценностям». [11, с.3] Отсюда логично следует вывод, что законодательство о государственной тайне объективно носит межотраслевой характер и вправе называться государственным (общеправовым), а не административно-правовым, хотя административное право и соответствующий административно-правовой режим играют наиболее заметную роль в регулировании обращения государственной тайны.

Значимость конституционно-правовых отношений подразумевает необходимость их более высокого уровня регулирования, чем просто обычными законами. В Российской Федерации существует доктринальное понятие конституционного закона. В зарубежной конституционной практике употребляется понятие органического закона, близкое к понятию конституционного закона. В качестве таковых рассматриваются законы, касающиеся определенного круга вопросов, которые «органически» вытекают из конституции; в тех случаях, когда принятие таких законов

предусмотрено конституцией, или когда они конкретизируют её положения. [12–13]

В этой связи в порядке дискуссии выскажем предложение о целесообразности, в целях усиления системообразующей роли самого закона о государственной тайне и большей системности правового регулирования её оборота, придания Модельному закону «О государственной тайне» статуса органического (конституционного) закона, как это сделал, например, законодатель Республики Молдова. [14]

III. На становление и развитие правовых основ защиты сведений, составляющих государственную тайну, в государствах, ставших позже членами ОДКБ, во многом оказала влияние система защиты государственных секретов, ранее существовавшая в СССР. Развитие законодательства в этой сфере началось в 1993 г. с появлением первого Закона «О защите государственных секретов» в Республике Казахстан и принятием Закона «О государственной тайне» в Российской Федерации. Таким образом, уже изначально, в независимых национальных государствах зародились представленные сегодня различные правовые модели базовых законов со своими предметами правового регулирования и понятийным аппаратом.

Закон Российской Федерации «О государственной тайне» регулирует отношения, возникающие в связи с отношением сведений к государственной тайне, их засекречиванием или рассекречиванием и защитой в интересах обеспечения безопасности Российской Федерации. В этом законе под государственной тайной понимаются «защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации». Все три ограничительных грифа секретности («особой важности», «совершенно секретно» и «секретно») российский закон относит исключительно к сведениям, являющимся государственной тайной. [15]

В отличие от Российской Федерации другие государства — члены ОДКБ: Армения, Беларусь, Казахстан и Кыргызская Республика сохранили в своём законодательстве действовавшую в СССР юридическую конструкцию «государственные секреты». При этом только Конституция Республики Казахстан содержит норму: «... Перечень сведений, составляющих государственные секреты Республики Казахстан, определяется законом». В текстах конституций Республики Армения, Республики Беларусь и Кыргызской Республики ни понятие «государственная тайна», ни понятие «государственные секреты» не используются.

Законодатель Республики Армения объединил в Законе «О государственной и служебной тайне» сферы правового регулирования государственной и служебной тайны, рассматривая при этом служебную тайну как часть государственной. Государственной тайной в Республике Армения являются

охраняемые государством сведения, распространение которых может привести к тяжелым последствиям для безопасности, а к служебной тайне относятся охраняемые государством сведения, распространение которых может принести вред безопасности Республики Армения. Сведения, относимые в Республике Армения к служебной тайне, «как правило, содержат факты, составляющие часть государственной тайны, однако сами по себе не раскрывают государственную тайну». Для обозначения служебной тайны используется гриф «секретно». [16]

Закон Республики Беларусь «О государственных секретах» подразделяет государственные секреты на две категории: государственную тайну (сведения, составляющие государственную тайну) и служебную тайну (сведения, составляющие служебную тайну). «Служебная тайна может являться составной частью государственной тайны, не раскрывая ее в целом». Степени секретности государственных секретов устанавливаются в зависимости от тяжести последствий, которые наступили или могут наступить, размера вреда, который причинен или может быть причинен в результате их разглашения или утраты. Для служебной тайны установлена степень секретности «секретно». [17]

Рассматривавший в порядке обязательного предварительного контроля конституционность национального Закона «О государственных секретах» Конституционный Суд Республики Беларусь отметил: «Положения этого закона, устанавливающие правила государственного регулирования и управления в сфере государственных секретов, порядок отнесения сведений к государственным секретам и меры их защиты, направлены на реализацию норм и принципов, предусмотренных статьями действующей Конституции Республики Беларусь». [18]

Воспринимая в целом трёхуровневое деление засекречиваемой информации по степеням секретности новый Закон Республики Казахстан «О государственных секретах» (пришедший в 1999 г. на смену ранее действовавшему Закону «О защите государственных секретов»), сохранил ранее существовавшую юридическую конструкцию «государственные секреты», при которой низший гриф («секретно») используется для обозначения сведений, являющихся служебной тайной. Согласно его преамбуле, этот действующий и в настоящее время закон «определяет правовые основы и единую систему защиты государственных секретов в интересах обеспечения национальной безопасности Республики Казахстан, регулирует общественные отношения, возникающие в связи с отнесением сведений к государственным секретам, их засекречиванием, распоряжением, защитой и рассекречиванием». [19]

Государственные секреты Республики Казахстан определяются как «защищаемые государством сведения, составляющие государственную и служебную тайны, распространение которых ограничивается государством с целью осуществления эффективной военной,

экономической, научно-технической, внешнеэкономической, внешнеполитической, разведывательной, контрразведывательной, оперативно-розыскной и иной деятельности, не вступающей в противоречие с общепринятыми нормами международного права». Таким образом, уже в самом таком определении категории государственных секретов заложено качественное отличие от ранее традиционно общепринятого подхода, предполагающего, что государственная тайна защищается в целях недопущения причинения вреда государству своим разглашением.

В Кыргызской Республике действует Закон «О защите государственных секретов Кыргызской Республики», сохранивший ранее существовавшую юридическую конструкцию, в которой «государственные секреты» объединяют государственную, военную и служебную тайну, а самим законом предусмотрена ещё и категория «негосударственные секреты». Информации, относимой к служебной тайне, присваивается ограничительный гриф «секретно». «Такая информация имеет характер отдельных сведений, относящихся к государственной или военной тайне, и не раскрывает их полностью». [20]

В Республике Таджикистан первоначально был принят Закон «О государственной тайне» (1996), однако в 2014 г. на смену ему пришел уже новый Закон «О защите государственных секретов», который оперирует понятием «государственные секреты» как неделимым, а понятие «государственная тайна» в нём вообще не используется. [21]

Подводя итог сказанному, отметим, что правовая категория «государственная тайна» как объект защиты представлена сегодня в национальных законах всех государств — членов ОДКБ (кроме ныне действующего закона в Республике Таджикистан). Воспринимая в целом трехуровневое деление засекречиваемой информации по степеням секретности («особой важности», «совершенно секретно» и «секретно»), национальное законодательство существенно разнится в ее реальной градации. Для сведений, являющихся государственной тайной большинство национальных законодательств отводит два ограничительных грифа секретности («особой важности» и «совершенно секретно»), а нижний гриф («секретно») применяется для обозначения сведений, составляющих служебную тайну. При этом различаются и установленные национальными законами государств-членов ОДКБ сроки засекречивания различных категорий сведений. Данный подход, закрепленный и в Модельном законе «О государственных секретах», принятом МПА СНГ (2003), как отмечают исследователи, не способствует формированию единообразного понимания природы государственной тайны. [22, с.54–57]

На уровне понятийного аппарата интересную правовую коллизию создаёт, например «Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о взаимном обеспечении защиты государственной тайны Российской Федерации и государственных секретов Республики Беларусь» (от 20.01.2003 г.). Предметом этого

Соглашения является» взаимное обеспечение сторонами защиты государственной тайны, под которой для целей данного Соглашения понимаются «сведения, составляющие государственную тайну в соответствии с законодательством Российской Федерации, и (или) государственные секреты в соответствии с законодательством Республики Беларусь, переданные друг другу и (или) полученные в процессе двустороннего сотрудничества». Согласно тексту данного Соглашения «отнесение сведений к государственной тайне и определение степени ее секретности осуществляется каждой из Сторон в соответствии с национальным законодательством». При этом государственная тайна Российской Федерации со степенью секретности «секретно» и соответствующий этой степени гриф секретности для ее носителей сопоставляются со степенью «секретно» и соответствующим ограничительным грифом, относящимся в Республике Беларусь к служебной тайне. [23]

Заключение

Рекомендации по сближению законодательства государств — членов ОДКБ по вопросам государственной

тайны, принятые Парламентской Ассамблеей ОДКБ в 2010 г., акцентировали внимание на необходимости определённой унификации законодательства государств — членов ОДКБ, изучении и заимствовании наработанного в национальных государствах опыта. [24, с.11–19]

Понимая под гармонизацией законодательства государств — членов ОДКБ достижение единства подходов и непротиворечивости законодательства в данной предметной сфере, с учётом различных моделей действующего национального законодательства **видится рациональным предложить для обсуждения конструкцию Модельного закона «О государственной тайне» с двумя степенями секретности для сведений, относимых к государственной тайне.** При этом следует пересмотреть систему грифов, которые присваиваются сведениям, составляющим государственную тайну, отказавшись от грифа «секретно».

Как неоднократно подчёркивали исследователи: «Сведения с грифом «секретно» по своему содержанию являются служебной тайной и должны защищаться иными правовыми средствами, нежели институт государственной тайны». [25, с.220].

Литература:

1. Устав Организации Договора о коллективной безопасности. Статья 10. [Электронный ресурс: www.odkb-csto.org/documents/].
2. Государственная тайна в Российской Федерации / Под ред. М. А. Вуса. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета. 2000. — 409 с.
3. Законодательство о государственной тайне: вчера, сегодня, завтра. — М.: Издание Государственной Думы, 2009. — 96 с.
4. Власов В. А. Совершенствование правового регулирования сведений, составляющих государственную тайну / В кн. «Организационно-правовые вопросы борьбы с терроризмом» / [сост. В. Л. Шульц]. — М.: Наука, 2006. — С. 215–237.
5. Там же, С. 220.
6. Макаров О. С. Правовое обеспечение информационной безопасности на примере защиты государственных секретов государств — участников Содружества Независимых Государств: диссертация... доктора юридических наук: 12.00.13 — Москва, 2013. — 444 с.
7. Верютин В. Н. Отдельные аспекты защиты государственной тайны в Российской Федерации // Вестник Воронежского института МВД России. — 2012, № 2. С. 17–22.
8. Толковый словарь русского языка / Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. — М.: Азъ Ltd., 1992. — 960 с.
9. Постановление ВС РСФСР от 22.11.1991 г. № 1920–1 «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» [Электронный ресурс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3788/].
10. Куликова С. А. Конституционно-правовые аспекты содержания понятия «тайна» // Ленинградский юридический журнал. — 2012, № 4. С. 221–229.
11. Крюков С. В. Государственная тайна как объект конституционно-правового регулирования: автореферат диссертация ... канд.юридич.наук: 12.00.02. — Москва, 2009. — 31 с.
12. Сафина С. Б. Конституционный закон в Российской Федерации: понятие и предмет регулирования // Власть. — 2015, № 7. С. 196–201.
13. Петренко Н. И., Сапожников В. Н. Понятие и сущность конституционного закона как правовой категории // Вестник марийского государственного университета. — 2015, № 4 (4). С. 100–104.
14. Закон Республики Молдова от 27 ноября 2008 г. № 245-XVI «О государственной тайне». Официальный монитор Республики Молдова от 27.02.09 г. № 45–46/123.
15. Закон Российской Федерации «О государственной тайне» от 21.07.1993 г. (действует в редакции Федерального закона от 06.10.1997 г. № № 131-ФЗ).
16. Закон Республики Армения «О государственной и служебной тайне» от 30.12.1996 г. № ЗР-94.

17. Закон Республики Беларусь «О государственных секретах» от 19.07.2010 г. № 170-З.
18. Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 08.07.2010 № Р-487/2010 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О государственных секретах».
19. Закон Республики Казахстан «О государственных секретах» от 15.03.1999 г. № 349—1.
20. Закон Кыргызской Республики «О защите государственных секретов Кыргызской Республики» от 14 апреля 1994 г. № 1476-II.
21. Закон Республики Таджикистан «О государственных секретах» от 18.03.2014 г. № 1185.
22. Верютин В. Н. Анализ основных положений Модельного закона СНГ «О государственных секретах» на основе общеправовых принципов // «Чёрные дыры в российском законодательстве». — 2009, № 6. С. 54—57.
23. Бюллетень международных договоров», № 6, июнь, 2004 г.
24. Глоссарий основных понятий в законодательстве о государственной тайне государств — членов ОДКБ. Сборник / Сост. Бачило И. Л., Вус М. А., Гусев В. С., Макаров О. С. — СПб.: СПИИРАН, 2011. — 79 с.
25. Власов В. А. Совершенствование правового регулирования сведений, составляющих государственную тайну / В кн. «Организационно-правовые вопросы борьбы с терроризмом» / [сост. В. Л. Шульц]. — М.: Наука, 2006. — 238 с.

Особенности этики государственного служащего

Гериханов Сулейман Саид-Магомедович, студент
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

В статье раскрыты особенности этики государственных служащих, проанализирован Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих, регламентирующий поведение данной профессиональной группы.

Ключевые слова: государственная служба, государственные служащие, этика, профессия, компетентность, Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих

Моральные нормы и принципы работы государственного служащего приводят к усилению внимания к вопросу их профессиональной этики. Сфера государственной службы сформировала определённые особенности профессиональной этики государственного служащего. Рассмотрим эти особенности поподробнее. Во-первых, личностные характеристики служащего оказывают влияние на уровень его профессиональной этики. Процесс становления и развития социальной и профессиональной компетенции государственных служащих происходит в условиях преодоления кризиса в обществе. Так, в случае неудовлетворённости граждан работой в государственной структуре, оценка деятельности занижается, как следствие и уровень этики государственного служащего.

Российское законодательство подробно регламентирует вопрос организации государственной службы, существуют определённые признаки и принципы в организации системы государственной службы. Также законодательно определён статус государственного служащего, который претерпел некоторые изменения [5, с. 630]. За последнее десятилетие в Российской Федерации были произведены существенные изменения в сфере расширения нормативного регулирования государственной службы. Была сформирована специальная нормативная база, регулирующая трудовые отношения государственных гражданских служащих [7, с. 88].

Сегодня в России наблюдается проблема отсутствия правового оформления норм профессиональной нравственности государственного служащего. Помимо этого обществу требуются высококвалифицированные государственные служащие, владеющие теорией и практикой управления и развития, работающие в условиях жёсткой конкуренции, соблюдающие этические и нравственные принципы в деловых отношениях.

Социально-профессиональная группа государственных служащих обладает единой ментальной основой, неким бюрократическим сознанием. Многие современные государственные служащие могут не иметь профильного образования, поэтому среди них встречаются инженеры, экономисты, юристы. Именно поэтому молодые специалисты проходят не только адаптируются к профессии на новом месте, но и параллельно проходят вторичную профессиональную социализацию [2, с. 527].

Поведение государственного служащего играет важную роль в его деятельности, так как его действия и поступки не только являются его визитной карточкой, но и влияют на отношения с сотрудниками, гражданами. От того, как будет вести себя служащий с коллегами и гражданами, будет зависеть имидж государства в целом. Поведение, согласно словарю Ожегова С. И., представляет собой образ жизни и действий [4, с. 370]. Другими словами, поведение

это характер поступков в отношении кого-либо, чего-либо в соответствии с правилами этикета (например, правила поведения в общественных местах, поведение за столом). Государственные служащие призваны способствовать своим служебным поведением установлению в коллективе деловых взаимоотношений и конструктивного сотрудничества друг с другом. Они должны быть вежливыми, доброжелательными, корректными, внимательными и проявлять терпимость в общении с гражданами и коллегами.

Что касается России, там также накоплен значительный опыт действия этических кодексов. На настоящий момент принято более 30 кодексов этики в органах государственной власти России, около 68 кодексов этики действуют в субъектах Федерации. Они полностью воспроизводят положения Типового кодекса этики и служебного поведения государственных и муниципальных служащих РФ.

Первым принципом госслужащего, является осуществление должностных полномочий в рамках дозволенного. Вторым принципом является исключение влияния личных и иных интересов, препятствующих добросовестному исполнению должностных обязанностей. Далее хотелось бы выявить соблюдение справедливости, которое исключает возможность влияния на их служебную деятельность. Проблема внедрения этических кодексов в России заключается в особенностях отечественной правовой системы, возможность юридически оформить нормы и их принципы является достаточно ограниченной. Во-первых, нести наказания могут только те, кто нарушает правовые нормы. Нормы этики оставляют возможность произвольного общения. Во-вторых, корпоративная ответственность, то есть, этическое поведение организаций по отношению к обществу, легко превращается в произвол начальства. В-третьих, при слабом развитии гражданских институтов моральная ответственность «не работает», а привлекать к юридической ответственности за не этические поступки не позволяют принципы права.

Ну и наконец, если законодательством предусмотрены меры юридической ответственности за коррупционные правонарушения, то дублировать подобные положения в кодексе этики попросту бессмысленно. Невыполнение этических норм не является основанием для применения мер ответственности по трудовому законодательству. Таким образом, наказание госслужащих за нарушение положений кодексов этики противоречит трудовому законодательству. Нарушение государственным служащим положений Типового кодекса подлежит лишь моральному осуждению.

Таким образом, одним из главных нормативно-правовых документов, содержащий основные требования к служебному поведению сотрудников, является Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих. Он представляет собой свод общих принципов профессиональной служебной этики и основных правил служебного поведения, которыми должны руководствоваться

государственные служащие независимо от замещаемой ими должности [6].

Также к нормативно-правовым актам, которые регулируют профессиональную деятельность государственных служащих, относятся Федеральный закон от 27.07.2004 года № 79-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «О государственной гражданской службе Российской Федерации», Федеральный закон от 25.04.2003 года № 58-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О системе государственной службы Российской Федерации». Согласно Типовому кодексу этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих, основные принципы служебного поведения государственных (муниципальных) служащих являются основой поведения граждан Российской Федерации в связи с нахождением их на государственной и муниципальной службе.

В Типовом кодексе также указано, что в служебном поведении государственный служащий должен воздерживаться от любого вида высказываний и действий дискриминационного характера по признакам пола, возраста, расы, национальности, языка, гражданства, социального, имущественного или семейного положения, политических или религиозных предпочтений; грубости, проявлений пренебрежительного тона, заносчивости, предвзятых замечаний, предъявления неправомерных, незаслуженных обвинений; угроз, оскорбительных выражений или реплик, действий, препятствующих нормальному общению или провоцирующих противоправное поведение; курения во время служебных совещаний, бесед, иного служебного общения с гражданами [2, с.527].

Типовой кодекс, таким образом, представляет собой свод принципов профессиональной служебной этики и содержит основные правила служебного поведения, регламентирующий поведение государственного служащего, независимо от занимаемой им должности. Целью создания Типового кодекса является установление этических норм и правил государственного служащего, обеспечивающих достойное выполнение госслужащими своей профессиональной деятельности. Типовой кодекс укрепляет авторитет государственных служащих, обеспечивает доверительное отношение к органам государственной власти, обеспечивая единые нормы поведения госслужащих.

Кроме этого, Федеральный закон № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» содержит ряд обязанностей для гражданского служащего, которые описывают правила поведения работников на службе. Так, например, гражданский служащий обязан исполнять должностные обязанности добросовестно, на высоком профессиональном уровне. Он должен исходить из того, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина определяют смысл и содержание его профессиональной служебной деятельности; не совершать поступки, порочащие его честь и достоинство; проявлять корректность в обращении с гражданами; проявлять уважение к нравственным обычаям и традициям

народов Российской Федерации; учитывать культурные и иные особенности различных этнических и социальных групп, а также конфессий [3].

Все перечисленные правила поведения, а также обязанности служащего являются важной составляющей его профессиональной деятельности, именно поэтому очень важно, чтобы служащий больше внимания уделял своему поведению, поступкам, отношению к своим коллегам и гражданам. Описывая роль поведения для сотрудников государственных органов, необходимо также обратить внимание на так называемую систему стимулирования и мотивирования сотрудника, которая может быть представлена в виде системы поощрения и награждения за гражданскую службу. Поощрение и награждение можно считать прямым или косвенным «принуждением» к совершению нужного действия работником в интересах организации.

Система поощрения и награждения направлена на повышение, развитие уровня культуры работников, их профессионализма. Поощрение и награждение можно также рассматривать как метод воспитания. Раньше, будучи студентами, государственные служащие постоянно использовали в процессе обучения в вузе формы поощрения (отметка или оценка). Следует также обратить внимание, что поощрение и награждение вызывают положительные эмоции, способствуют возникновению уверенности обучающегося в свои силы, формированию чувства собственного достоинства, дисциплинированности, ответственности. Отсюда можно сделать вывод, что поведению, как элементу организационной культуры, следует начинать уделять внимание в высшей школе.

Говоря о поощрении и награждении, необходимо также сказать и о дисциплинарном взыскании. Дисциплинарное взыскание может быть применено к работнику за совершение им дисциплинарного проступка, который представляет собой неисполнение или ненадлежащее исполнение гражданским служащим по его вине возложенных на него служебных обязанностей (например, нарушение должностного регламента, положений, приказов руководителя и т. п.). Представитель нанимателя имеет право применить следующие дисциплинарные взыскания: замечание;

выговор; предупреждение о неполном должностном соответствии; увольнение с гражданской службы по основаниям, установленным Федеральным законом № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе РФ» [3].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что поведение, поощрения и награждения, а также дисциплинарные взыскания — важная составляющая организационной культуры в профессиональной деятельности государственного служащего. Они способствуют развитию профессиональных ценностей, а также созданию благоприятного социально-психологического климата в коллективе, являются одним из критериев общественного мнения о государственной службе и государстве.

Поведение представляет своего рода показатель профессионализма и воспитанности человека. Таким образом, поведению должны обучать и воспитывать не только дома, в школе, но и в высшей школе. Именно институт ориентирован на обучение навыками поведения, которые необходимы в профессиональной деятельности. Роль высшей школы для будущих государственных служащих очень велика, так как именно в процессе обучения студенты получают все необходимые знания и навыки, необходимые им для дальнейшей профессиональной деятельности [1, с.142].

Сегодня профессиональная этика государственных служащих отличается определённой нестабильностью, находясь в зависимости определённых обстоятельств. Но государственный служащий — это лицо нации и государства, залог его успешного функционирования. Этика государственных служащих, соблюдение ими нравственных ценностей, профессиональных установок способствует позитивному формированию демократии в обществе, улучшая информационную прозрачность и работу госслужащих. Морально регулирование — это дополнение правового регулирования профессиональной деятельности госслужащего. А профессиональная этика государственных служащих предполагает наличие нравственных ориентиров в поведении людей в сфере их профессиональной деятельности, способствуя её развитию и совершенствованию.

Литература:

1. Высыпкова Ю. С. Поведение государственных служащих: роль и необходимость формирования в высшей школе [Текст] // Инновационные педагогические технологии: материалы IV междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). — Казань: Бук, 2016. — С. 141–143.
2. Дрыгина Н. Н. Государственные служащие как социально-профессиональная группа // Молодой ученый. — 2015. — № 6. — С. 526–530.
3. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Собр. законодательства РФ. — 2004. — № 31. — Ст. 3215. Гл. 3, Ст. 18; Гл. 12, Ст. 55, 57.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 53 000 слов / С. И. Ожегов; под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. 24 изд.-е., испр. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2007. 640 с.
5. Римская В. Г. Особый статус государственного (муниципального) служащего на современном этапе функционирования института государственных служащих // Молодой ученый. — 2015. — № 12. — С. 630–631

6. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих: одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21) // *Официальные документы в образовании*. 2011. № 36. Ст. 3, 10, 27, 28.
7. Шатова Т. А. Регулирование труда государственных служащих: постановка проблемы [Текст] // *Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы V междунар. науч. конф.* (г. Казань, октябрь 2016 г.). — Казань: Бук, 2016. — С. 87–90.

Свобода совести и вероисповедания на примере «Свидетели Иеговы против России»

Фолосян Мартирос Эдвардович, аспирант
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

Право на свободу мысли, совести и религии право включает в себя следующие положения: каждый наделен правом смены религии или своего убеждения исходя из своих взглядов; каждый наделен правом свободы исповедования своей религии в индивидуальном порядке или же коллективном, посредством объединения с иными порядками богослужения; каждый имеет право на свободу обучения, отправления культов и обрядом религиозного характера.

Ключевые слова: свобода совести и вероисповедания, Европейский Суд по правам человека, естественные права человека

Свобода религии, провозглашенная в анализируемой статье, не является абсолютной [5, с.288]. В ч.2 ст. 9 Конвенции установлен ряд допустимых ограничений в области свободы религии [3, с.608]. Данные ограничения могут присутствовать, только в случае, когда о них упомянуто в законе или же когда данные ограничения необходимы для соблюдения интересов общественной безопасности в целом и для защиты прав и свобод человека, его нравственности и здоровья» [4].

В октябре 2001 года, в Европейский суд по правам человека была подана жалоба № 302/02 со стороны представителей религиозной общины Свидетелей Иеговы в городе Москве против Российской Федерации.

Заявители по данной жалобе полагали, что их права на свободу совести и вероисповедания, гарантируемые ст. 9 Европейской Конвенции о защите прав и основных свобод человека были нарушены, в частности права на свободу религии и объединений.

После поступления жалобы в Европейский Суд, последний уведомил Правительство Российской Федерации о поступившей жалобе.

Жалоба была подана со стороны пятерых заявителей, к числу которых относились:

— Религиозная община Свидетелей Иеговы, расположенная в городе Москве, которая была созданная в 1992 году. Все остальные заявители являлись членами данной общины [1, с.54].

— Чайковский Иван Степанович, 1955 года рождения, который исповедует религию Свидетелей Иеговы начиная с 1977 года и возглавляет Религиозную Общину Свидетелей Иеговы в статусе старейшины;

— Денисов Игорь Васильевич, 1961 года рождения, который является членом Общины-заявителя начиная с 1993 года.

— Левицкий Степан Васильевич, 1925 года рождения, в советские времена был дважды осужден (в 1957 и 1980 годах) за распространение литературы Свидетелей Иеговы и официально реабилитирован в 1992 году как жертва репрессий за религиозные убеждения.

— Марченко Олег Николаевич, 1965 года рождения, является Свидетелем Иеговы в третьем поколении. В 1951 году его бабушка и дедушка были сосланы в Сибирь в соответствии с указом о высылке Свидетелей Иеговы.

Заявители полагали, что решения российских судов, по которым Религиозная Община Свидетелей Иеговы должна была быть ликвидирована, а ее деятельность подлежала запрету, напрямую привели к нарушению ст. 9 Европейской Конвенции о защите прав и основных свобод человека. По мнению заявителей, были нарушены из права на свободу религии и объединений.

В подтверждение своих утверждений, заявители указывали на тот факт, что выводы судов Российской Федерации в отношении Общины были основаны на недостоверной информации и негативной оценке литературы Свидетелей Иеговы. Никакого принуждения вступления в данную организацию со стороны заявителей не имелось.

Также заявители указывали, что ликвидация их Общины не предусмотрена действующим российским законодательством.

В конце, заявители упомянули о том, что ликвидация Общины и запрет на ее деятельность вызвал ряд негативных последствий для членов, в нее входящих. В частности они

были подвергнуты гонениям, избиению и т. д. При этом власти ни коем образом не обеспечили восстановление нарушенных прав.

При разрешении дела «Свидетелей Иеговы против России» основывался на имеющейся судебной практике по ст. 9 Европейской Конвенции о защите прав и основных свобод.

Суд приходит к выводу, что ст. 9 Конвенции, гарантирующая свободу мысли, совести и религии, является основой любого демократического общества.

В силу того, что религиозные объединения и общины функционируют как организованные структуры, следует толковать положения ст. 9 Конвенции вместе со ст. 11 данной Конвенции, которая запрещает необоснованное вмешательство со стороны государства в деятельность данных организаций.

Суд отмечает, что государство должно сохранять нейтралитет и не вмешиваться в дела организаций, в том числе определять легитимность религиозной организаций и ее убеждений.

Европейский суд напомнил, что право на создании объединений — это часть права, гарантированного ст. 11 Европейской Конвенцией. По уровню данной свободы, можно судить о демократизации в данном государстве. Государство имеет право установить цели создания организации и характер ее деятельности, но при этом делать это в соответствии с теми обязательствами, предусмотренными Конвенцией.

По вопросу вмешательства, Европейский суд, основываясь на судебной практике по предыдущим делам, полагает, что отказ национальных властей в предоставлении статуса юридического лица религиозной организации — это вмешательство в реализацию права на свободу объединения.

Отказ в регистрации религиозного объединения напрямую влияет на его членов [7, с. 65].

В свою очередь, отказ российских судов в регистрации религиозного объединения в качестве юридического лица, запрет на осуществление ее деятельности и решение о ликвидации расценивается, как невозможность осуществлять свои права на свободу религии и объединения.

Таким образом, в силу решений российских судов Религиозная Община Свидетелей Иеговы перестала существовать как зарегистрированная религиозная организация,

а ее члены (заявители) лишились права исповедания своей религии в коллективе.

Исходя из указанных выше выводов, Европейский Суд по правам человека пришел к выводу о том, что в деле Свидетелей Иеговы против Российской Федерации имеются нарушения не только ст. 9 Европейской Конвенции о защите прав и основных свобод человека, но ст. 11 указанной Конвенции.

Наряду с заявленными нарушениями ст. 9 Конвенции, заявители требовали произвести компенсацию морального ущерба. Оценку данного ущерба, заявители просили произвести Европейский Суд [2, с.213]. Они полагали, что данный вред нанесен судебными решениями о ликвидации религиозной общины и сопутствующими судебными расходами и издержками. В качестве определения размера морального ущерба стороны указывали размер компенсации установленный по делу «Бессарабская Митрополитская Церковь и другие [против Молдовы]» («Metropolitan Church of Bessarabia and Others [v. Moldova]»), вышеуказанное дело об отказе в регистрации церкви-заявителя) — 20 000 евро; по делу «Совтрансавто Холдинг против Украины» («Sovtransavto Holding v. Ukraine») [6].

Проанализировав материалы дела, с учетом того, что община получила отказ в регистрации, разбирательство в национальных судах было затянуто, европейский суд пришел к выводу о наличии морального вреда. При расчете его размера суд исходил из принципа справедливости и оценил его в 20 000 евро.

В итоге, Европейский Суд постановил:

1. В данном случае, имелись нарушения ст. 9 и ст. 11 Конвенции о защите прав и основных свобод со стороны Российской Федерации;

2. Также имели место нарушения ч.1 ст. 6 Конвенции, которые вызваны чрезмерно длительным судебным разбирательством по делу о ликвидации Религиозной Общины Свидетелей Иеговы;

3. Государство, которое является ответчиком по делу обязано произвести следующие выплаты:

— 20 000 евро как компенсацию морального вреда;

— 50 000 евро компенсация судебных расходов и издержек.

Данные суммы должны быть увеличены на величину любого налога, который может быть начислен в данном случае.

Литература:

1. Гурылева А. А. Правовое регулирование государственной образовательной политики во второй половине XIX — начале XX веков: история и современность // Современное общество и право. № 3 (24). 2016. С. 53–57.
2. Гурылева А. А., Лавицкая М. И. Право на религиозное (православное) образование и его значение для современной России // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10. № 6. С. 210–216.
3. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право, России: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2011. 608 с.
4. «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) // «Собрание законодательства РФ», 08.01.2001, № 2, ст. 163,
5. Нисневич Ю. А. Государство XXI века: тенденции и проблемы развития. Монография. М.: КНОРУС, 2012. 288 с.

6. Решения Европейского Суда по правам человека // Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Религиоведческая экспертиза. Нормативные акты. Судебная практика. Заключение экспертов. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: ИД «Юриспруденция», 2014.
7. Фолосян М. Э. Сравнительно-правовой анализ свободы совести в Российской Федерации и Армении / М. Э. Фолосян // Научная дискуссия: вопросы юриспруденции: сб. ст. по материалам LV Международной научно-практической конференции «Научная дискуссия: вопросы юриспруденции». — № 11 (50). — М., Изд. «Интернаука», 2016.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Международно-правовые основания административной ответственности в сфере противодействия коррупции

Беловецкий Даниил Дмитриевич, аспирант

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Обеспечение выполнения обязательств Российской Федерации из международных договоров о противодействии коррупции является важным направлением как нормотворчества, так и научных исследований, ориентированных на оптимальный учет норм международного права в национальном законодательстве. Тем не менее, роль административной ответственности в обеспечении выполнения Российской Федерацией своих обязательств является мало исследованным направлением, поскольку основное внимание уделяется вопросам совершенствования уголовной или гражданско-правовой ответственности. В статье рассматриваются положения основных международных договоров, участником которых является Российская Федерация в целях определения перспектив развития законодательства об административной ответственности.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционные ограничения, административная ответственность, международные договоры

International Law as the Basis for Administrative Liability in Combatting Corruption

Belovetskiy Daniil Dmitriyevich., PhD student

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Ensuring compliance of the Russian Federation with obligations from international treaties on combating corruption is an important focus area both for legislature and researchers aiming at best possible accommodation of international law in national legal system. The role of administrative liability in ensuring the implementation by the Russian Federation of its obligations however is underassessed as most attention is taken by criminal and civil liability research. The article considers the provisions of the main international treaties of the Russian Federation to, identify options for the development of administrative liability instruments.

Key words: corruption; anti-corruption restrictions; administrative liability; international agreements

Совершенствование института юридической ответственности в сфере противодействия коррупции является предметом неуклонного внимания мирового сообщества, поскольку постоянное расширение степени свободы различных субъектов предпринимательской деятельности при перемещения труда и капитала между различными государствами, ведет к увеличению рисков, связанных с последствиями коррупционных проявлений в отдельных государствах. Действительно, постоянное расширение степени свободы различных субъектов предпринимательской деятельности при перемещения труда и капитала между различными государствами, ведет к увеличению рисков, связанных с последствиями коррупционных проявлений в отдельных государствах.

В этой связи международное сообщество предпринимает меры, направленные на устранение коррупционных

рисков, в том числе, посредством инструментов международного права на глобальном и региональном уровнях [6; 7; 20, с. 28], предусматривающих введение и применение сторонами различных видов ответственности. Российская Федерация является стороной в ряде таких международных соглашений.

К одному из первых международных договоров в данной сфере следует отнести заключенную под эгидой Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) Конвенцию по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок, заключенную 21 ноября 1997 года в г. Париже [9]. Указанная Конвенция обязывает государства, в том числе, признать в национальном законодательстве в качестве уголовно наказуемого деяния предложение, обещание или предоставление прямо или через

посредников любых материальных, денежных или иных преимуществ со стороны любого юридического или физического лица в пользу должностных лиц иностранных государств, или для таких должностных лиц, или для третьих лиц в обмен на определенные действия или бездействие данного должностного лица в связи с выполнением своих служебных обязанностей в целях получения или сохранения деловой выгоды, а также получения ненадлежащих преимуществ при осуществлении международных деловых операций (п. 1 ст. 1). Как следует из положений статьи 1 Конвенции, государства должны криминализовать только деяния, связанные с международными деловыми операциями. Российская Федерация присоединилась к Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок 1997 года в 2012 году [15].

Статья 2 Конвенции предусматривает, что каждая из сторон будет принимать все необходимые меры для того, чтобы определить ответственность за подкуп должностного лица иностранного государства юридическими лицами в соответствии со своим национальным законодательством. В соответствии с пунктом 2 статьи 3 Конвенции, в случаях, если национальное законодательство страны не предусматривает уголовную ответственность юридических лиц, то соответствующее государство должно принять меры к тому, чтобы добиться применения эффективных, соразмерных и суровых не уголовных санкций, включая финансовые санкции, за подкуп должностных лиц иностранных государств.

Важно учитывать, что по мнению Рабочей группы ОЭСР государства должны в обязательном порядке придерживаться таких ключевых принципов, как полное соблюдение Конвенции ОЭСР, а также создание условий для внедрения внутреннего контроля и предупреждения возникновения рисков подкупа в юридических лицах, внедрения самими компаниями программ противодействия коррупции [5, с. 78–80].

Следует отметить, что в целом положения Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок 1997 года не ориентированы на использование потенциала иных, кроме уголовной, видов ответственности в сфере предотвращения коррупции, хотя статья 8 предусматривает использование потенциала иных видов ответственности, но только в целях обеспечения действия регулятивных норм, с соблюдением которых ассоциируется предотвращение коррупции.

При рассмотрении вопросов противодействия коррупции средствами международного права нельзя обойти вниманием Конвенцию Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (Страсбург, 27 января 1999 г.), стороной которой с 2007 года является Российская Федерация [17], и Конвенцию Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию от 9 сентября 1999 года, вопрос о ратификации которой Российской Федерацией остается открытым [10].

Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию 1999 года была подписана под эгидой Совета Европы и носит преимущественно региональный характер, хотя и открыта для присоединения к ней государств, не являющихся членами Совета Европы. Указанная Конвенция по состоянию на 4 сентября 2016 года была подписана и ратифицирована сорока пятью государствами-членами Совета Европы. Из числа государств, не входящих в Совет Европы, Конвенцию подписали только Республика Беларусь, Мексика и США, а ратифицировала — только Республика Беларусь [3].

Конвенция Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию от 9 сентября 1999 года также носит преимущественно региональный характер, поскольку открыта за некоторыми исключениями только для государств-членов Совета Европы [12, с. 87]. Положения данной Конвенции налагают на государства обязанность ввести в национальном законодательстве нормы, предусматривающие возмещение любого (имущественного или неимущественного) вреда любым лицам, которым причинен вред в результате акта коррупции. В силу статьи 4 Конвенции ответчиком может быть любое лицо, санкционировавшее акт коррупции, либо не предпринявшее разумные шаги для предотвращения предотвратившее такого акта. Условием ответственности должно является наличие ущерба и причинно-следственная связь между актом коррупции и нанесенным ущербом. Важно учитывать, что формулировки статьи 2 Конвенции предполагают, что наступление ответственности не связано с признанием противоправности в действий субъекта, к которому может быть вчинен иск. Связь с наличием в действиях лиц, которые могут быть привлечены к ответственности, составов каких-либо правонарушений (гражданских деликтов, административных или дисциплинарных правонарушений, преступлений) также не усматривается.

Соответственно, указанные конвенции не содержат никаких указаний на применение сторонами административной ответственности, но их положения свидетельствуют о понимании международным сообществом необходимости противодействия коррупции всем арсеналом правовых средств, а данном случае — специфических мер уголовной и гражданско-правовой ответственности в связи с совершением коррупционных правонарушений.

В 2006 году Российской Федерацией ратифицирована Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 года [16], которая носит универсальный характер и в качестве своих целей устанавливает содействие принятию и укрепление мер, направленных как на более эффективное и действенное предупреждение коррупции, так и на борьбу с ней (абз. «а» ст. 1).

Сопоставление положений главы III Конвенции ООН против коррупции 2003 года (ст. 16) с положениями Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года (ст. 1) в части подходов к юридической ответственности обнаруживает известное сходство.

Так, обе конвенции предусматривают уголовную ответственность за подкуп иностранных должностных лиц и должностных лиц публичных международных организаций представителями частного сектора.

Кроме того, в статье 26 Конвенции ООН против коррупции 2003 года также отражен специфический статус юридических лиц в отдельных национальных правовых системах через признание возможности применения к ним мер уголовной, гражданско-правовой или административной ответственности, а важным элементом Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года являются положения пункта 4 статьи 3, согласно которым участникам договора надлежит «рассмотреть возможность применения дополнительных гражданско-правовых или административных санкций против лиц, подлежащих наказанию за подкуп должностного лица иностранного государства».

Как отмечает Т. Я. Хабриева, эти и другие международные договоры основаны на концепции «мультиответственности», сложившейся под влиянием советской правовой науки, предполагающей использование сочетания различных методов правового (в том числе, посредством уголовной, административной и дисциплинарной ответственности) и неправового (например, общественного) воздействия [20, с. 28]. В целом, по справедливому заключению Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, «международные антикоррупционные конвенции исходят из признания государственного суверенитета своих участников при разработке и принятии законодательных и административных мер, необходимых для осуществления международных обязательств» [11].

Наиболее детальное отражение вопросы применения мер административной ответственности в международных соглашениях в рамках Содружества независимых государств (СНГ), где полностью реализованы как концепция «мультиответственности», так и концепция признания суверенитета государств в сфере противодействия коррупции. К таким документам безусловно относятся Модельный закон СНГ «Основы законодательства об антикоррупционной политике» 2003 года [18] и Модельный закон СНГ о противодействии коррупции (новая редакция) 2008 года [14].

Модельный закон СНГ «Основы законодательства об антикоррупционной политике» 2003 года предусматривает за совершение коррупционных правонарушений уголовной, административной, дисциплинарной и гражданско-правовой ответственности в соответствии с законодательством государств-участников СНГ. Так, в соответствии со статьей 12 данного Модельного закона, к мерам ответственности за коррупционные правонарушения относятся прямо предусмотренные в соответствующих законодательных актах государства меры гражданско-правовой, административной, дисциплинарной и уголовной ответственности.

Связанными с применением различных видов ответственности последствиями Модельным законом СНГ «Основы законодательства об антикоррупционной политике» признаются ограничение доступа к занятию определенных должностей или занятие определенными видами деятельности (для лиц, имеющих судимости за коррупционные преступления либо преступления, связанные с коррупционными, или подвергавшихся административным либо дисциплинарным взысканиям за иные коррупционные правонарушения до истечения установленных нормативными правовыми актами сроков действия соответствующих взысканий) (ст. 10), ведение обособленных регистров лиц, в том числе юридических, которые в соответствии с судебными решениями подвергнуты мерам юридической ответственности за совершение коррупционных правонарушений (ст. 10), а также обязанность возмещать вред, в том числе моральный, причиненные совершением коррупционного правонарушения (п. 1 ст. 13 Модельного закона СНГ «Основы законодательства об антикоррупционной политике» 2003 года).

Совершение коррупционного правонарушения в соответствии с Модельным законом СНГ о противодействии коррупции может послужить основанием для признания в судебном порядке недействительными нормативных и ненормативных правовых актов, отмены в судебном порядке действий или решений, принятых в результате коррупционных правонарушений (ст. 21), возмещению причиненного вреда в полном объеме, в том числе морального вреда (ст. 22), а также повлечь ликвидацию юридического лица, причастного к коррупционному правонарушению (ст. 23).

В соответствии со статьей 19 Модельного закона СНГ о противодействии коррупции (новая редакция) 2008 года порядок и условия привлечения лиц к юридической ответственности за совершение коррупционных правонарушений определяется законодательством соответствующего государства. Статьей 20 закреплен подход, согласно которому денежные средства, полученные субъектом коррупционного правонарушения в результате нарушения законодательства подлежат перечислению в соответствующий бюджет, а имущество, полученное государственными или муниципальными служащими, подлежит безвозмездной передаче работодателю.

Все без исключения указанные меры ответственности, ранее предусмотренные Модельным законом СНГ «Основы законодательства об антикоррупционной политике» 2003 года и предусмотренные Модельным законом СНГ о противодействии коррупции (новая редакция) 2008 года, подлежат регламентации национальным законодательством без установления обязательных требований к формулировкам и форме такой регламентации [8], что кардинальным образом отличает документы, принятые в рамках СНГ, от подхода, реализованного в документах, принятых под эгидой Совета Европы или ОЭСР [21, 188–194].

В частности, И. М. Клейменов указывает, что Группа государств против коррупции (ГРЕКО) считает коррупцию во всех ее формах серьезным преступлением, с которым необходимо бороться в первоочередном порядке в рамках системы уголовного производства, и поэтому странам надлежит пересмотреть систему административного и уголовного производства таким образом, чтобы дела о коррупции рассматривались, как правило, как преступления. [6, с. 81]

Вопросы реализации документов, принятых в рамках ОЭСР, подлежат регулярной оценке со стороны экспертов-оценщиков Рабочей группы ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц, в деятельности которой Российская Федерация принимает участие с 2000 года [1, с. 100–113; 13]. В целом, результаты имплементации государствами-участниками ОЭСР тех или иных положений Конвенции не остаются без замечаний экспертов. Так, Францию упрекают в малом количестве приговоров по фактам подкупа иностранных должностных лиц, Германия ставит на вид недостаточно суровые санкции, а Великобритания, по мнению экспертов, не обеспечивает достаточный уровень прозрачности расследований по коррупционным делам по фактам подкупа иностранных должностных лиц [2, с. 59–60].

В этой связи А. А. Каширкина отмечает, что рабочие органы ОЭСР исходят из презумпции правоты экспертов, даже если происхождение и достоверность информация, положенная в основу их докладов в отношении той или иной страны, вызывают сомнения. Обсуждение доклада, например, по Португалии, показало, что попытки государства опровергнуть подобный подход не принимаются. На этом основании А. А. Каширкина высказывает небезосновательное опасение, что оценки зачастую носят субъективный и политизированный характер, что сближает подходы к антикоррупционной деятельности, реализуемые Рабочей группой ОЭСР, с практикой антикоррупционной оценки Трансперенси Интернешнл, роль которой в противодействии коррупции и подходы к борьбе с ней высоко оцениваются ОЭСР [5, с. 87–88].

Важно учитывать, что международные договоры предусматривают не только введение их сторонами специфических охранительных норм, устанавливающих ответственность собственно за коррупцию в том виде, в котором она закреплена в национальном законодательстве, или в рекомендуемой для целей того или иного международного инструмента формулировке. Важнейшей частью этих договоров являются положения, обязывающие государства не только вводить эффективные антикоррупционные меры, но и обеспечивать действенность таких мер.

Так, предписания статьи 8 Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок от 21 ноября 1997 года предусматривают, что каждая сторона Конвенции «будет применять эффективные, соразмерные и суровые гражданско-правовые, административные или уголовные санкции» за нарушение правил в сфере бухгалтерского

учета и аудита, иных установленных в данной сфере правил и ограничений, совершенных в целях подкупа или сокрытия фактов подкупа (пункты 1 и 2).

Естественно, такие меры ответственности могут вводиться исключительно при наличии в национальном законодательстве ограничений, предусмотренных пунктом 1 статьи 8 Конвенции, «регламентирующими ведение бухгалтерского учета и других учетных документов, раскрытие сведений в финансовых отчетах, а также определяющими нормы и правила учета и аудита, чтобы воспрепятствовать созданию скрытых счетов, заключению и проведению неучтенных или сомнительных сделок, записи несуществующих расходов, записи пассивов с неправильной идентификацией их объекта, а также использованию ложных документов» с целью подкупа должностных лиц иностранных государств или сокрытия факта такого подкупа. Причем такая ответственность не обязательно должна быть связана с наличием коррупционной составляющей в действиях нарушителей.

В соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции ООН против коррупции 2003 года государства-участники, в соответствии с основополагающими принципами своей правовой системы, разрабатывают и осуществляют или проводят эффективную и скоординированную политику противодействия коррупции, способствующую участию общества и отражающую принципы правопорядка, надлежащего управления публичными делами и публичным имуществом, честности и неподкупности, прозрачности и ответственности.

Основные направления предупреждения коррупции сосредоточены в главе II ООН против коррупции 2003 года, которая включает 10 статей. Среди основных направлений предупреждения коррупции, определенных указанной Конвенцией можно выделить установление специальных квалификационных требований к лицам, поступающим на определенные должности в результате избрания или назначения на должности, предполагающие выполнение публичных функций, обеспечение выполнения ими своих функций на принципах эффективности, прозрачности, безупречности, справедливости и способности (ст.ст. 7, 8), предупреждение конфликта (коллизии) интересов в публичном (п. 4 ст. 7, п. 5 ст. 8) и частном секторе (п. 2 ст. 12), возложение на публичные должностные лица обязанности сообщать о коррупционных деяниях (п. 4 ст. 8), декларировать сведения о доходах, сообщать о возможных конфликтах интересов, информировать о внеслужебной деятельности (п. 5 ст. 8).

В сфере закупок и управления публичными финансами статья 9 Конвенции предполагает, помимо прочего, принятие таких мер по предупреждению коррупции, как установление эффективной системы внутреннего контроля как в сфере закупок, так и в сфере управления публичными финансами (пункты 1 и 2), специальных требований к квалификации и поведению персонала, осуществляющего соответствующие функции в сфере закупок (п. 1).

В качестве самостоятельного направления предупреждения коррупции Конвенция предусматривает обеспечение прозрачности системы принятия решений в сфере публичной администрации (ст. 10), принятие мер по укреплению честности и неподкупности судей и работников судебных органов (п. 1 ст. 11), а также органов прокуратуры (п. 2 ст. 11), по недопущению любых возможностей для коррупции среди них (п. п. 1 и 2 ст. 11).

Особое внимание уделено в Конвенция ООН против коррупции 2003 года предупреждению коррупции в так называемом частном секторе. Во-первых, определены несколько групп мер, направленных на предупреждение коррупции в частном секторе. К первой группе мер в соответствии с пунктом 2 статьи 12 ООН против коррупции 2003 года, в том числе, относятся:

а) содействие сотрудничеству между правоохранительными органами и частными организациями;

б) содействие разработке стандартов и процедур, предназначенных для обеспечения добросовестности в работе частных организаций (включая кодексы поведения для правильного, добросовестного и надлежащего осуществления деятельности предпринимателями и представителями всех соответствующих профессий, предупреждение возникновения конфликта интересов, а поощрение использования добросовестной коммерческой практики в отношениях между коммерческими предприятиями и в договорных отношениях между ними и государством);

в) содействие прозрачности в деятельности частных организаций, включая, в надлежащих случаях, меры по идентификации юридических и физических лиц, причастных к созданию корпоративных организаций и управлению ими;

г) предупреждение злоупотреблений процедурами, регулирующими деятельность частных организаций, включая процедуры, касающиеся субсидий и лицензий, предоставляемых публичными органами для осуществления коммерческой деятельности;

д) предупреждение возникновения коллизии интересов путем установления ограничений, в надлежащих случаях и на разумный срок, в отношении профессиональной деятельности бывших публичных должностных лиц или в отношении работы публичных должностных лиц в частном секторе после их выхода в отставку или на пенсию, когда такая деятельность или работа прямо связаны с функциями, которые такие публичные должностные лица выполняли в период их нахождения в должности или за выполнением которых они осуществляли надзор;

е) обеспечение того, чтобы частные организации, с учетом их структуры и размера, обладали достаточными механизмами внутреннего аудиторского контроля для оказания помощи в предупреждении и выявлении коррупционных деяний и чтобы счета и требуемые финансовые ведомости таких частных организаций подлежали применению надлежащих процедур аудита и сертификации.

Ко второй группе можно отнести такие меры, какие могут потребоваться, в соответствии с национальным

законодательством в сфере бухгалтерского учета, представления финансовой отчетности, стандартов бухгалтерского учета и аудита, для запрещения определенных действий, осуществляемых в целях совершения любого из преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией. Соответственно, к таким мерам относятся запреты на создание неофициальной отчетности, проведение неучтенных или неправильно зарегистрированных операций, ведение учета несуществующих расходов, отражение обязательств, объект которых неправильно идентифицирован, использование поддельных документов, намеренное уничтожение бухгалтерской документации ранее сроков, предусмотренных законодательством (п. 3 ст. 12 Конвенции ООН против коррупции 2003 года).

Отдельно следует указать, что пункт 1 статьи 12 Конвенция ООН против коррупции 2003 года в отношении частного сектора предусматривает принятие государствами «в надлежащих случаях» эффективных, соразмерных и оказывающих «сдерживающее воздействие гражданско-правовых, административных или уголовных санкций за несоблюдение мер, направленных на предупреждение коррупции». Здесь усматривается аналогия данной Конвенции с положениями пунктов 1 и 2 статьи 8 Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок 1997 года.

Кроме того, пункт 6 статьи 8 предполагает принятие государствами дисциплинарных или иных мер в отношении лиц, подпадающих под действие Конвенции ООН против коррупции 2003 года, дисциплинарных или иных мер за нарушение требований и правил, установленных в отношении поведения публичных должностных лиц.

Пункт 3 статьи 9 указанной Конвенции предполагает принятие государствами гражданско-правовых и административных мер, направленных на обеспечение достоверности учета публичных доходов и расходов, что отчасти перекликается с требованиями, предусмотренными статьей 8 Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок 1997 года, которые подлежат установлению в отношении коммерческих организаций, участвующих в осуществлении международных коммерческих операций.

Пункт 6 статьи 8 Конвенции ООН против коррупции 2003 года предполагает принятие государствами дисциплинарных или иных мер в отношении должностных лиц публичного сектора, подпадающих под действие данной Конвенции ООН, за нарушение ими требований и правил, установленных в отношении их поведения.

Как справедливо отмечается в Комментарий к модельному закону СНГ «О противодействии коррупции (новая редакция)» от 2008 года, «одна из основных целей противодействия коррупции — приоритетное применение мер по ее предупреждению. Таким образом, предупреждение (профилактику) коррупции законодатель признает центральным

элементом системы противодействия коррупции» [8]. Поэтому совершенно естественно, что Модельный закон СНГ «Основы законодательства об антикоррупционной политике» 2003 года (например, статьи 10, 15, 18–29) и Модельный закон СНГ о противодействии коррупции (новая редакция) 2008 года (например, статьи 11 и 12) также предусматривают принятие государствами-участниками широкого спектра мер, направленных на противодействие коррупции, в том числе путем установления ограничений и обязанностей в отношении отдельных категорий лиц.

Таким образом, международные договоры, стороной в которых является Российская Федерация, предусматривают как принятие охранительных норм, устанавливающих специфическую ответственность за деяния, признаваемые коррупционными в соответствующем законодательстве, так и регулятивных норм, направленных на противодействие коррупции. Причем действенность последних также должна надлежащим образом обеспечиваться, в том числе, посредством средств юридической ответственности, тем самым устраняя предпосылки и условия совершения собственно коррупционных правонарушений.

Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что правовые системы как Российской Федерации, так и стран постсоветского пространства, имеют развитое законодательство об административных правонарушениях, не свойственное правовым системам подавляющего большинства государств, являющихся сторонами в конвенциях, заключаемых под эгидой ОЭСР, Совета Европы и ООН в целом [22]. С учетом того, что инициаторами и разработчиками этих конвенций, выступают представители государств, в которых не развит институт административной ответственности, основной упор в них делается на уголовно-правовую составляющую противодействия коррупции. Международные договоры, принимаемые в рамках СНГ, напротив, учитывают данную специфику и позволяют государствам более гармонично вписывать антикоррупционные механизмы в свои правовые системы с учетом средств административной ответственности.

Для России и стран постсоветского пространства, отмечает К. В. Сурков, характерно использование не только уголовно-правовой, но и иных правовых доктрин ответственности за коррупционные деяния. Он указывает, что в отличие от западного права, в национальных антикоррупционных системах стран СНГ этот вопрос нашел свою разработку и воплощение. Российская Федерация лишь отчасти воспользовалась этим опытом, поскольку

российский законодатель ограничился введением в КоАП РФ санкций лишь за нарушение отдельных антикоррупционных норм [22].

В любом случае, характеризуя систему источников международного права, российские специалисты солидарны с позицией, высказанной кенийским специалистом Н. Г. Камунде в том, что все источники норм международного права, положения которых сформировали международно-правовой антикоррупционный режим, опираются на пять основополагающих принципов: предупреждение, криминализация, международное сотрудничество, возвращение (изъятие) активов и создание эффективных процедур контроля [5, с. 80; 23]. В данном контексте административная ответственность очевидно подлежит отнесению к инструментам, направленным на реализацию предупреждения коррупции.

С учетом изложенного можно сделать следующие выводы.

Во-первых, из международных договоров, в которых участвует Российская Федерация, следует необходимость обеспечивать как предупреждение коррупционных проявлений средствами национального законодательства путем установления регулятивных норм, так и противодействие коррупции посредством охранительных норм, устанавливающих ответственность за собственно коррупционные правонарушения.

Во-вторых, обеспечение эффективности регулятивных норм, направленных на предупреждение коррупционных проявлений средствами юридической ответственности, не противоречит международным обязательствам Российской Федерации.

В-третьих, сфера применения охранительных норм подлежит определению в соответствии с фактическим состоянием законодательства Российской Федерации, степени развития отраслевых институтов юридической ответственности, их взаимосвязи и способности обеспечить достижение целей антикоррупционной политики с учетом необходимости соблюдения принципов законности, неотвратимости наказания и экономии репрессии.

В-четвертых, нормы международных договоров, в которых участвует Российская Федерация, не препятствуют использованию средств административной ответственности не только за собственно коррупционные правонарушения, но и в качестве средства обеспечения действенности антикоррупционных ограничений и обязанностей, возлагаемых законодательством на определенные группы субъектов в целях предупреждения коррупции.

Литература:

1. Антикоррупционные стандарты Организации экономического сотрудничества и развития и их реализация в Российской Федерации: монография / Под ред. Т. Я. Хабриевой, А. В. Федорова. М.: ИЗиСП, 2015.
2. Артемов В. Ю. Сравнительно-правовой анализ имплементации конвенции ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок // Евразийская адвокатура. — № 4 (11). — 2014. — С. 57–62.

3. Бюро договоров Совета Европы [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.coe.int/tu/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/173/signatures?p_auth=w7TmDs01. Последнее обращение 04.09.2016 г.
4. Каширкина А. А. Антикоррупционные стандарты ОЭСР: понятие и направления имплементации // Журнал российского права. — 2013. — № 10 (202). — С. 78–80.
5. Каширкина А. А. Международно-правовые модели имплементации антикоррупционных конвенций // Журнал российского права. — 2014. — № 3. — С. 79–86.
6. Клейменов И. М. Международно-правовые стандарты противодействия коррупции, их реализация в антикоррупционном законодательстве России // Современные проблемы экономики и права. — 2010. — № 4. — С. 74–85.
7. Комментарий к модельному закону «О противодействии коррупции» (принят Межпарламентской Ассамблеей государств — участников СНГ 25 ноября 2008 года, постановление № 31–20). Приложение к постановлению МПА СНГ от 23.11.2012 г. № 38–21 [электронный ресурс]. Режим доступа: http://iacis.ru/upload/iblock/7e6/post_21_a.pdf. Последнее обращение 09.09.2016 г.
8. Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок (г. Париж, 21 ноября 1997 года) // СЗ РФ. — 2012. — № 17. — Ст. 1899.
9. Конвенция Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (Страсбург, 9 сентября 1999 г.): неофиц. перевод // Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмытием преступных доходов: сб. документов / Сост. В. С. Овчинский. М.: ИНФРА-М, 2004. — С. 316–323.
10. Международные антикоррупционные стандарты и проблемы их реализации в Российской Федерации // Проблемы совершенствования антикоррупционной политики Российской Федерации (Аналитические материалы Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации). ИЗиСП [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.izak.ru/system/files/analiticheskie_materialy_k_zasedaniyu_soveta_pri_prezidente_rf_po_protivodeystviyu_korruptcii.pdf. Последнее обращение 02.09.2016 г.
11. Морозов А. Н. Международно-правовые и внутригосударственные аспекты присоединения России к Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию // Журнал российского права. — 2014. — № 3. — С. 87–95.
12. О вступлении Российской Федерации в Рабочую группу Организации экономического сотрудничества и развития по проблеме подкупа при заключении международных коммерческих сделок: пост. <file://localhost/consultantplus/::offline:ref=DE67236661A9CAA8F22C111EF1995B10C670C95E644936A63C6AA645F4y1v9P> Правительства РФ от 11 января 2000 года № 25 // СЗ РФ. — 2000. — № 3. — Ст. 276.
13. О противодействии коррупции (новая редакция) 2008 года: Модельный закон СНГ // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. — 2009. — № 43. — С. 429–446.
14. О присоединении Российской Федерации к Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок: федер. закон от 1 февраля 2012 года № 3-ФЗ // СЗ РФ. — 2012. — № 6. — Ст. 622.
15. О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции: федер. закон от 8 марта 2006 года № 40-ФЗ // СЗ РФ. — 2006. — № 12. — Ст. 1231.
16. О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию: федер. закон от 25 июля 2006 г. № 125-ФЗ // СЗ РФ. — 2009. — № 20. — Ст. 2394.
17. Основы законодательства об антикоррупционной политике: модельный закон СНГ (принят в г. Санкт-Петербурге 15 ноября 2003 г. постановлением 22–15 на 22-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. — 2004. — № 33. — С. 225–260.
18. Официальный сайт ОЭСР [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oecd.org/corruption/oecdantibriberyconvention.htm>. Последнее обращение 03.09.2016 г.
19. Правовые проблемы противодействия коррупции (материалы Международной научной конференции «Правовые проблемы противодействия коррупции». Москва, 2 ноября 2011 года) / отв. ред. Л. В. Андриченко, О. О. Журавлева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2012. — С. 19–33.
20. Сидоренко Э. Л. Реформирование российского антикоррупционного законодательства: требование ОЭСР или правовая необходимость // Вестник МГИМО Университета. — 2014. — № 3 (36). — С. 188–194.
21. Сурков К. В. Применение антикоррупционного законодательства в свете международных обязательств Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. — 2013. — № 7. — С. 38–41.
22. Kamunde Gacheri N. The Crime of Illicit Enrichment under International Anti-Corruption Legal Regime [Электронный ресурс] // National Council of Law Reporting. 2010. Режим доступа: <http://kenyalaw.org/kl/index.php?id=1891>. Последнее обращение 28.10.2016 г.

Согласие на медицинское вмешательство, от теории к практике

Голуков Алексей Валерьевич, студент
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

Достаточно длительный промежуток времени посещение пациентами (клиентами) медицинских учреждений происходило по принципу безусловного согласия «фактически обратился = согласен». Правовая часть, помогающая связать взаимодействие между пациентом и медицинским работником, пациентом и медицинской организацией, постепенно стала описывать этот процесс, проникать в него и указала на то, что это не должно быть впредь безусловным процессом. Пациент и медицинский работник обладают правами и обязанностями и их действия должны быть закреплены юридически. Эволюция законодательной базы направлена на защиту интересов обеих сторон — с одной стороны медицинских работников и медицинских организаций с другой стороны пациентов (клиентов). В настоящее время при посещении любой медицинской организации клиентам всегда предлагается подписать документ, который называется «информированное добровольное согласие», далее ИДС. Получение подписи данного документа уже не вызывает вопросов, более того это стало носить формальный характер. Право на информированное добровольное согласие по поводу медицинского вмешательства является общепризнанной нормой права и является необходимым условием оказания медицинской помощи.

Законодательство содержит следующее понятие «медицинского вмешательства»: медицинское вмешательство — выполняемые медицинским работником по отношению к пациенту, затрагивающие физическое или психическое состояние человека и имеющие профилактическую, исследовательскую, диагностическую, лечебную, реабилитационную направленность и другие виды медицинских обследований и (или) медицинских манипуляций, а также искусственное прерывание беременности.

Вопросы информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и на отказ от медицинского вмешательства регулируются статьей 20 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323 — ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». [1] Порядок его получения установлен Приказом Министерства здравоохранения РФ от 20.12.2012 года № 1177н [2]

Согласно ст. 20 ФЗ РФ «Об основах...», необходимым предварительным условием медицинского вмешательства является дача информированного добровольного согласия гражданина или его законного представителя на медицинское вмешательство на основании предоставленной медицинским работником в доступной форме полной информации о целях, методах оказания медицинской помощи, связанном с ними риске, возможных вариантах медицинского вмешательства, о его последствиях, а также о предполагаемых результатах оказания медицинской помощи. [3] Под информированным согласием в медицине

следует понимать добровольное, компетентное и осознанное принятие пациентом предложенного варианта лечения, основанное на получении им полной, объективной и всесторонней информации по поводу предстоящего вмешательства, его возможных осложнений и альтернативных методах. [4] Отмечу, что в практике фактически ИДС было дано, можно говорить только в случае, когда присутствует четкое понимание фактов, следствий и последствий действия. Для предоставления ИДС, пациент должен обладать адекватными способностями мышления и обладать всеми релевантными фактами.

В идеальном варианте все должно происходить именно так, но фактически ИДС оформляется зачастую формально. Со стороны медицинского учреждения сотрудники информируют больного о состоянии здоровья, о плане лечения и так далее, не будучи уверенными что больной их понимает. С другой стороны больные, зачастую игнорируют все сказанное, или же просто не вникая в ситуацию подписывают предложенные им документы, в некоторых случаях даже не читая, что может быть написано в стандартных формах предложенных документов. Причины подобных ситуаций разные, но главное то что в них присутствует формальный подход. Таких ситуаций в идеальной модели взаимодействия пациент-медицинская организация, или пациент-медицинский работник не должно быть.

ИДС оформляется в письменной форме, подписывается гражданином, либо одним из родителей или иным законным представителем, медицинским работником и содержится в медицинской документации пациента. Любое медицинское вмешательство может быть начато лишь после получения и фиксации в медицинских документах добровольного письменного или устного (при свидетелях) согласия гражданина, способного выразить свою волю и информированного об имеющейся у него патологии.

Искренне хотелось бы сократить количество административной работы, но с точки зрения практического здравоохранения с целью реализации прав обеих сторон получение ИДС от пациента требуется несколько раз. ИДС всегда должно быть: а) действительным, б) добровольным, т. е. полученным без принуждения; в) информированным, г) предварительным, д) не противоправным. Я хочу сфокусировать внимание, что нет такого однократного всеобщего универсального согласия как: «Я согласен (сна) на все». Лечебно-диагностический процесс он непрерывен и всегда сложен, иногда и непредсказуем.

При обращении пациента (клиента) в лечебное учреждение ему необходимо в обязательном порядке несколько раз оформить ИДС. Первый раз ИДС оформляется при первом обращении в медицинскую организацию для того чтобы можно было обследовать больного (потому

что лечебно-диагностические мероприятия не могут быть начаты без ИДС) или определиться с предварительным диагнозом и планом лечения. То есть только после оформления ИДС сотрудники медицинской организации могут проводить медицинские действия, манипуляции, процедуры, согласно приказу Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 23 апреля 2012 г. N 390н «Об утверждении Перечня...» [5] такие как: 1. Опрос, в том числе выявление жалоб, сбор анамнеза. 2. Осмотр, в том числе пальпация, перкуссия, аускультация, риноскопия, фарингоскопия, непрямая ларингоскопия, вагинальное исследование (для женщин), ректальное исследование. 3. Антропометрические исследования. 4. Термометрия. 5. Тонометрия. 6. Неинвазивные исследования органа зрения и зрительных функций. 7. Неинвазивные исследования органа слуха и слуховых функций. 8. Исследование функций нервной системы (чувствительной и двигательной сферы). 9. Лабораторные методы обследования, в том числе клинические, биохимические, бактериологические, вирусологические, иммунологические. 10. Функциональные методы обследования, в том числе электрокардиография, суточное мониторирование артериального давления, суточное мониторирование электрокардиограммы, спирография, пневмотахометрия, пикфлоуметрия, рэоэнцефалография, электроэнцефалография, кардиотокография (для беременных). 11. Рентгенологические методы обследования, в том числе флюорография (для лиц старше 15 лет) и рентгенография, ультразвуковые исследования, доплерографические исследования. 12. Введение лекарственных препаратов по назначению врача, в том числе внутримышечно, внутривенно, подкожно, внутривенно. 13. Медицинский массаж. 14. Лечебная физкультура.

Второй раз ИДС также оформляется при первом обращении когда в медицинской организации формируется предварительный диагноз и определяется общий план лечения и обследования. Таким образом формируется процесс информирования пациента, благодаря которому больной приобретает знания, тем самым у несведущего изначально человека появляется определенная компетентность относительно состояния своего здоровья, и тех манипуляций, которые по отношению к нему планируют осуществить медицинские работники. Третий раз и далее клиент (пациент) подписывает оформленное ИДС, когда требуется дополнение к обследованию (проведение фиброгастроскопии, магниторезонансной томографии и др.), или изменение плана лечения, о чем сообщается больному, или же проведение дополнительного лечения в виде оперативного лечения или переливания компонентов крови.

Существует множество нюансов в лечебном процессе не зависящих от медицинского учреждения, сотрудников в нем работающих, и пациента (клиента), которому оказывается медицинская услуга или конкретное медицинское вмешательство. Поэтому в некоторых случаях при получении ИДС от больного на одно запланированное действие или услугу необходимо предварительно получение

дополнительного ИДС на некоторые возможные дополнительные лечебные мероприятия или вмешательства. Рассмотрим ситуацию, когда больному планируется проведение экстренного оперативного лечения, такого как, к примеру, аппендэктомия. В процессе оперативного лечения возникает экстренная необходимость в проведении гемотрансфузии. Правильным решением было быть юридически подготовленным обеим сторонам к такой ситуации, в процессе предварительного информирования клиента (пациента) информировать о возможном возникновении подобной ситуации и необходимости такого рода лечения как гемотрансфузия, и получить предварительно от пациента (клиента) предварительное ИДС на этот случай.

Еще одним важным моментом в формировании ИДС является обязательная запись о том, что больному (клиенту) сообщено о других методах и формах лечения (если возможно) его заболевания, сообщено о возможности проходить лечение в других профильных учреждениях. Данный подход позволяет демонстрировать свободу принятия клиентом (пациентом) собственного обдуманного решения и его личном выборе. Поэтому нельзя не указать в ИДС письменно, что больной был информирован о возможностях получения услуги в другом месте или иными методами и средствами. Право на выбор при оформлении ИДС, является достаточно эффективным средством, благодаря которому сам пациент способен посылить управление качеством оказываемой ему медицинской помощи. Иными словами — информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство, основанное на всесторонней информированности — это один из способов реализации права граждан на личную неприкосновенность. Оформление ИДС сложный процесс, затрачивающий большое количество времени, но это также необходимая правовая часть регулирующая отношения пациента (клиента) и лечебного учреждения, или отдельного медицинского работника.

К сожалению, этот процесс несет невероятную дополнительную бюрократическую нагрузку. Но только через такое взаимодействие клиента и медицинской организации, медицинская организация, через подобное поведение ее сотрудников, показывает не формальный подход к работе, а заинтересованный, реальный. Через такое взаимодействие, оформленное юридически происходит понимание пациента своего состояния здоровья, понимание необходимости назначенного лечения. Благодаря реализации такого подхода к оформлению ИДС снимаются вопросы коллег, в случаях спорных ситуаций. Через информированное согласие реализуется подход к качественному оказанию медицинской помощи. Частный сектор здравоохранения практически полностью старается реализовать подобный подход и делает уверенные шаги в данном направлении. Организационные проблемы в государственном секторе здравоохранения по прежнему не дают полноценно реализовывать данный подход к информированному добровольному согласию.

Литература:

1. Стеценко С. Г. Защита прав пациента и информированное согласие // *Здравоохранение*. — 2001. — № 12. — С. 132.
2. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации (Минздрав России) от 20 декабря 2012 г. N 1177н г. Москва «Об утверждении порядка дачи информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и отказа от медицинского вмешательства в отношении определенных видов медицинских вмешательств, форм информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и форм отказа от медицинского вмешательства» Зарегистрирован в Минюсте РФ 28 июня 2013 г. Регистрационный N 28924.
3. Права и обязанности граждан в сфере охраны здоровья // *Официальный сайт Территориального фонда обязательного медицинского страхования Воронежской области*. URL: <http://www.omsvrn.ru/content/prava-i-obyazannosti-grazhdan-v-sfere-ohrany-zdorovya> (дата обращения: 7.11.2016).
4. Информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство и на отказ от медицинского вмешательства // *Официальный сайт прокуратуры Калужской области*. URL: <http://prokuror-kaluga.ru/razyasnenie-6253.html> (дата обращения: 7.11.2016).
5. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 23 апреля 2012 г. N 390н «Об утверждении Перечня определенных видов медицинских вмешательств, на которые граждане дают информированное добровольное согласие при выборе врача и медицинской организации для получения первичной медико-санитарной помощи».

Понятие и сущность административного принуждения

Лушникова Варвара Алексеевна, студент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

Управление — это организация работы кого-либо или чего-либо, это функция любых систем, позволяющая им сохранять свою внутреннюю структуру, поддерживать должный режим функционирования, способствующая достижению поставленных целей. Одной из разновидностей управления является государственное управление, которое составляет значительную часть предмета административного права. Управленческая деятельность не существует как нечто абстрактное, она реализуется посредством своих форм и методов. Метод управления — это совокупность приемов, способов решения конкретных управленческих вопросов, реализации функций и задач исполнительной власти в каждодневной непрерывной деятельности ее органов и должностных лиц. Классически по характеру организующего воздействия выделяют два дополняющих друг друга метода: убеждение и принуждение. Предметом нашего рассмотрения станет последний.

Административное принуждение является одним из основных и наиболее распространенных методов государственного управления. В то же время, оно является разновидностью государственного, правового принуждения, поэтому представляется необходимым вначале дать определение принуждения именно в этом смысле.

Стоит отметить, что в научном сообществе нет единого мнения относительно тождественности или нетождественности понятий «государственное принуждение» и «правовое принуждение». А. И. Козулин, например, проводит между ними демаркационную линию, отмечая, что правовое принуждение — это принуждение, которое имеет

нормативное закрепление [1]. И. П. Жаренов считает излишним употребление понятия «правовое принуждение», поскольку государственное принуждение, являясь политико-правовой категорией, уже включает его в себя [2, с. 27]. Некоторые авторы предлагают ввести единую категорию «государственно-правовое принуждение» [3]. Являясь сторонниками позитивного правопонимания, мы считаем правильным рассмотрение данных категорий в качестве синонимов.

Словарь В. И. Даля определяет слово «принуждать» как «принудить, приневолить, силовать, заставлять» [4, с. 431]. Под принуждением следует понимать воздействие на поведение и деятельность какого-либо лица для достижения определенного результата. При этом такое воздействие отрицает волю принуждаемого лица и осуществляется даже вопреки его сопротивлению. В научной литературе отмечается, что «принуждение — это один из необходимых существенных признаков любой власти, элемент ее содержания» [5, с. 113]. Как отмечает Д. Н. Бахрах, — «юриста принуждение интересует, прежде всего, как средство охраны правопорядка, как метод государственной деятельности. Юридическая наука занимается не принуждением вообще, а принуждением к соблюдению правовых предписаний...» [6, с. 13].

Безусловно, правовому принуждению, являющемуся разновидностью принуждения социального, присущи все его характерные признаки:

1) Волевой характер принуждения. При этом проявление воли со стороны принуждающего субъекта не вызывает

сомнений, так как он определяет, формулирует определенные требования применительно к принуждаемому субъекту, при этом сознательно желая «использовать активность принуждаемого в собственных интересах, отрицая либо игнорируя при этом его собственную волю» [7, с. 17–18]. Что же касается принуждаемого субъекта, относительно волевого характера его действий разворачивается научная дискуссия. Некоторые исследователи утверждают, что принуждаемый со своей стороны также проявляет волю, выражающуюся в принятии к исполнению требований принуждающего. В качестве подтверждения они говорят о том, что у принуждаемого субъекта всегда есть выбор: подчиниться или не подчиниться [8, с. 191]. Представляется более правильной позиция Б. Т. Базылева, считающего, что «принудительность воздействия выражается не только в том, что оно направлено против воли субъекта, но и в том, что оно осуществляется независимо от его воли, что непреодолимо для субъекта» [9].

2) У принуждения всегда имеется цель — идеальный образ желаемого результата.

3) Обязательное наличие силового ресурса, обеспечивающего функционирование механизма принуждения.

4) Принуждение реализуется посредством применения к принуждаемому определенных мер различного характера: материального, психологического, организационного, физического и т. д. [8, с. 191–192].

Рассмотрев особенности социального принуждения, выделим также отличительные черты правового принуждения. Во-первых, данный вид принуждения основывается на правовых нормах, то есть юридическому закреплению подвергаются как меры принуждения, так и конкретные полномочия государственных органов и должностных лиц, осуществляющих принудительное воздействие. Во-вторых, правовое принуждение является реакцией государства на противоправное поведение субъекта, а, как известно, именно государство обладает монополией на легитимное насилие. Так, еще Ганс Кельзен говорил, что государство имеет право на то, «чтобы его подданные воздерживались от правонарушений» [10, с. 142]. Хотя здесь следует сделать известную оговорку, поскольку существуют такие виды административного принуждения, которые не связаны с неправомерным поведением. Главная цель применения государственно-правового принуждения — обеспечение законности и правопорядка. Эта цель определяет ряд задач: общая и специальная превенция, восстановление

нарушенных прав, возмещение причиненного ущерба, воспитание и наказание правонарушителя и т. д. Отметим также, что такой вид принуждения реализуется в рамках охранительного правоотношения посредством юрисдикционных правоприменительных актов [11, с. 73–74].

Административное принуждение, являясь одним из составных элементов правового принуждения, соотносится с ним как частное и общее. Сущность административного принуждения состоит в применении субъектами публичной власти принудительных мер административно-правового характера. Д. Н. Бахрах отмечает, что очень важно различать такие понятия как «меры административно-правового принуждения» и «принудительные меры, установленные нормами административного права». Подтверждая данный тезис, он говорит о том, что административно-правовые нормы могут устанавливать наряду с административными, дисциплинарными, общественно-правовыми мерами принудительного воздействия [12, с. 213].

Административно-правовое принуждение обладает следующими специфическими чертами: всесторонне регулируется административными нормами; воздействию подвергаются не только физические, но и юридические лица; осуществляется в рамках внеслужебной подчиненности, то есть между принуждающим и принуждаемым субъектом отсутствует непосредственная линейная подчиненность; очень широкий круг субъектов, применяющих меры такого воздействия (судьи, должностные лица, государственные инспекции, комиссии и т. д.). Представляется также необходимым сказать, что меры административного принуждения могут применяться к лицам, не совершившим ничего противоправного. Поэтому позволим себе не согласиться с Д. Н. Бахрахом, акцентирующем внимание на противоправных действиях как основании применения данных мер [12, с. 214].

При всей важности института административного принуждения, в научном сообществе не сложилось как однозначного его понимания, так и четкой классификации административно-принудительных мер, что создает определенные трудности. При этом надлежащее использование метода административного принуждения в деятельности органов государственной власти позволяет обеспечить эффективность управленческой деятельности, правомерность действий участников такой деятельности, что обуславливает важность дальнейшего изучения данного института и необходимость его четкой нормативной регламентации.

Литература:

1. Козулин А. И. Правовое принуждение (Правовые начала государственного принуждения в советском обществе): Автореф. дис... канд. юрид. наук. Свердловск, 1986.
2. Жаренов И. П. Государственное принуждение в условиях демократизации общества: Дис... канд. юрид. наук. М., 2006. — 145с.
3. Чашников В. А. Государственно-правовое принуждение: общетеоретические вопросы: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 3. — М.: Русский язык, 1998.

5. Байтин М. И. Государство и политическая власть. — Саратов: СГУ, 1972. — 239с.
6. Бахрах Д. Н. Административная ответственность граждан в СССР: Учебное пособие. — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. — 204с.
7. Лановая Г. М. Принуждение в системе форм правоприменения: Дис... канд. юрид. наук. М., 2006. — 178с.
8. Латушкин М. А. К вопросу о понятиях государственного, правового и государственно-правового принуждения // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 2. С. 186—196.
9. Базылев Б. Т. Государственное принуждение и правовые формы его осуществления в советском обществе: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Киев, 1968.
10. Чистое учение о праве Ганса Кельзена /отв. ред. В. Н. Кудрявцев, Н. Н. Разумович, перевод С. В. Лезова. Выпуск 2. М.: АН СССР, 1988. — 213с.
11. Сатина Э. А. Понятие и виды государственного принуждения // Вестник Тамбовского университета. 2003. № 2. С. 72—76.
12. Бахрах Д. Н. Административное право России: учебник для вузов. — М.: Норма, 2000. — 640с.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Правовые основы информационной безопасности общества

Колкарев Давид Вадимович, студент

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва)

Современные информационные технологии интенсивно внедряются во все сферы жизни и деятельности общества. Главным символом XXI века продолжает быть информация. Информация в XXI веке рассматривается как новый вид общественных отношений и как один из необходимых элементов жизни современного общества. Значение информационных технологий продолжает расти. Востребованность технологий сети Интернет растёт с каждым днем.

К сожалению, количество преступлений в мире в сфере информационных технологий продолжает расти. На сегодня день это самый большой источник информации, доступ к которому может получить практически каждый. Преступления в сфере информационных технологий очень часто являются международными, то есть преступники действуют в одном государстве, а их жертвы находятся в другом государстве.

Проблема преступности в сфере компьютерной информации заявила о себе еще во второй половине 60-х годов XX века в странах Запада. Преступления в сфере информационных технологий включают как распространение вредоносных вирусов, взлом паролей, кражу номеров банковских карт и других банковских реквизитов (фишинг), так и распространение противоправной информации (клеветы, материалов порнографического характера, материалов, возбуждающих межнациональную и межрелигиозную вражду и т. п.) через Интернет, а также вредоносное вмешательство через компьютерные сети в работу различных систем. Интересный факт: первым человеком, применившим ЭВМ для совершения налогового преступления на сумму 620 тысяч долларов и в 1969 году представшим за это перед американским судом, стал Альфонсе Конфессоре. В 1989 году американский студент блокировал 6000 компьютеров Пентагона. А в 1992 году неизвестные умышлено нарушили работу автономной системы управления реакторов Игналинской АЭС Литвы, используя ядерную энергию для производства электроэнергии. Для борьбы с такими преступлениями в сфере информационных технологий особое значение имеет международное сотрудничество. Конвенция Совета Европы о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 была подписана 23 ноября 2001 г. в Будапеште. Конвенция открыта для подписания как государствами — членами Совета Европы, так и не являющимися его членами государствами, которые участвовали в её разработке. В частности, её подписали

США и Япония. Конвенция также требует создать необходимые правовые условия для обязательства интернет-провайдеров проводить сбор и фиксацию или перехват необходимой информации с помощью имеющихся технических средств, а также способствовать в этом правоохранительным органам. При этом рекомендуется обязать провайдеров сохранять полную конфиденциальность о фактах подобного сотрудничества.

Какова ситуация в России? Информационная революция застала Россию в сложный экономический и политический период и потребовала срочного регулирования возникающих на ее пути проблем. Между тем, как известно, правовые механизмы могут быть включены и становятся эффективными лишь тогда, когда общественные отношения, подлежащие регулированию, достаточно стабилизировались. Необходимость досрочной разработки юридических основ информационных отношений привела к поспешному и не всегда корректному формированию ряда базовых правовых понятий в этой области с их уточнением в каждом следующем нормативном акте. Формирование отечественного законодательного регулирования в области информационных правоотношений прошло сложный путь. Законодательная база в сфере информационной безопасности включает пакет Федеральных законов, Указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ, межведомственных руководящих документов и стандартов. В Российской Федерации сегодня действует Закон «О безопасности», который старше Конституции 1993 года и Концепция национальной безопасности — основополагающие документы по информационной безопасности. В Конституции РФ гарантируется «тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений» (ст. 23, ч.2), а также «право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» (ст. 29, ч.4). Кроме этого, Конституцией РФ «гарантируется свобода массовой информации» (ст. 29, ч.5), т. е. массовая информация должна быть доступна гражданам. Концепция национальной безопасности РФ, введенная указом Президента РФ № 24 в январе 2000 года определяет важнейшие задачи обеспечения информационной безопасности России:

- реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации в сфере информационной деятельности;

- совершенствование и защита отечественной информационной инфраструктуры, интеграция России в мировое информационное пространство;
- противодействие угрозе развязывания противоборства в информационной сфере.

В законодательных актах Российской Федерации были определены основные термины и понятия в области компьютерной информации, регулировались вопросы ее распространения, охраны авторских прав, имущественные и неимущественные отношения, возникающие в связи с созданием, правовой охраной и использованием программного обеспечения и новых информационных технологий. Также было осуществлено законодательное раскрытие понятий информационной безопасности и международного информационного обмена.

Из источников известно, что непосредственно российское информационное законодательство начало формироваться с начала 90-х годов и включало в себя ряд основополагающих законов:

- Закон «О средствах массовой информации», 1991 г.
- Закон «О Федеральных органах правительственной связи и информации», 1992 г.
- Закон «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных», 1992 г.
- Закон «Об информации, информатизации и защите информации», 1995 г.
- Закон «Об участии в международном информационном обмене», 1996 г.
- Закон «О правовой охране программ для электронно-вычислительных машин и баз данных», 1992, 1995 г.

Одним из основных базовых перечисленных выше законов в области защиты информации — это Закон РФ «Об информации, информатизации и защите информации» от 20 февраля 1995 года № 24-ФЗ. Данный закон регламентирует отношения, возникающие при формировании и использовании информационных ресурсов РФ на основе сбора, накопления, хранения, распространения и предоставления потребителям документированной информации, а также при создании и использовании информационных технологий, при защите информации и прав субъектов, участвующих в информационных процессах и информатизации.

«Преступления в сфере компьютерной информации». Именно так называется отдельная глава в Уголовном Кодексе Российской Федерации (далее УК РФ), посвящённая преступлениям в сфере компьютерной информации. В статье 274 УК РФ «Нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети» считается, что под охраняемой законом информацией понимается информация, для которой в специальных законах установлен специальный режим ее правовой защиты, например — государственная, служебная и коммерческая, банковская тайны, персональные данные и т. д.

Санкция части 1 ст. 274 УК РФ состоит из трех альтернативных видов наказания: лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью на срок до 5 лет, обязательные работы от 180 до 240 часов и ограничение свободы до 2 лет. Часть 2 — состав с двумя формами вины, предусматривающий в качестве квалифицирующего признака наступление по неосторожности тяжких последствий. Не смотря на то, что раздел УК РФ включает в себя три статьи, в СМИ всё чаще мелькают сообщения об аресте «электронных» правонарушителей. И связана эта тревожная статистика с всё растущим интересом пользователей ПК к противозаконным действиям.

По данным правоохранительных органов, имеются сведения о фактах несанкционированного доступа к ЭВМ вычислительного центра железных дорог России, а также к электронной информации систем учета жилых и нежилых помещений местных органов управления во многих городах, что в наше время подпадает под ответственность, предусмотренную ст. 272 УК, либо ст. 274 УК в зависимости от действий лица, осуществившего посягательство и правил эксплуатации конкретной сети.

Анализируя мировые тенденции формирования глобального информационного пространства, в мире как одна наиболее актуальная на современном этапе стоит проблема обеспечения информационной безопасности. Компьютерная преступность становится одним из наиболее опасных видов преступных посягательств.

Проблемы информационной безопасности постоянно усугубляются процессами проникновения практически во все сферы деятельности общества технических средств обработки и передачи данных, и, прежде всего, вычислительных систем. Современные информационные технологии интенсивно внедряются во все сферы жизни и деятельности общества, национальная безопасность начинает напрямую зависеть от обеспечения информационной защиты — главного гаранта стабильности в обществе, прав и свобод граждан и правопорядка. Предусмотренные составы компьютерных преступлений не охватывают полностью всех видов совершения компьютерных посягательств. Хотя, возможно, в этом случае будут «оказывать помощь» статьи 146 УК РФ (нарушение авторских и смежных прав) и 147 УК РФ (нарушение изобретательских и патентных прав), дающие возможность уголовного преследования за незаконное использование программного обеспечения.

Компьютерные преступления — это своеобразная плата за прогресс в технической сфере. С ростом совершенства компьютерной техники возрастает изощренный характер компьютерной преступности. Соответственно должны совершенствоваться способы борьбы с этим видом преступлений. Этим методы должны носить системный характер и учитывать наряду с другими и социальные аспекты. До сих пор идет дискуссия по вопросу целесообразности и необходимости включения в УК РФ отдельной статьи, касающейся преступлений в сфере компьютерной информации.

В Российской Федерации развитие и эффективное использование информационных технологий является одним из приоритетных направлений государственной политики. Принятый в ноябре 2014 года Федеральный закон от 24.11.2014 № 364-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации», который вступил в силу 1 мая 2015 года сильно расширяет возможности правообладателей по защите своих прав, что является значительным достижением правовой системы Российской Федерации в области интеллектуальной собственности.

Правоведы отмечают, что Закон N 364-ФЗ содержит достаточно спорное положение, касающееся подсудности споров.

Информационные технологии стали одним из ведущих факторов прогресса цивилизации. Информационные технологии, наряду с телекоммуникационными технологиями, составляют основу процессов информатизации, движения к информационному обществу.

Вопросы государственного контроля за развитием глобальных компьютерных сетей остаются пока нерешенными. Разработка проблемы компьютерной преступности и поиск методов борьбы с нею всего лишь дело времени и опыта российских правоведов.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации, 12 декабря 1993 г.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации, 21 октября 1994 г. с изменениями и дополнениями, вступающими в силу с 02.10.2016 г.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 06.07.2016 375-ФЗ
4. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.11.2014 № 364-ФЗ (действующая редакция, 2016) 5. Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации» от 20.02.95 № 24-ФЗ
5. Закон РФ. О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных от 23 сентября 1992 года (в ред. Федеральных законов от 24.12.2002 № 177-ФЗ, от 02.11.2004 N 127-ФЗ)

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

О проблеме введения юридической ответственности за неэффективное использование государственных средств

Кичикова Алта Баатровна, магистрант
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

В статье на примере законопроекта «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» рассмотрен вопрос о необходимости введения ответственности за неэффективное расходование бюджетных средств.

Ключевые слова: эффективность использования бюджетных средств, юридическая ответственность, критерии оценки эффективности использования бюджетных средств, проект Федерального закона N 208784–6 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации

Президент Российской Федерации В. В. Путин 13 июля 2016 года в ходе заседания Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам уже не в первый раз призвал «достигать практических результатов, кардинально повышать эффективность расходов» [1, «Путин призвал кардинально повышать расходы» [Электронный ресурс] <https://regnum.ru/news/economy/2156629.html> (Дата обращения: 16.11.2016)], что в условиях сокращения доходной части бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, обусловленного продолжающимся экономическим кризисом, является важнейшим фактором достижения целей социально-экономического развития страны.

Как известно, в соответствии со статьей 34 Бюджетного Кодекса Российской Федерации [2, Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ//Собрание законодательства РФ от 31.08.1998 № 31, ст. 3823] (далее — БК РФ) при составлении и исполнении бюджетов участники бюджетного процесса должны исходить из необходимости достижения заданных результатов с использованием наименьшего объема средств (экономности) и (или) достижения наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств (результативности). Исходя из формулировки указанной статьи, можно утверждать, что на участников бюджетного процесса возложена юридическая обязанность по достижению экономности и (или) результативности использования бюджетных средств.

Согласно мнению С. С. Алексеева «юридическая обязанность есть предписанная обязанному лицу и обеспеченная возможностью государственного принуждения мера необходимого поведения, которой оно должно следовать в интересах управомоченного лица» [3, Алексеев С. С., Архипов С. И. Теория государства и права. Учебник для вузов. М. Норма, 2005, С. 289].

Исходя из приведенного определения, можно выделить следующие признаки юридической обязанности:

1. Это мера должного поведения, то есть это точное определение того, каким поведение должно быть.
2. Юридическая обязанность поддерживается возможностью государственного принуждения.
3. Неисполнение или ненадлежащее исполнение возложенной обязанности является правонарушением и влечет применение государством мер государственного принуждения.

Следует отметить, что в бюджетном законодательстве установлена мера должного поведения участников бюджетного процесса, но при этом не определена юридическая ответственность за нарушение возложенных на них обязанностей.

Юридическая ответственность выполняет помимо карательной (штрафной), ещё и превентивную функцию, то есть ее установление за совершенное правонарушение позволяет в некоторой степени предотвратить подобные правонарушения в будущем. Отсутствие установленной законодательством ответственности за неэффективное использование государственных средств фактически «обесценивает» обязанность участников бюджетного процесса по достижению экономности и (или) результативности использования государственных средств, выполнение которой в данной ситуации зависит от их собственного усмотрения.

Для решения данной проблемы депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (далее — ГД ФС РФ) внесли в 2013 году на рассмотрение ГД ФС РФ проект Федерального закона № 208784–6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — законопроект) [4, Проект Федерального закона N 208784–6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст

по состоянию на 21.01.2013) // СПС КонсультантПлюс], основной целью которого было установление административной и уголовной ответственности за неэффективное расходование бюджетных средств и неэффективное использование средств государственных внебюджетных фондов.

В статье 1 указанного законопроекта авторами предлагалось внести в БК РФ следующее определение неэффективного использования бюджетных средств: «Нерезультативное (неэффективное) использование бюджетных средств, выразившееся в недостижении заданных результатов (по объему и (или) качеству), установленных государственным (муниципальным) заданием, долгосрочной целевой программой либо иным правовым основанием, с использованием определенного бюджетом объема (или) качества с превышением объема бюджетных средств, достаточного для их достижения исходя из условий, существовавших в месте исполнения бюджетного обязательства в соответствующий период, влечет наложение административного взыскания на руководителей получателей бюджетных средств в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, а также при наличии состава преступления уголовные наказания, предусмотренные Уголовным кодексом Российской Федерации»¹.

Кроме того, в законопроекте предлагалось установить в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях ответственность за нерезультативное (неэффективное) использование бюджетных средств, выразившееся в недостижении заданных результатов (по объему и (или) качеству), установленных государственным (муниципальным) заданием, долгосрочной целевой программой либо иным правовым основанием, с использованием определенного бюджетом объема бюджетных средств, или в достижении заданных результатов (по объему и (или) качеству) с превышением объема бюджетных средств, достаточного для их достижения исходя из условий, существовавших в месте исполнения бюджетного обязательства в соответствующий период, если такое действие не содержит уголовно наказуемого деяния.

Санкцию за совершение указанного правонарушения предлагалось установить в виде административного штрафа для должностных лиц в размере от четырех до пяти тысяч рублей, а для юридических лиц — от сорока до пятидесяти тысяч рублей.

Аналогичный состав административного правонарушения и аналогичная санкция предлагались к введению за неэффективное использование средств государственных внебюджетных фондов.

Критерием, отграничивающим уголовно наказуемое деяние от административного правонарушения, закреплялась сумма неэффективно использованных бюджетных средств. За совершение указанного преступления предлагалось установить следующие санкции:

1. Штраф в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет.

2. Принудительные работы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

3. Арест на срок до шести месяцев.

4. Лишение свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

В качестве квалифицирующих признаков предлагалось установить следующие обстоятельства: совершение преступления группой лиц по предварительному сговору, а также совершение преступления в особо крупном размере.

Аналогичный состав преступления устанавливался для неэффективного использования средств государственных внебюджетных фондов.

Приведенный обзор законопроекта позволяет сделать следующие выводы:

1. Предлагаемые изменения, как видно из буквального толкования, были подготовлены в январе 2013 года в соответствии с действующей в это время редакцией статьи 34 БК РФ, в которой отождествлялись понятия результативность и эффективность, что порождало путаницу при определении понятия «эффективность» использования государственных средств.

2. «Страдает» юридическая техника составления документа — из-за допущенных юридико-технических ошибок утерян смысл статьи 1 законопроекта, предлагавшей изменения в БК РФ, а также невозможно установить, какую сумму неэффективно израсходованных средств считать крупным размером, а какую — особо крупным.

3. Вызывает вопрос соразмерность установленных санкций, поскольку небольшой размер санкций не будет выполнять ни карательную, ни превентивную функцию. Довольно сложно предположить ситуацию, при которой грозный штраф в 50 тысяч рублей остановит возможного правонарушителя. Более обоснованными являются санкции, применяемые за нецелевое использование бюджетных средств: передача уполномоченному по соответствующему бюджету части полномочий главного распорядителя, распорядителя и получателя бюджетных средств, бесспорное взыскание суммы средств, полученных из другого бюджета бюджетной системы Российской Федерации, в размере средств, использованных не по целевому назначению, и (или) в размере платы за пользование ими либо приостановление (сокращение) предоставления межбюджетных трансфертов (за исключением субвенций) [5, Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 31.08.1998 № 31, ст. 3823]. Однако относительно неэффективного использования государственных средств установление подобных санкций не представляется возможным:

¹ Текст законопроекта приведен в соответствии с оригиналом.

в отсутствии единых методик оценки сумм бюджетных средств, использованных не эффективно, неизбежно увеличится влияние субъективного мнения проверяющих.

4. Оценка эффективности использования государственных средств производится на основе выбираемых индивидуально для каждого аудита эффективности критериев. Так как разработать перечень единых критериев не представляется возможным, то устанавливаемые в каждом отдельном случае критерии оценки эффективности использования государственных средств, привносят значительную долю субъективного мнения проверяющих, что не позволит обеспечить равное положение всем лицам, привлекаемым к ответственности.

Здесь следует учитывать Постановление Пленума Высшего арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации», согласно которому «расходная операция может быть признана неэффективным расходованием бюджетных средств только в случае, если уполномоченный орган докажет, что поставленные перед участником бюджетного процесса задачи могли быть выполнены с использованием меньшего объема средств или, что используя определенный бюджетом объем средств, участник бюджетного процесса мог бы достигнуть лучшего результата» [6, Постановление Высшего Арбитражного Суда Российской

Федерации от 22 июня 2006 г. № 23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации» (с изменениями от 26 февраля 2009 г.) // СПС Консультант Плюс].

5. При этом необходимо иметь в виду, что эффективность использования государственных средств представляет собой сложное явление, сочетающее внутренние и внешние факторы с их разнонаправленным влиянием на результаты деятельности получателей бюджетных средств. Очевидно, что факты неэффективного использования государственных средств могут быть обусловлены действием внешних факторов, неподконтрольных и независимых от деятельности проверяемых организаций.

6. Учитывая вышеизложенное, введение юридической ответственности за неэффективное использование бюджетных средств приведет к увеличению нагрузки на судебную систему: определение эффективности/неэффективности использования бюджетных средств, по сути, зависит от профессионального суждения проверяющих лиц. В подобной ситуации любой проверяемый объект вправе усомниться в этом суждении и обратиться за судебной защитой своих прав и законных интересов.

Таким образом, по нашему мнению, введение ответственности за неэффективное использование бюджетных средств не может быть инструментом повышения эффективности использования государственных средств.

Литература:

1. Алексеев С. С., Архипов С. И. Теория государства и права. Учебник для вузов. — Норма, 2005. — 496 с.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации: федер. закон: [принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 17 июля 1998 г.] // Собрание законодательства РФ. — 1998. — N 31. — С. 3823.
3. Постановление Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации» (с изменениями от 26 февраля 2009 г.). — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=86070&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.353629252517877#0> (Дата обращения: 11.11.2016).
4. Проект Федерального закона N 208784-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 21.01.2013). — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=101705#0> (Дата обращения: 11.11.2016)

Налогообложение недвижимости и сделок с ней: мировой опыт

Щедрова Валерия Олеговна, студент

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Практика взимания налогов с имущественных объектов в целом, и недвижимых в частности, известна еще со времен становления государственности. Недвижимое имущество было и остается одним из самых популярных объектов обложения налогом в силу его определенных характеристик: 1) материальный характер недвижимого объекта (т. е. наличие вещественной оболочки позволяет осуществлять налоговое администрирование с меньшими

затратами, нежели тех налогов, объектом которых является доход, добавленная стоимость и др.); 2) из первого признака вытекает второй — простота определения налогооблагаемого объекта и сложность его сокрытия от контрольных органов; 3) стационарность объектов; 4) возможность извлечения дохода из недвижимых объектов, путем совершения различных гражданско-правовых сделок (например, купли-продажи, аренды и др.); 5) императивное предписание

на осуществление государственной регистрации недвижимости (что также позволяет облегчить контрольным органам процесс взимания имущественного налога).

Налоги на недвижимое имущество составляют значительную долю доходов местных бюджетов. В соответствии со последними опубликованными статистическими данными ОЭСР, доля имущественных налогов в объеме общих налоговых доходов в таких развитых странах как: США, Великобритания, Канада, Южная Корея превышает 10%. [1, с. 105] и что составляет более половины доходов местных образований. Стоит отметить, что наряду с местными налогами на недвижимое имущество могут вводиться и региональные. Так, например, в России закреплен налог на имущество организаций, не являющийся регулирующим и подлежащий зачислению в полном объеме в бюджет соответствующего субъекта РФ, в то время как региональные имущественные налоги в Австралии, Мексике, Австрии распределяются между двумя уровнями бюджетов — местным и региональным.

В большинстве стран, субъектами, уплачивающими налог на недвижимость, являются собственники таких объектов. Во Франции, например, наоборот, различается 2 вида налога: на обладание недвижимым имуществом и на его использование, поэтому, при арендных отношениях, налогоплательщиком будет не арендодатель (собственник недвижимости), а арендатор.

Для того, чтобы в полной мере удовлетворить фискальный интерес государства и одновременно с этим установить справедливый режим налогообложения, в целях повышения экономической привлекательности, необходимо провести правильную оценку стоимости недвижимого имущества, без которой станет невозможным взимание налога. В мировой практике сложились несколько методов определения массовой оценки недвижимого имущества: сравнительный, затратный и доходный [2]. Сравнительный метод заключается в сопоставлении оцениваемого объекта недвижимости с аналогичными ему, но ранее проданными или только выставленными на продажу. Затратный метод основывается на подсчете всех затрат, необходимых для создания оцениваемого объекта, причем в расчет не берется износ объекта. Безусловно, данный метод применяется только в отношении зданий и сооружений, а не земельных участков, которые не являются объектами, воспроизводимыми при помощи человеческой воли и его вмешательства. При использовании доходного метода учитываются предполагаемые доходы, которые могут быть получены в связи с использованием недвижимого имущества в динамике гражданского оборота, например, доход от сделок купли-продажи недвижимости. Выбор метода зависит от уровня развития экономики в определенной стране, развитости рынка недвижимости той или иной категории. Например, в Дании, Японии, Швеции используется метод сравнения цен сравниваемого и аналогичного продаваемого объектов недвижимости; в Швейцарии — при оценке стоимости недвижимости учитывается потенциальный имущественный эффект,

полученный от реализации объекта недвижимости; метод учета затрат при определении стоимости зданий используется в Индонезии и Южной Корее. В США, например, применяется смешанный метод оценки, т. е. берутся на вооружение все вышеперечисленные методы. Во многих странах земля, а также здания и строения, классифицируются на определенные категории, в зависимости от сферы использования данных объектов или их целевого предназначения. Например, выделяются жилая и коммерческая недвижимость (Великобритания), и к каждой категории применяется различный метод оценки.

Помимо массовой оценки, существует интересный вариант оценки недвижимого имущества самим налогоплательщиком. Такой метод практикуется в Индии, Таиланде. Суть такого метода заключается в том, что налогоплательщик самостоятельно определяет характеристики своего имущества, индивидуализирующие его. Затем, в соответствии с этими характерными признаками имущество относится к определенной стоимостной группе, заранее определенной законом. Безусловно, данная система характерна для стран с развивающейся экономикой, где не ведется масштабная деятельность по оценке недвижимости и созданию реестров таких имущественных объектов. Также, при применении данного метода оценки, всегда высока вероятность злоупотребления со стороны налогоплательщика, в сторону занижения налоговой базы, чтобы избежать этого, необходимо установить тщательный контроль, осуществляемый налоговыми органами, за правильностью определения такой оценки недвижимости.

Важным является тот факт, что помимо осуществления справедливой рыночной оценки недвижимости, следует проводить ее систематически, чтобы она отражала современные цены на имущество и соответствовала реальным возможностям налогоплательщика в определенный период экономического развития. Такой процесс переоценки является довольно затратным мероприятием. Так, в законодательстве Сингапура установлено, что переоценка стоимости недвижимости осуществляется каждый год, а в европейских странах установлен более длительный период для проведения следующей переоценки (от 3 лет до 10) [3].

Что касается налоговых ставок по налогу на недвижимое имущество, то, например, в США они разнятся от одного местного образования, к другому. Так, на 2016 год, наиболее низкая ставка установлена в округах, входящих в состав штата Алабама — 0,43%, а самая высокая ставка зафиксирована в Нью Джерси — 2,38%. В некоторых странах, например, Германии и Австрии, федеральный законодатель устанавливает максимальные предельные ставки налога на недвижимость (1% и 5% соответственно), в пределах которых, местные образования имеют полномочия по изменению величины налоговой ставки. Следует также отметить тенденцию к установлению дифференцированных ставок в отношении различных видов недвижимости (предназначенной для использования в предпринимательской деятельности и для личного пользования). Так,

в России, такое разделение наблюдается не только в различном размере ставок, но и установлении двух самостоятельных налогов — на имущество организаций и физических лиц. Помимо определения процентной налоговой ставки, могут устанавливаться твердые суммы, подлежащие уплате в зависимости от площади недвижимого объекта или его конкретной стоимости. Во Франции, где налоговое законодательство различает налог собственника недвижимости и налог проживающего в этой недвижимости лица, установлена следующие ставки: собственник, сдающий в аренду свое помещение, уплачивает налог на собственность в размере от 6 до 13 евро, а арендатор такого помещения в свою очередь уплачивает налог в размере от 5 до 20 евро за 1 м². Фиксированные ставки на определенные категории недвижимости также устанавливаются в Великобритании их размер определяется местными органами самостоятельно.

В Италии ставки налога на недвижимость варьируются в пределах от 0,4 % до 0,8 % от рыночной стоимости, конкретные значения устанавливаются соответствующими итальянскими коммунами. Если недвижимость приобретается у первого собственника, то налог будет исчисляться из цены, установленной договором, а не рыночной стоимости. Законодательство Швеции не различает землю и недвижимые объекты и устанавливает единый налог на недвижимость, с унифицированной ставкой по всей стране в размере 1,7 % [4]. В Китае, в следствие особой коммунистической идеологии и отношению к частной собственности, налог на недвижимое имущество не взимается с физических лиц, хотя национальный законодатель и рассматривает вопрос об установлении налогового бремени для всех категорий налогоплательщиков в ближайшее время. Китайские же юридические лица обязаны уплачивать налог в размере 1,2 % от рыночной стоимости имущества. При всем кажущемся на первый взгляд разнообразии налоговых ставок на недвижимое имущество в различных странах, можно вывести среднюю по величине ставку в размере 1 %, она является некой демаркационной линией, колебания вправо или влево от которой, позволяют каждому отдельному государству устанавливать те ставки, которые будут отвечать требованиям национальной экономики и прогнозам поступления налоговых доходов.

Ценность недвижимого имущества в том, что кроме использования его в личных (например, дом для проживания семьи) или коммерческих целях (например, расположение организации в офисном здании), недвижимый объект может быть предметом гражданских сделок. Помимо налогов, имеющих своим объектом непосредственно недвижимое имущество, во многих странах также облагаются

сделки с недвижимостью, осуществляемые как физическими лицами, так и организациями. В этом случае, объектом таких налогов будет являться доход (прибыль) полученный по сделке или операции по реализации работ, связанных с недвижимым имуществом. Так, например, в России облагаются налогом на добавленную стоимость строительные и монтажные работы, осуществляемые организациями на ее территории.

В Великобритании установлен налог на покупку недвижимого имущества. Так, если лицо приобрело в собственность такой объект, оно обязано уплатить гербовый взнос (за исключением имущества, находящегося на территории Шотландии, там уплачивается свой налог на совершенную транзакцию с недвижимостью). Размеры ставок устанавливаются в диапазоне от 2 до 12 % для покупателя-физического лица, и от 2 до 5 % для организаций. Данные ставки применяются не ко всей стоимости объекта покупки, а к определенной части суммы, установленной законом. В Бельгии также установлен налог на приобретение недвижимости в размере 10 %. Размер ставки может быть уменьшен с учетом ухудшения основных характеристик недвижимого объекта (пригодности для использования, необходимости ремонта и т. д.). В Испании, помимо налога на куплю-продажу недвижимости и установления различных ставок для резидентов и нерезидентов, закреплен налог на доход, полученный от передачи в аренду недвижимого имущества, в размере, превышающем 24 %. В Малайзии нет отдельного налога на владение недвижимостью и на сделки с ней. Весь доход, полученный от перепродажи имущества или сдачи его в аренду подлежит обложению по ставкам корпоративного налога (для организаций) и подоходного налога (для индивидуальных лиц).

Что касается налоговых льгот по имущественным налогам, применяемых в зарубежных странах, то прослеживается тенденция закрепления в основном социально ориентированных преференций, которые предоставляются в целях снижения налоговой нагрузки малоимущих, инвалидов, многодетных семей, организаций социально-культурной сферы или имеющих государственное участие в своем капитале.

Налогообложение недвижимости и сделок с ней одно из самых популярных направлений государственной налоговой политики. С учетом значительной истории существования имущественных налогов наработан большой опыт их применения различными странами мира, его следует учитывать для построения современной, справедливой и отвечающей потребностям экономического развития налоговой системы имущественного налогообложения в нашей стране.

Литература:

1. OECD Revenue Statistics 2015, Table 22 // URL: http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/taxation/revenue-statistics-2015/tax-levels-and-tax-structures-1965-2014_rev_stats-2015-5-en-fr#WDGEPfmLSM8#page30 (дата обращения: 20.11.2016).

2. Приказ Минэкономразвития России от 20.05.2015 N 297 «Об утверждении Федерального стандарта оценки «Общие понятия оценки, подходы и требования к проведению оценки»// URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.11.2016).
3. Однокоз В. Г. Зарубежный опыт налогообложения имущества // Гуманитарные научные исследования. — 2015. — № 3. — С. 35.
4. Иванкина Е. В. Зарубежный опыт налогообложения недвижимости и возможность его применения для дифференциации ставок налогообложения в России // URL: <ftp://w82.ganepa.ru/gnp/wpaper/1651.pdf>
5. Липски С. А.. Новый шаг в развитии законодательства о налогообложении недвижимости // Налоги.. — 2015. — № 4. — С. 9–13.
6. Погодина И. В., Борисова А. А.. Налогообложение недвижимого имущества: проблемы и перспективы // Налоги. — 2015. — № 5. — С. 25–28.
7. Химичева Н. И.. Налоги как основной источник бюджетов: актуальные вопросы правового реформирования // Налоги. — 2014. — № 1. — С. 43–45.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Корпоративное соглашение с кредиторами юридического лица в российском праве: проблемы правового регулирования

Вутын Вероника Евгеньевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Статья посвящена анализу нового способа защиты интересов кредиторов корпорации, а именно соглашениям участников юридического лица кредиторами об осуществлении участниками своих корпоративных прав. В работе исследуются схожие договорные конструкции, известные праву США и Великобритании, проводится анализ и сравнение их с договором, предусмотренным Гражданским кодексом РФ.

Автор приходит к выводу о том, что необходимо ограничить состав участников и условия, при которых возможно заключение данного договора. Кроме того, вопросы, которые могут быть урегулированы данным соглашением должны быть направлены исключительно на обеспечение исполнения обязательства, и любой выход за их пределы в ущерб юридическому лицу является основанием для ответственности.

Предоставление кредиторам и иным заинтересованным лицам эффективного механизма защиты интересов на случай если юридическое лицо станет неплатежеспособным является одной из приоритетных задач корпоративного права. Зарубежные ученые, в частности юристы Великобритании и США, выделяют два вида способов защиты интересов кредиторов юридического лица: «ex ante», который сводится к установлению минимального размера уставного капитала, и «ex post», предполагающий негативные последствия за недобросовестные действия лиц, управляющих компанией. Поскольку каждый из указанных способов имеет недостатки, то для наиболее полного и эффективного обеспечения интересов кредиторов логично предоставить им возможность самостоятельно создавать механизмы, позволяющие защитить их интересы. В связи с этим в зарубежной литературе наметилась тенденция выделения также и третьего способа защиты интересов кредиторов - предоставление им возможности самостоятельно создавать механизмы, позволяющие защитить их интересы [1, с.56].

Одним из способов самозащиты является заключение договора, позволяющего третьим лицам участвовать в управлении обществом, что не так давно было закреплено и в Гражданском кодексе Российской Федерации: участники хозяйственных товариществ и обществ и иные заинтересованные лица получили возможность заключить соглашение, согласно которому участники обязуются осуществлять корпоративные права в интересах третьих лиц (пункт 9 статьи 67.2) (далее - ГК РФ).

Однако норма сформулирована таким образом, что фактически предоставляет неограниченные возможности вмешательства во внутренние дела общества неограниченному кругу лиц. Из-за недостаточной регламентации порядка

и условий заключения соглашения, использование этой конструкции затруднено и создает риск злоупотребления интересами общества. В связи с этим представляется разумным для разъяснения смысла конструкции, предусмотренной пунктом 9 статьи 67.2 ГК РФ обратиться к зарубежному опыту регулирования участия кредиторов и других лиц в управлении обществом на основании соглашения, заключенного с участниками.

Зарубежному законодательству не известны механизмы, которые бы были полностью аналогичны соглашению, предусмотренному ГК РФ. В Великобритании и США кредиторы могут получить полномочия по управлению обществом на основании договора, но пределы их участия в управлении компанией существенно ограничены в сравнении с п. 9 ст. 67.2 ГК РФ.

Наиболее похожая конструкция используется в Великобритании: допускается включение в договор кредитования условий, предоставляющих кредиторам определенные контрольные права в отношении общества, в частности, возможно ограничить свободу распределения прибыли между акционерами до момента погашения обязательства [2]. Также кредитор может согласовать порядок осуществления участниками своих прав посредством заключения с участниками соглашения о порядке реструктуризации долга (Scheme of Arrangement) [3]. Вмешательство в управление компанией третьих лиц допускается и на основании соглашения о совместной деятельности (Joint Venture Agreement), в силу которого полномочия по контролю над делами компании предоставляются лицу, осуществляющему совместную деятельность с компанией [4].

Как правило вмешательство третьих лиц в управление незначительно и преследует исключительно цель обеспечить исполнение обязательства. Кроме того, установлены

строгие требования относительно порядка заключения соглашений. Так, соглашения с кредиторами о реструктуризации долга, во-первых, должны быть одобрены не менее чем три четверти всех кредиторов компании, во-вторых, необходимо судебное решение, санкционирующее данное соглашение. Таким образом, исключается возможность включения в соглашение условий, ставящих остальных кредиторов и саму компанию в невыгодное положение.

В США договорный способ обеспечения интересов кредиторов считается более эффективным, чем, например, установление обязательных требований к размеру уставного капитала [5, с. 61]. Кредитор может участвовать в корпоративном соглашении посредством залога акций или опциона на покупку акций. При этом компания несет обязанность по составлению перечня лиц, которым в соответствии с соглашением, передается право голоса. Данный перечень должен быть доступен для ознакомления всем акционерам. Примечательно, что корпоративные права могут быть предоставлены не всем кредиторам, необходимо чтобы лицо обладало достаточным объемом прав требования по отношению к компании [6, с. 149].

Таким образом, вступив в соглашение, кредитор несет такие же риски, что участник, и в ходе процедуры банкротства требования таких кредиторов приравниваются к требованиям участников компании. Следовательно, во-первых, ему становится невыгодно действовать в ущерб интересам компании, во-вторых, интересы остальных кредиторов, обязательства которых являются менее обеспеченными, остаются учтены.

Анализируя соглашение, предусмотренное российским законодательством, необходимо обратить внимание на следующие аспекты:

1. Возможность заключать договор предоставлена слишком широкому кругу лиц

Во-первых, не рационально предоставлять возможность вмешиваться в управление общества всем кредиторам. Требование кредитора, который получает возможность участвовать в управлении, должно быть значительным, и (или) отношения с обществом должны носить продолжительный характер, так что возможный разрыв отношений ставил бы под угрозу дальнейшую деятельность общества. Либо необходимо допустить заключение соглашений только в том случае, когда общество находится на грани неплатежеспособности, поскольку тогда и у кредиторов, и у общества появится возможность избежать возбуждение процедуры банкротства.

Во-вторых, необходимо конкретизировать перечень третьих лиц, имеющих право заключить соглашение. Попытка сделать это была предпринята Министерством экономического развития. Согласно законопроекту, опубликованному в 2013 году, возможность заключать соглашение с участниками общества наряду с кредиторами имели залогодержатели, доверительные управляющие, покупатели акций, лица, имеющие возможность косвенно

распоряжаться акциями [7]. Однако законопроект не был рассмотрен Государственной Думой.

Кроме того, исходя из толкования статьи 67.2, соглашение участников с третьими лицами может быть заключено лишь некоторыми из участников общества, и в то же время на него распространяются общие положения о конфиденциальности корпоративного договора. Такой подход существенно ущемляет интересы участников, не подписавших соглашение и соответственно не владеющих информацией не только об его условиях, но даже и о самом факте его заключения. Представляется, что это не соответствует правовой природе соглашения с третьими лицами. В англо-саксонской правовой системе, откуда была перенята конструкция корпоративного договора, все корпоративные соглашения делятся на две вида: «внутренние» — соглашения, заключаемые исключительно между участниками, и «внешние», к которым и относятся в том числе соглашения с третьими лицами [8, с. 24]. Стороной внешних соглашений должны быть либо все без исключения участники общества, либо общество в целом. Таким образом решается вопрос о конфиденциальности соглашения.

2. Необходимо установить пределы вмешательства третьих лиц в деятельность общества

Содержание соглашения с третьими лицами аналогично содержанию корпоративного договора между участниками, что делает возможным существенное вмешательство кредитора в управление обществом. В силу данного соглашения кредитору не передается право принимать управленческие решения непосредственно, формально решения принимаются участниками общества. Однако поскольку кредитор участвует в согласовании условий соглашения, он опосредованно оказывает влияние на деятельность общества, то есть осуществляет косвенный контроль.

Поскольку целью соглашения является обеспечение исполнения обязательства либо обеспечение интересов третьего лица, действия сторон во исполнение соглашения могут причинить убытки обществу. Это является предпосылкой для привлечения к ответственности. Согласно пункту 3 статьи 53.1 ГК РФ, лицо, имеющее возможность определять решения общества, несет ответственность за убытки, причиненные обществу, если действует не в его интересах. Однако встает вопрос, являются ли действия в интересах третьего лица в рамках соглашения, действиями, противоречащими интересам общества.

Дмитрий Степанов выдвинул концепцию, согласно которой наиболее рационально считать интересом общества интерес лица, на защиту которого направлена норма [9, с. 62]. Таким образом, в случае заключения соглашения с третьим лицом, именно интерес третьего лица будет считаться интересом самого общества, и все действия, совершенные в соответствии с соглашением, будут считаться правомерными.

Однако, поскольку содержание соглашения сформулировано законодателем настолько размыто, что кредитор

может получить и полный контроль над обществом, полностью отрицать возможность привлечь его к ответственности неразумно. К. Thor Lundgren, анализируя судебную практику США, приходит к выводу, что кредитор может привлекаться к ответственности только в том случае, когда его роль трансформируется от действия, которое является экономически обоснованным и необходимым для того, чтобы обеспечить исполнение обязательства, в действие предполагающее существенное и обстоятельное влияние [10, с. 223]. Таким образом, определять, правомерно ли вмешательство, необходимо исходя из того, не осуществляет ли лицо больше прав по управлению обществом, чем необходимо для защиты его интереса. Так, на обеспечение интересов кредиторов может быть направлено согласование следующих вопросов: реорганизация и ликвидация общества, порядок выплат задолженностей, заключение сделок,

направленных на передачу активов общества, заключение договоров. Все действия, выходящие за рамки обеспечения исполнения обязательства, и которые осуществляются в ущерб юридическому лицу становятся основанием для ответственности.

Предоставление кредиторам и иным лицам возможности участвовать в управлении обществом посредством заключения соглашений с его участниками может стать эффективным способом защиты интересов кредиторов, и компенсировать те недостатки, которые имеют иные способы защиты. Однако достижение положительного результата от использования конструкции, предусмотренной пунктом 9 статьи 67.2 ГК РФ возможно только в том случае, если положения нормы будут регламентированы более подробно и ограничат пределы вмешательства в деятельность общества.

Литература:

1. Peter O. Mulbert A synthetic view of different concepts of creditor protection or: A high-level framework for corporate creditor protection (February, 2006). Available at SSRN: <http://ssrn.com/abstract=883625>.
2. Machado, Francisco Soares, Effective Creditor Protection in Private Companies: Mandatory Minimum Capital Rules or Ex Post Mechanisms? (August 15, 2009). Available at SSRN: <http://ssrn.com/abstract=1568731>
3. Stuart Sime Company law in practice. 10th edition. Oxford, Oxford University Press. 2014.
4. Breach of fiduciary duty for joint venturer to pay legal costs (Court of Appeal) /<http://uk.practicallaw.com/0-536-4325>.
5. A synthetic view of different concepts of creditor protection or: A high-level framework for corporate creditor protection Peter O. Mulbert 2006.
6. J. Armour, M. Whincop, The Proprietary Structure of Corporate Law. 2001. P. 149.
7. См. https://zakon.ru/discussion/2013/10/16/v_akcionernye_soglasheniya_dopustyat_tretix_lic__opublikovan_zakonoproekt_minekonomrazvitiya
8. R. Posner. The Rights of Creditors of Affiliated Corporations // University of Chicago Law Review 499. 1976.
9. Степанов Д. И. Интересы юридического лица и его участников // Вестник экономического правосудия РФ. 2015. № 1. С. 34–87.
10. К. Thor Lundgren Liability of a Creditor in a Control Relationship with its Debtor // 67 Marquette Law Review 523 (1984). P. 523–563.

Перспективы развития российского малого и среднего предпринимательства в условиях санкций

Серегина Ольга Николаевна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

Экономические санкции, введенные против России в 2014 году, коснулись стратегических сфер экономики, в частности: нефтедобычи, оборонной и тяжелой промышленности, банковского сектора, транспорта. Ключевым последствием санкций стало то, что многие деловые отношения оказались приостановлены, заморожены или разорваны, сотрудничество со многими развитыми государствами по крупным и экономически и социально значимым проектам оказалось остановлено. Фактически это означает, что у России нарушены внешнеэкономические связи

и предсказать направление их развития в будущем достаточно сложно.

Сам термин «санкция» отнюдь не является новаторским, история международных санкций насчитывает около двух тысяч лет. Однако, ранее санкции именовали как «меры принуждения», «реторсии», «ответная реакция» или «репрессалии», слово «санкции» популяризировано в последние годы.

Санкциями меры по отношению к государству-стороне стали именоваться в Уставе Лиги Наций по окончании Первой

мировой войны. Санкция представляет собой часть правовой нормы, где определены последствия нарушения того или иного условия договора, соглашения или неисполнения всего договора или соглашения и предусмотрены определенные меры воздействия по отношению к ее нарушителям [1, с. 65–66].

В международном праве установлено, что всякое международно-противоправное деяние того или иного государства, как субъекта международных отношений, влечет международную ответственность государства, и следовательно, санкцию, установленную международным правом. Лукашук И. И. упоминает о том, что ответственность в случае международного права представляет собой реализацию той или иной санкции, следствие ее действия и применения этой санкции [2, с. 23–24].

Следует отметить, что большинство санкций затрагивают, в основном, экономическую деятельность крупных компаний, в частности, санкции 2–14 года установлены против таких крупных предпринимателей, как Сбербанк, Внешэкономбанк, Россельхозбанк, РосЭнергоБанк, Газпром нефть, Транснефть и других компаний преимущественно федерального масштаба. При этом влияние санкций на малое и среднее предпринимательство является опосредованным.

На современном этапе можно выявить несколько путей воздействия санкций на малое и среднее предпринимательство в стране, в первую очередь, это прямое и косвенное виды воздействия. Прямое воздействие предполагает ограничение со стороны международных кредитных организаций и банков в займах российским банкам, что с одной стороны, замедлит наращивание у России внешнего долга, но при этом косвенным образом повлияет на ужесточение условий кредитования малых и средних предприятий России. Банки России, не получая возможности полноценно сотрудничать с международными кредитными организациями, также ужесточат условия кредитования малых и средних предприятий. Кроме того, в настоящее время разрабатываются правовые механизмы для оптимизации государственного субсидирования небольших предприятий сельского хозяйства. Например, с 2017 года Минсельхоз планирует сократить число видов субсидий на различные цели сельхозпроизводителям, в частности, из 54 видов существующих государственных субсидий планируется оставить только 7, при этом, процесс распределения субсидий между сельскохозяйственными организациями должны будут осуществлять регионы. В рамках данного нововведения появится «единая субсидия», в которую будет включено около 30 направлений, которые предприниматель (фермер) обязан будет реализовать, вместо того, чтобы выбрать одно направление, наиболее подходящее ему с точки зрения климатической зоны или имеющихся ресурсов. Сходные подходы к правовому регулированию предоставления субсидий наблюдаются и в иных сферах деятельности.

С одной стороны, такой подход негативно отразится на работе малых предприятий, поскольку лишит их возможности выбрать наиболее перспективную сферу

деятельности, с другой стороны, позволит многим предприятиям повысить конкурентоспособность.

Считается, что в рамках ограничения импорта, особые перспективы в развитии получают именно производители пищевой продукции, в числе которых и сельскохозяйственные организации. Однако следует отметить, что в стране существуют проблемы с транспортной инфраструктурой, но негативно сказывается на процессе доставки продукции конечному потребителю, а также, на объемах поставляемой продукции, которые, в случае малых товаропроизводителей невелики.

В условиях санкций считается целесообразным расширять сферу товаропроизводства в различных отраслях промышленности и хозяйства, однако ввиду того, что общий срок действия санкций в отношении России неизвестен, многие предприниматели не стремятся к росту товарооборота [3, с. 425–428]. В данном ключе можно отметить, что санкция, как правовой механизм, должна вводиться на определенное время для того, чтобы государство могло делать определенные прогнозы своего экономического развития в тех или иных условиях, а предприятия — рассчитать, хватит ли им срока санкций (года, пяти лет, десяти лет) на развитие своего производства без конкуренции по стороны иностранных товаропроизводителей.

Несмотря на декларируемую программу импортозамещения, у многих товаропроизводителей есть опасения, что произойдет замена импорта из одних стран на импорт из других, при этом и с новым импортом конкурировать будет достаточно проблематично.

Немаловажным для развития малого и среднего предпринимательства является и тот факт, что одним из условий санкций являлось закрытие доступа крупнейшим банкам России на рынок международного капитала, что повлияет на рост ставок по кредитам и целевым ссудам. Таким образом, ужесточатся условия кредитования для российских малых и средних предпринимателей, для которых полный отказ от кредитов и займов невозможен, ввиду того, что только три четверти сектора отечественного малого и среднего бизнеса развиваются на собственные средства, а еще четверть не может существовать без банковских кредитов. Таким образом существует опасность потери четверти товаропроизводителей или сокращения (снижения эффективности) их деятельности.

Ряд изменений в деятельности малого и среднего бизнеса касаются государственной поддержки малых предприятий и ее правового регулирования. В частности, если ранее, преимущественно, господствовала прямая поддержка (субсидирование, выдача государственных кредитов на различные цели), то на современном этапе постепенно распространяется косвенная или опосредованная. К видам опосредованной поддержки можно отнести компенсации ставок по кредитам, выдача в лизинг оборудования, возможности участия в государственных закупках, льготы по налогам.

В нормативном регулировании господдержки малого бизнеса особое место отводится системе страхования, однако,

в настоящее время большинство малых и средних организаций, вынуждена обходиться без страхования своей деятельности (это обусловлено недостаточно развитой системой страхования в России, а также, отсутствием средств на оформление страховки), что выявляет дополнительное направление, нуждающееся в мерах государственной поддержки, которое можно отнести к форме опосредованной поддержке.

Следует отметить, что опосредованная поддержка — наименее исследованная в настоящее время форма государственной поддержки, вместе с тем, именно такая поддержка является приоритетной в странах ВТО, и именно такая форма является наиболее актуальной в условиях санкций. Для более органичного развития малого и среднего бизнеса в России представляется необходимым развивать именно опосредованную форму государственной поддержки, которую необходимо закрепить в специализированных нормативных актах, что особенно значимо в условиях дефицита бюджетных средств и необходимости развития импортозамещения.

Особо введение санкций против России коснется налогов и сборов, установленных для малых и средних предприятий. В частности, на современном этапе намечается тенденция повышения налогов на собственность. Вместе с тем, во многих регионах, на уровне субъекта РФ введены собственные налоговые льготы для малых предприятий, с целью их развития и поддержания деятельности. Главным образом, такие льготы вводятся для организаций, которые работают в рамках «специализации» региона.

В этой связи, целесообразным представляется дифференциация мер государственной поддержки на уровне субъекта Федерации и/или муниципального образования, для которой в настоящее время наметилась тенденция. При этом на федеральном уровне должны быть определены лишь общие направления мер поддержки малого бизнеса, в рамках которых каждый субъект Федерации разрабатывает собственные подходы к поддержке малых и средних товаропроизводителей, с учетом региональной специфики [4].

Негативное влияние санкций на развитие в России малого и среднего бизнеса обусловлено тем, что против нашей страны введены все три вида, предусмотренных международной правовой системой экономических санкций, а именно:

— Коммерческие санкции (в большинстве случаев, это торговое эмбарго, ограничение доступа (запрет доступа) к рынкам, отдельным или всем в совокупности финансовым ресурсам и инфраструктуре);

— Технологические санкции (запрет либо ограничение доступа к отдельным (или всем в целом) технологиям и техническим и ресурсам, прекращение обслуживания);

— Финансовые санкции (например, арест и замораживание банковских счетов, блокирование зарубежных активов, ограничение доступа к финансовым рынкам) [5].

Ввиду действия трех видов санкций, государство вынуждено минимизировать все их возможные последствия при помощи экономических и правовых механизмов. При этом, от того, насколько эффективным будет этот процесс напрямую зависит развитие малого и среднего бизнеса.

Следует отметить, что экономические санкции, как правило, вводят с целью политического давления через экономические механизмы в случае, если правовые механизмы исчерпаны или не действуют. И безусловно, обостряя экономическую ситуацию в государстве в целом, любые экономические санкции, в первую очередь, влияют на наименее защищенных субъектов экономических отношений — малые и средние предприятия [6].

В данном ключе также стоит отметить, что санкции являются лишь предпосылкой возникновения международной ответственности, также их можно считать «превентивными мерами». Цель санкций — это прекращение того или иного международного правонарушения, которое совершило государство, восстановление нарушенных прав, обеспечение возникновения ответственности. Достаточно показателен в данном отношении пример России и Крыма, где произошла подмена понятия «санкции». Россия не считает действия в отношении новых субъектов Федерации — Крыма и Севастополя противоправными, с позиции международного права. Следовательно, санкции (как меры воздействия) к Российской Федерации применяются неправомерно. Присоединение Крыма к России произошел на основе фундаментальных принципов системы международного права: права народа на самоопределение (Устав ООН 1945 года), Декларации о принципах международного права (Устав ООН 1970 года), Хельсинском Заключительном Акте (1975 год).

Литература:

1. Василенко В. А. Международно-правовые санкции. Киев, 2012.
2. Лукашук И. И. Право международной ответственности // Международное публичное и частное право. 2014. № 2.
3. Степашова А. Ю., Исакова Т. Е., Калущая Н. А. Влияние санкций на малый бизнес // Молодой ученый. — 2014. — № 21.
4. Эксперты ООН прогнозируют стагнацию российской экономики в 2015 году, рассказывает ИТАР-ТАСС [Электронный ресурс]. — URL: http://www.24kg.org/bolshoj_tirazh/3343_ekspertyi_oon_prognoziryuyut_stagnatsiyu_rossiyskoy_ekonomiki_v_2015_godu_rasskazyivaet_itar-tass/.
5. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2015 год, подготовлен Минэкономразвития России [Электронный ресурс]. — URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/20150216>.
6. Economic forecast: Russian Federation [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.oecd.org/economy/russian-federation-economic-forecast-summary.htm>.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

К вопросу о свободе договора и её пределах

Болясникова Людмила Александровна, студент
Иркутского государственного университета, Россия, Иркутск

Договоры существуют для того, чтобы их исполнял более слабый.
Карел Чапек

Принцип свободы договора разрабатывался в законодательстве различных стран в течение целых веков, начиная с эпохи Просвещения. Он начал зарождаться при переходе общества из феодальной в капиталистическую формацию. Изначально, на первых порах, свобода договора получила абсолютный и безграничный характер. Однако со временем общество обнаружило негативные последствия такого подхода к свободе договора: экономически сильные субъекты стали диктовать свою волю слабым, вследствие чего появилась объективная потребность в установлении пределов с целью предотвращения злоупотребления правом, защиты слабой стороны договора, интересов и прав кредиторов.

Гражданско-правовое регулирование базируется на определенных идеях, началах — принципах гражданского права, которые отражены в п. 1 ст. 1 Гражданского кодекса РФ (далее по тексту — ГК, ГК РФ) [1, ст. 1]. Основным методом гражданского права является диспозитивный метод, поэтому ему присущи такие черты, как юридическое равенство сторон, свобода и добровольность волеизъявления. На этой основе базируется одно из главных начал частного права — принцип свободы договора.

В условиях рыночной экономики договор является одним из основных способов регулирования экономических взаимосвязей, который обеспечивает самостоятельное регулирование экономических отношений их участниками. Принцип свободы договора призван обеспечить, прежде всего, свободу экономической деятельности, чтобы её субъекты могли свободно выражать свою волю, согласовывать интересы и определять действия для достижения желаемых целей в заключаемых между собой договорах.

В содержание свободы договора в соответствии со ст. 9 и 421 ГК РФ включаются четыре элемента.

Во-первых, *свобода заключения договора*, что подразумевает недопущение принуждения субъектов к вступлению в договорные отношения, за исключением случаев, когда обязанность заключать договор прямо предусмотрена законом.

Во-вторых, свобода выбора партнера, и хотя многие авторы не относят данный элемент к свободе договора, на наш взгляд, было бы целесообразно включить его в их,

так как в соответствии с п. 1 ст. 9 ГК РФ «граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права» [2, с. 486].

В-третьих, свобода выбора вида договора: субъектам гражданского права предоставляется право заключать любой договор, как предусмотренный, так и не предусмотренный законом и иными нормативно-правовыми актами при условии, что такой договор не противоречит общим началам и смыслу законодательства (п. 1 ст. 8, п. 2 ст. 421 ГК РФ). По общему правилу при правовом регулировании смешанных договоров применяются правила о договорах, элементы которых в нем содержатся, о чем также говорится в п. 3 ст. 421 ГК РФ.

Данный элемент особенно важен для имущественно-гражданского оборота, так как законодательство неизбежно отстает от ритма постоянного развития общественных отношений, не успевая урегулировать их изменения нормами позитивного права.

И, в-четвертых, свобода содержания (условий) договора: стороны самостоятельно определяют содержание договора, если законом или иными нормативно-правовыми актами не устанавливаются пределы содержания каких-либо условий. Свобода содержания договора находит свое отражение и за пределами ст. 421 ГК РФ, например, в ст. 425 ГК РФ провозглашается свобода установления срока действия договора.

М. И. Брагинский выделяет два вида ограничений свободы договора: негативные и позитивные. Негативные ограничения предполагают установление законом, между кем и какие договоры заключаться не могут, а позитивные представляют собой либо обязанность заключить договор, либо обязательное включение в них определенных условий [3, с. 167].

Средствами ограничения свободы договора выступают: 1) *императивные нормы права* (согласно п. 1 ст. 422 ГК РФ договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами (императивным нормам), действующим в момент его заключения); 2) *гражданско-правовые договоры* (по отношению к другим договорам сторон, например, заключение предварительного договора

в соответствии со ст. 429 ГК РФ, когда стороны обязуются заключить в будущем договор о передаче имущества, выполнении работ или оказании услуг (основной договор) на условиях, предусмотренных предварительным договором); 3) *административные правовые акты*; 4) *судебные правовые акты*.

Свобода договора в ГК РФ имеет частные случаи ограничения: ст. 426 — публичный договор, когда обязанность заключать договор прямо предусмотрена законом; ст. 428 — договор присоединения, и другие императивные правила, которые должны соблюдаться в силу ст. ГК РФ всеми лицами при заключении договоров. Тем не менее законодательных пределов свободы договора для эффективной реализации данного принципа стало недостаточно, в связи с чем Пленумом ВАС РФ было издано Постановление от 14 марта 2014 г. «О свободе договора и её пределах» № 16 [4]. Этим Постановлением был изменен подход к традиционному пониманию императивной и диспозитивной природы норм гражданского права, так как судам теперь следует толковать их с учетом целей, ради которых они были введены законодателем.

В условиях рыночной экономики субъекты не равны в своем материальном положении. И, дабы не допустить господства одних над другими и защитить публичные интересы, устанавливается принцип недопустимости злоупотребления правом, в том числе и злоупотреблением свободой договора, которая является и правом сторон договорных отношений.

Отсутствие легального определения понятия «злоупотребления правом» ведет к противопоставлению законности и целесообразности, открывает широкую возможность для судебного усмотрения, в то время как практические работники, к сожалению, не пришли к единообразному применению ст. 10 ГК РФ, так как критерии злоупотребления правом весьма туманны и неопределенны. Для предотвращения злоупотребления правом издаются различные Постановления Пленумов высших судов, на законодательном уровне принимаются нормы, призванные пресечь злоупотребление, однако определения, которое бы разрешило споры в науке и проблемы на практике, до сих пор

нет. И одной из главных причин принятия Постановления Пленума ВАС РФ № 16 являлось как раз предотвращение злоупотребления правом.

В целом, Постановление Пленума ВАС РФ № 16 следует оценивать положительно. Особым достоинством Постановления для развития судебной практики «является прямое указание судам на необходимость раскрытия причин и обстоятельств, по которым ими избирается тот или иной прием понимания и толкования норм права и условий договора. Так, в любом случае, для вывода о том, является ли норма диспозитивной или императивной, суд обязан указать, каким образом на это влияет или само законодательное регулирование, или необходимость защиты определенных интересов» [5]. С другой стороны, данное постановление изменило порядок определения диспозитивной и императивной природы норм гражданского права правоприменителями, чем увеличило роль судебных органов при толковании договоров не по воле сторон, а исходя из целей правового регулирования. Также по своей сути сложным является вопрос о том, как выяснить «существо и цели законодательного регулирования»: не будет ли разночтений в судебной практике? Тем не менее следует отметить, что данное правило направлено на предотвращение злоупотребления правом, в том числе и договорной свободой, путем противопоставления «буквы» и «духа» закона. Именно такое положение Постановления наставляет судей принимать решения, руководствуясь не только буквой, но и духом закона, принципами и аксиомами права.

Думается, что Постановление Пленума ВАС РФ № 16 оправдало себя и стало достаточно эффективным регулятором договорных правоотношений, а его положения следует полностью отразить в отдельном федеральном законе.

Законодательство РФ вводит ограничения свободы договора для её каждого основного элемента, что подтверждает отсутствие абсолютизма в подходе к данному правовому институту. Нельзя считать, что это негативное явление, так как меры направлены, прежде всего, на защиту справедливости, законности, а также недопущения злоупотребления свободой договора.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: федер. закон от 20 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1994. — N 32. — Ст. 3301.
2. Гражданское право: в 2 т. Т. I: учебник: изд. пятое, перераб. и доп. / под ред. Ю. К. Толстого, А. П. Сергеева (автор главы — Н. Д. Егоров). — М.: Проспект, 2000. — С. 486.
3. Брагинский М. И., Витрянский, В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения: Изд. 2-е, испр. — М.: «Статут», 2000. — С. 167.
4. О свободе договора и её пределах: Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 // Вестник ВАС РФ. — 2014. — № 5.
5. Хохлов В. А. Нормы права и формирование условий договора // Гражданское право. — 2015. — № 1 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система.

Субъективное гражданское право и кратические практики: парадоксы взаимодействия

Бочаров Андрей Николаевич, аспирант
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

Проблема власти и пределов ее осуществления издавна вызывает интерес ученых. Существует множество философских, экономических и правовых исследований данной тематики. Но нельзя не отметить тот факт, что большинство из них обходят стороной гражданско-правовые аспекты указанных вопросов, оставляя без должного освещения момент взаимодействия императивного начала любой кратической практики с диспозитивным дискурсом частного права. С точки же зрения цивилистической науки это представляется весьма актуальным, так как позволяет беспристрастно оценить, во-первых, степень соответствия существующих гражданско-правовых институтов текущим социальным запросам, а во-вторых, сделать заключение об уровне публично-правовой интервенции в сферу частноправового регулирования.

Исходя из вышеизложенного можно сформулировать основные вопросы, на которые необходимо дать обоснованные ответы в рамках данного исследования: каково место субъективного гражданского права в реализации государством собственных властных полномочий, адекватны ли существующие гражданско-правовые механизмы его защиты уровню потенциальных угроз, а также какие возможности открывает усиление позиций гражданского законодательства в области смежного с публично-правовыми отраслями регулирования правоотношений. Следует упомянуть, что подобное целеполагание неизбежно ставит перед исследователем вопрос о верификации результатов его работы в плоскости научно-правового дискурса и парадигмы правоприменительной практики. Из этого вытекает необходимость специальной методологии, которую условно можно обозначить через принцип «единство теории и практики». В развитие такого постулата представляется уместным сузить изучаемый эмпирический материал до конкретного нормативного правила, предписываемого статьей 16.1 ГК РФ, которая в ретроспективе отечественного гражданского законодательства может быть охарактеризована как новелла.

Итак, для начала необходимо провести текстуальный и контекстный анализ рассматриваемой нормы. Сама статья гласит: «В случаях и в порядке, которые предусмотрены законом, ущерб, причиненный личности или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия, подлежит компенсации» [1]. Стоит отметить, что конкретные механизмы и пределы реализации данного законодательного положения из приведенной нормы извлечь нельзя, что логически отсылает нас к потребности изучения

сопутствующих законодательных практик. Известно, что гражданское законодательство в частности и законодательство в целом призваны быть прежде всего системой, регулирующей общественные отношения, которые через призму данных социальных конструктов приобретают свойства, характерные для правоотношений. Исходя из такой базовой предпосылки, нормы гражданского законодательства могут находиться в состоянии системной связи с нормами иных отраслей. Для объекта данного исследования это особенно актуально, так как согласно п.16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «возможность такой компенсации предусмотрена статьями 279, 281, пунктом 5 статьи 790 ГК РФ, пунктом 2 статьи 18 Федерального закона от 6 марта 2006 года N 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Названные положения различных законодательных актов обладают одной, но безусловной характеристикой: они регулируют правоотношения, в большей своей части транслирующие публичный интерес. Следовательно, имеющиеся на сегодняшний день законодательные нормы, регулирующие взаимодействие гражданина и публичного агента по вопросу компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями последнего, создают, хотя бы декларативно, следующий алгоритм удовлетворения интересов: в первую очередь реализуется публичный интерес, а имущественные последствия данных действий устраняются с помощью частноправовой процедуры. Однако, из этого можно заключить, что обе юридические конструкции, используемые в схеме и принадлежащие к разным регулятивным ветвям правовой парадигмы, предполагают в качестве объекта один и тот же элемент — субъективное гражданское право. Каково же его место в каждой из них?

В первом случае субъективное гражданское право выступает в качестве «объекта легального посягательства». Данная ролевая модель структурного элемента юридической конструкции представляется фундаментальной для всех кратических практик, реализованных в условиях исторического периода существования человеческой цивилизации. Любое властное полномочие основано на необходимости умаления гражданского права некоего субъекта. Контраргументом подобной гипотезы выступают случаи наделения субъекта в результате реализации кратической практики имущественными правами (дарование королем поместья феодалу в Средневековье или предоставление жилого помещения малоимущему гражданину по договору социального найма в современной России). В то же время, нельзя не отметить, что любые рассмотренные имущественные манипуляции не являются первичными в контексте общего благосостояния государства и личности: они лишь используют имеющиеся материальные блага,

перераспределяют их внутри общества, в чем и проявляется одна из сторон регулятивной функции права, как инструмента кратической практики. Оно не способно создать новое экономическое благо в формате известных на сегодняшний день хозяйственных систем, но лишь направить его правовую и фактическую судьбу в русло, определяемое властной волей. Изменяется вектор перераспределения благ, так как при умалении субъективного гражданского права гражданина ради публичных интересов посягательству подвергаются права частного субъекта, а в случае надления его имуществом — права публичного образования (даже если оно включает в себя лишь единоличного правителя). Использование же термина объект легального посягательства позволяет провести четкую границу с ситуацией нелегального посягательства на субъективное гражданское право гражданина, которая находит более чем полное отражение в нормативно-правовых актах уголовного законодательства. Достойно отдельного рассмотрения и то, что в результате применения в рамках статьи 16.1 ГК РФ гражданско-правового механизма устранения последствий реализации публичного интереса возникает невиданный прежде и немыслимый для классического правового мышления парадокс: феномен дублированного регулирования. Известно, существует множество теорий возникновения государства и права, объясняющих также природу этих явлений, но каждая из подобных систем научного знания, при условии признания факта существования государства и права, в своей общей части может быть сведена к выводу о том, что некоторая доля личной правосубъектности гражданина делегируется государству (даже теологическая теория, для которой естественной и органической частью являются священные тексты, повествующие о сотворении человека Богом «по образу и подобию своему», а значит наделяющие человека хотя бы минимальной правосубъектностью в формате вселенской парадигмы закона). В делегировании же правосубъектности в рассматриваемом случае изначально заложен риск несоответствия частных интересов публичным. Факт наступления такой ситуации не является фальсифицирующим для идеи государственной власти и права. Отсюда можно заключить, что для классического правового мышления умаление субъективного гражданского права во имя публичных интересов не требует ликвидации последствий. А значит введение в нормативное тело ГК РФ статьи 16.1 является, с этой точки зрения, повторным регулированием уже упорядоченных законом правоотношений.

Сегодня, однако, уместно говорить о том, что с начала XX века классическая правовая мысль переживает состояние кризиса. Причиной его стало, возможно, несоответствие потребностей и ожиданий социума в целом и отдельных его страт, а также индивидов от применения

концепции права как социального регулятора объективной экономической, политической и исторической реальности. Безусловно, период потрясений в начале упомянутого столетия пережили все социальные институты, особенно в России, но по праву, особенно частному, он ударил тяжелее всего. Быстрая смена общественно-экономических формаций вызвала и скоротечную смену гражданского законодательства. В этом контексте современный носитель российской правовой культуры утратил значительную часть аксиологических матриц, характерных для частного права, среди которых и единичная ценность субъективного гражданского права. Годы приоритета общественного над личным оставили свой след и на законодателе, и на правоприменителе и на гражданине. Отсюда происходит значительная аберрация понимания назначения конкретных гражданско-правовых механизмов, при том, что учитывая рассмотренную выше двухзвенную структуру взаимодействия публично-правовых и частнопубличных конструкций, направленных на реализацию юридического и экономического интереса каждого из субъектов, можно говорить о ее значительных перспективах, высоком законодательном и экономическом потенциале регулирования. Он заключается в возможности реализации более социально-адаптированной модели регуляции. Основой для нее служит признание за субъективным частным правом гражданина более высоких по значению, в сравнении текущими, аксиологических характеристик. Ключевым же (и пока что не реализованным в рамках отечественного законодательства на должном уровне) принципом является установление для рассматриваемых отношений жесткой и обеспеченной связи: умаление субъективного гражданского права в рамках реализации публичного интереса должно неотвратимо влечь за собой применение, при соблюдении установленных условий, механизмов компенсации. В таком случае взаимодействие гражданина и государства выходит на совершенно иной цивилизационный уровень — глубокой интеракции. Любой социальный регулятор нуждается в корректировке даже базовых принципов, в этом залог его исторического выживания. Наивно полагать, что создание только механизмов учета мнения граждан и всеобщего избирательного права способно реализовать задачу достижения гражданского общества и правового государства. Данные состояния могут быть развиты в государстве лишь при наличии устойчивого диалога с гражданами по наиболее острым социальным вопросам — проблемам собственности и имущества. Декларирование или даже реализация политических прав все равно остаются инструментом формирования прежде всего публичного интереса. Человек же представляет собой индивидуальность, и нет лучшего способа уважать ее, чем признавать и защищать частный интерес.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26.01.1996 N 14-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

К вопросу о соотношении категорий «самовольная постройка» и «самовольное строительство»

Воропаева Надежда Андреевна, магистрант
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

В современной отечественной юридической литературе не сложилось единого подхода к определению понятия самовольных действий применительно к отношениям, связанным с самовольным строительством, а также классификации таких действий. Одни авторы исследовали в своих трудах институт самовольной постройки [1], другие — самовольные переустройства и (или) перепланировки жилого помещения [2], ряд авторов обращает внимание на проблемы самовольной реконструкции объектов недвижимости [3], а также самовольного изменения функционального назначения помещений [4], что свидетельствует об отсутствии комплексного взгляда на изучаемую проблему.

Во многом это напрямую отражается в законодательстве, поскольку позволяет по-разному определять правовые последствия самовольных действий и возможности легализации объектов, полученных в их результате, закреплённые в Гражданском кодексе Российской Федерации (в отношении самовольного строительства) и Жилищном кодексе Российской Федерации (в отношении самовольных переустройств и (или) перепланировок жилых помещений) либо полное их отсутствие (в отношении самовольной реконструкции объектов недвижимости; самовольного перевода жилого помещения в нежилое и нежилого помещения в жилое), а также отсутствие единства в теории применительно к таким самовольным действиям и объектам.

Так, Гражданский кодекс Российской Федерации (далее по тексту — ГК РФ) в статьях 222 и 263 рассматривает данный институт исключительно в сочетании «самовольная постройка». Пункт 1 статьи 222 ГК РФ устанавливает, что самовольной постройкой признается «здание, сооружение или другое строение, возведенные, созданные на земельном участке, не предоставленном в установленном порядке, или на земельном участке, разрешенное использование которого не допускает строительства на нем данного объекта, либо возведенные, созданные без получения на это необходимых разрешений или с нарушением градостроительных и строительных норм и правил».

Стоит отметить, что законодатель говорит именно о самовольной постройке как специфическом объекте, в то время как «самовольными» в этом ключе являются действия субъекта по строительству (созданию) такого объекта.

При этом сама процедура строительства объектов недвижимости регламентируется Градостроительным кодексом РФ (далее по тексту — ГСК РФ). Именно результат строительства, осуществлённого в обход установленного законом порядка, и принято называть самовольной постройкой. ГСК РФ регламентирует также процедуры изменения существующих объектов недвижимости, к которым относит реконструкцию и капитальный ремонт. При этом в настоящее время ГСК РФ устанавливает необходимость получения разрешения и в случае первоначального создания объекта недвижимости, и в случае его последующей реконструкции. Осуществление таких действий без получения необходимого разрешения по терминологии законодателя является самовольным, следовательно, и результат таких действий в виде самовольной постройки или самовольно реконструированного объекта недвижимости не может быть признан законным.

Жилищный кодекс Российской Федерации (далее по тексту — ЖК РФ) в ст. 29 устанавливает, что самовольными являются переустройство и (или) перепланировка жилого помещения, проведённые при отсутствии основания, предусмотренного законом, или с нарушением проекта переустройства и (или) перепланировки. Следует отметить, что законодатель отдельно выделяет проведение работ по переустройству и (или) перепланировке жилых помещений в отсутствие решения о согласовании и проведение работ с нарушением проекта переустройства и (или) перепланировки, представлявшегося для получения такого решения, признавая, однако, и те, и другие действия самовольными. В этой связи, полагаем, что и в случае осуществления таких работ с нарушением указанного проекта, по сути, речь идёт об отсутствии именно необходимого решения о согласовании, поскольку фактически уполномоченным органом согласовано проведение иных работ в помещении, а не осуществлённых. Поэтому здесь и далее мы не рассматриваем эти действия отдельно и не выделяем их в отдельный вид, равно как и результат таких действий.

Из легального определения самовольной постройки следует, что перечень объектов, подпадающих под данное определение, не является исчерпывающим, а термин «самовольная постройка» законодатель использует в качестве синонима термина «недвижимой вещи», закреплённого в статье 130 ГК РФ. Подчеркнем, что самовольная

постройка относится к недвижимости именно по своей физической природе, представляя собой, по сути, особую разновидность недвижимых вещей, созданных с нарушением закона, правовой режим которых имеет существенные отличия от иных объектов недвижимости.

Согласно п. 1 ст. 222 ГК РФ самовольной постройкой могут быть признаны здание, сооружение или другое строение.

Общеизвестно, что строительство — процесс достаточно длительный. В связи с чем, не представляется целесообразным ждать, когда застройщик достроит свою недвижимость, возводимую с нарушением требований закона, чтобы затем признать такой объект самовольной постройкой. Зачастую на практике складывается ситуация, когда объект уже полностью построен, даже используется, однако оформлять на него право собственности застройщики не торопятся в силу различных причин. И такой правовой режим объекта недвижимости может длиться достаточно долго.

Как справедливо отмечает Р.А. Валеев, «объект незавершённого строительства может возводиться как на законных основаниях, так и в режиме самовольной постройки» [5]. Критерии отнесения такого объекта к той или иной категории те же, что и в отношении завершённого строительством объекта. В случае если незавершённый строительством объект обладает признаками самовольной постройки, указанными в ст. 222 ГК РФ, на него в полной мере может быть распространён режим такой постройки. Именно поэтому было бы целесообразно включить объекты незавершённого строительства в диспозицию статьи 222 ГК РФ.

При осуществлении же строительной деятельности применение ст. 222 ГК РФ затруднено, поскольку в этой ситуации мы имеем дело с самовольным строительством (деятельностью), на что буквальное содержание данной нормы не рассчитано. При строительстве объекта отношения представлены в динамике; конечный результат строительной деятельности (возводимый объект) постоянно меняется по мере её осуществления, что и обуславливает описанные трудности. Указанное также наглядно демонстрирует пробелы в правовом регулировании отношений, связанных с самовольным созданием объектов недвижимости, в части отсутствия нормы о незамедлительном приостановлении незаконного строительства после его обнаружения.

Устранение данного законодательного пробела путем включения соответствующего положения позволило бы надлежащим образом оценить, во-первых, деятельность по созданию объекта недвижимости (с точки зрения нарушений закона, наличия основания для привлечения лица к ответственности и т. п.), во-вторых, результат такой деятельности, что невозможно без приостановки строительства, поскольку обозначенные отношения все время будут представлены в динамике. Было бы целесообразным, на наш взгляд, включить в п. 1 ст. 222 ГК РФ положение о том, что «самовольное строительство подлежит немедленному приостановлению».

Таким образом, говоря о соотношении категорий «самовольная постройка» и «самовольное строительство», следует подчеркнуть, что самовольная постройка представляет собой оконченный, завершённый, статичный результат самовольного строительства как процесса возведения нового или изменения уже существующего объекта недвижимости.

Литература:

1. См., например: Гумилевская О. В. Основания приобретения права собственности на самовольную постройку: дис. ... канд. юр. наук. Краснодар, 2008. — 221 с.; Иваненко А. В. Теоретические и практические аспекты понимания и легализации самовольной постройки: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2013. — 196 с.; Кузьмина И. Д. Правовой режим зданий и сооружений как объектов недвижимости. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. — С. 100–112; Савина А. В. Правовой режим самовольной постройки: дис. ... канд. юр. наук. Самара, 2010—194 с.; Селиванов В. В. Гражданско-правовой режим самовольной постройки и его нормативное закрепление: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. — 26 с.; Шишканов П. А. Самовольное строительство и его правовые последствия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. — 24 с. и др.
2. См., например: Василенко Н. В. Фактические (юридические) составы в обязательствах по социальному найму жилых помещений в РФ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. — 176 с.; Иванников С. Б. Гражданско-правовое регулирование договора продажи жилого помещения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. — 195 с.; Клименко И. О. Гражданско-правовой режим жилого помещения, предоставленного по договору социального найма: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2009. — 196 с.; Плеханова О. И. Наследование жилых помещений и имущественных прав, связанных с ними, в российском гражданском праве: дис. ... канд. юр. наук. Иркутск, 2009. С. 126–132; Сахно О. В. Осуществление права собственности на жилые помещения: дис. ... канд. юр. наук. Краснодар, 2005. С. 88–99 и др.
3. См., например: Ковтков Д. И. Перепланировка и реконструкция жилого помещения: различия, правовое регулирование, практика // Юрист. 2009. № 9. С. 37–46; Стрембелев С. В. Вещно-правовой эффект реконструкции зданий // Вестник гражданского права. 2010. № 3. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Трубочёв Е. О. Нежилые помещения как объекты недвижимости (гражданско-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2009. — 30 с. и др.

4. См.: Макеев П. В. Изменение правового режима жилого и нежилого помещения: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. — 203 с.
5. Валеев Р. А. Правовой режим объектов незавершенного строительства: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2007. С. 8.

Нетрадиционные источники гражданского процессуального права

Камнев Андрей Эдуардович, магистрант

Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Краснодар)

В работе рассмотрены нетрадиционные (заимствованные) источники гражданского процессуального права такие, как правовой обычай, правовая доктрина, принципы права, а также их взаимосвязь и возможность использования в гражданском процессуальном праве.

Ключевые слова: *источники гражданского процессуального права, правовой обычай, правовая доктрина, принципы права*

Право Российской Федерации, как всем известно, относят к континентальной правовой семье, сформированной на положениях римского права. Правовые системы стран, относящихся к данной правовой семье, в том числе Россия имеют сходные: структуру, источники права, юридические конструкции. Структуре системы характерно отраслевое дробление правовых норм. Среди источников права в первую очередь выделяют нормативно-правовой акт. Сегодня, в период формирования единого экономического, политического и правового пространства, происходит взаимопроникновения разных правовых культур, зачастую это выражается в смешивание правовых институтов, заимствовании законодательных конструкций, а также перенятии не свойственных системам источников права.

Законодательство России, включая и процессуальное, основано на типичных для континентальной системы источниках права. Так, к источникам гражданского процессуального права относят: в первую очередь, гражданский процессуальный кодекс РФ, отраслевые федеральные законы, международные договоры, общепризнанные международные нормы и принципы.

Особую роль среди источников процессуального права занимают и не традиционные, свойственные иной системе права — англосаксонской. Такие как, постановления пленума Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, а также Постановления вышестоящих судов, которые по сути являются не чем иным как судебным прецедентом. Последний, как источник процессуального права, отвергается множеством ученых, и официально не признается, но, при этом, используется на практике. О данных источниках процессуального права было написано множество научных работ.

Данная статья будет посвящена нетрадиционным (заимствованным) источникам права таким, как правовой обычай, правовая доктрина, принципы права, а также их взаимосвязи и возможности их использования в гражданском процессуальном праве.

Правовой обычай

Обычай представляет собой исторически сложившееся, устойчивое правило поведения, которое стало «привычкой».

Вместе с тем, правовыми становятся обычаи, преобладающие в обществе и закрепленные (санкционированные) государством. Для санкционирования достаточно перенаправления к обычаю, но не закрепления его текста в нормативно-правовом акте. В противном случае, сам обычай становится нормативно правовой акт. Правовой обычай свободно используется в отечественном гражданском праве.

Вместе с тем, процессуальное право относится к публичному, и координирует процедурные и организационные вопросы отправления правосудия, для чего необходима в первую очередь системность и структурированность. В российском процессуальном законодательстве указания о применении обычая судами появились относительно недавно, когда возникла необходимость привести нормы процесса в соответствие с положениями материального права, отсылающим к обычаю.

Так, единственным упоминанием (отсылкой) правовому обычаю является статья 11 ГПК РФ, которая устанавливает, обязанность суда применять помимо законов и иных правовые акты, обычаи делового оборота. К слову, сходная норма закреплена в ст. 13 АПК РФ.

Однако, как было указано, это положение больше относится к материальному праву, а не к процессуальному. Кроме того, следует принять во внимание, что в иных нормативно-правовых актах, регулирующие гражданские правоотношения не содержит каких-либо переправлений к правовому обычаю. Следовательно, можно прийти к выводу, что правовой обычай на данном этапе развития законодательства не является источником гражданского процессуального права Российской Федерации.

Говоря об обязательном условии, при котором, обычай становится правовым- санкционировании его государством, следует обратить внимание на позицию Сергея Александровича Голунского, который утверждал:

«санкционирование обычая возможно не только посредством закона, но и судебных решений (судебной практики)» [1].

При этом оценивая указанию мысль Б. И. Новицкий считал: «Вопрос о правильности или не правильности такого суждения не может быть решен без выяснения общего вопроса о назначении судебной практики. Здесь же следует заметить лишь одно: если определенная норма складывается в практике суда, то формой правообразования и является судебная практика, при условии, что государство допускает такую форму правообразования» [2].

По моему мнению, указная позиция видится не совершенной, ведь судебные обычае, под которыми чаще всего, понимают сформированную в определенном суде, в течении длительного периода времени, практику отечественное гражданское процессуальное право не признает, как источник права, по следующим причинам:

1. Во-первых, вся процессуальная деятельность при отправления правосудия производится под надзором и контролем суда, в виду чего, правовой обычай для лиц, участвующих в процессе не применим.

2. Во-вторых, суды «обязаны руководствоваться в своих действиях законами и постановлениями компетентных властей» [3] и, следовательно, обычное право и для самого суда невозможно.

Принципы права

Принципы права представляют собой значимые (основополагающие) идеи (начала), которые лежат в основе права, направлены на выражение его сущности и определения его функций.

Гражданское процессуальное право признает такой источник права, о чем свидетельствует часть 4 статьи 1 Гражданского процессуального кодекса «В случае отсутствия нормы процессуального права, регулирующей отношения... суд применяют норму, регулирующую сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии такой нормы действуют исходя из принципов осуществления правосудия в Российской Федерации (аналогия права)».

Как следует из нормы, речь идет не просто об общих принципах права, а всего лишь о двух: аналогия закона; аналогия права.

При этом, применение возможно только при определенном условии — наличии пробела в регулировании, когда присутствует нормативный правовой акт, регулирующие сходные правоотношения.

Возможность использования в гражданском процессуальном законодательстве рассматриваемых источников подтвердил Конституционный суд в Определении от 16 марта 2006 г. N 76-О, в котором указал: «Применение аналогии закона обусловлено необходимостью восполнения пробелов в правовом регулировании тех или иных отношений. Закрепление подобного права в части четвертой статьи 1 ГПК Российской Федерации вытекает из принципа самостоятельности судебной власти и является одним

из проявлений дискреционных полномочий суда, необходимых для осуществления правосудия, поскольку невозможность применения норм права по аналогии при наличии неурегулированных отношений привела бы к невозможности защиты прав граждан и, в конечном итоге, к ограничению их конституционных прав. При применении такого рода аналогии суд не подменяет законодателя и не создает новые правовые нормы, действуя в рамках закона» [4].

Иными словами, Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил конкретный источник права — принцип аналогии права.

Однако, в случае отсутствия правового акта, регулирующего схожие правоотношения аналогия закона невозможна, и суду приходится действовать руководствуясь принципом аналогии права.

Таким образом, принципы права относятся к источникам гражданского процессуального права, и исполняют существенную роль в восполнении пробелов в регулировании правоотношений в данной отрасли.

Правовая доктрина

Правовая доктрина — это узко специализированный источник права, использующийся, в основном, в случае наличия пробела в регулировании тех или иных отношений, представляющий собой работы авторитетных юристов, реже религиозные тексты, предназначенные для правового решения спора.

Как следует из положений Конституции РФ: «Российская Федерация — это светское государство» (ч. 1 ст. 14). В связи с чем, правовая доктрина в форме религиозных текстов не может признаваться источником права РФ.

Что касается работ ученых в области права, то такой источник права, в силу сложившихся в России традиций также находится под сомнением.

Существуют множество различных мнений относительно возможности применения доктрины в качестве источников процессуального права. Первые считают, что правовая доктрина это второстепенный (вспомогательный) источник права, цель которого устранить пробелы в регулировании. При этом официальным источником она может стать в случае санкционирования его государством. Представителями этого направления являются: И. В. Спасибо-Фатеева;

Ученые второго направления (А. П. Каламкарян; В. В. Сорокин.) считают, что правовая доктрина является источником права. Так, В. В. Сорокин указывает: «Правовая доктрина, первичный, ведущий источник права, которому должны соответствовать другие источники права, в том числе конституция и законы».

Позиция ученых третьего направления сводится к отрицанию правовой доктрины, как источника права. (Н. М. Коркунов, М. Н. Марченко). В качестве аргументов правоведа указывают, что в развитых государствах научные труды не закрепляются, и даже не учитываются как источники права.

Вместе с тем, значения правовой доктрины крайне занижены. Данный источник права имеет множество положительных сторон: во-первых, доктрина обладает высокой степенью научности, в ее основе лежат преобладающие правовые взгляды в обществе; во-вторых, каждая доктрина индивидуально рассматривает каждый конкретный случай, чем способствует определению верного способа разрешения. В-третьих, правовая доктрина непрерывно обновляется, наполняется новым содержанием, которые постоянно вносятся учеными, после практического применения идей на практики.

Таким образом, представляется, что правовая доктрина вполне подходит для регулирования гражданских процессуальных правоотношений. В нашей стране, к сожалению, правовая доктрина официально не закреплена как источник гражданского процессуального права. Однако, она все же обладает признаками источника права и оказывает влияния

на регулирование гражданских процессуальных правоотношений. На практике это выражается в цитировании трудов ученых процессуалистов в текстах юридических документов, а также при формировании правовых конструкций, дефиниций норм, которыми пользуются суды.

В заключении, можно сделать вывод, что нетрадиционные (не официальные) источники гражданского процессуального права, в нашей стране, в большинстве случаев, не применяются. Однако, указное не означает, что они не оказывают влияния на отечественную систему права. Использование таких источников, по моему мнению, будет германизировать и дополнять действующую систему права. В виду, чего, представляется, необходимым дополнить действующие гражданское процессуальное законодательство нормами, позволяющими использовать такие источники процессуального права как, правовая доктрина, и принципы права.

Литература:

1. Чешир Дж., Норт П., Международное частное право. — М.: 1998. — 156 с.
2. Поротиков А. И. Указ. Сочинения, 1988. — 352 с.
3. Васьковский Е. В. Гражданский процесс. — 2-е изд. — М.: Зерцало, 2003. — 464 с.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 16.03.2006 N 76-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Миронова Юрия Николаевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60482/ (дата обращения: 26.11.2016).

Актуальные проблемы процедуры медиации в России и пути их решения

Каратаев Иван Александрович, студент
Саратовская государственная юридическая академия

Процедура медиации относительно новый институт в российской юридической практике, применяемый с 2011 года и являющийся альтернативной судебному порядку разрешения спора, в котором стороны прибегают к помощи медиатора — независимого лица, содействующего сторонам в разрешении конфликта и заключении медиативного соглашения, как результата благополучно осуществленной процедуры. Актуальность исследования данного способа обусловлена быстрой законодательной интеграцией данного института, наличием пробелов в законодательстве, регулирующих проведение данной процедуры и низким процентом её применяемости.

Данный правовой институт появился впервые в США в 1960-х годах, успев за это время не только прижиться, но и появиться в законодательстве ряда других стран. Если в штатах причиной появления медиации стала неспособность государственных судов обеспечить быстрое и эффективное разрешение коммерческих споров, в Европе и России становление данного института произошло путем принятия нормативно-правовых актов. Для стран европейского

континента таким документом стала Директива 2008/52/ЕС «О некоторых аспектах медиации по гражданским и коммерческим делам» от 21.05.2008 г., а для России — Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедура медиации)» [1] (далее — федеральный закон), который вступил в силу 1 января 2011 года.

Впервые в Российской Федерации применение медиации, как способа разрешения коммерческих споров, было закреплено в ст. 135 и ст. 158 Арбитражного процессуального кодекса РФ от 24 июля 2002 года, а также введено понятие «посредник», и у судей появилась обязанность разъяснять сторонам их право на обращение к посреднику до разрешения спора в суде.

Необходимо отметить, что в постановлении VIII Всероссийского съезда судей от 19 декабря 2012 года «О состоянии судебной системы Российской Федерации и основных направлениях ее развития» отмечается приоритетность совершенствования именно примирительных процедур, в том числе медиации [2].

Несмотря на вышеизложенное и ряд преимуществ медиации, среди которых: экономия времени, неформальность и конфиденциальность процесса, возможность найти конструктивное решение, соответствующее реальному положению вещей, до настоящего времени сохранились и не решены некоторые проблемы, а также не устранены пробелы в законодательстве.

Во-первых, граждане нашей страны с некоторым недоверием относятся к такому способу разрешения конфликта как медиация, поскольку не знают или не слышали о подобной процедуре. Справедливо отмечается в научной литературе обусловленность такого поведения наших сограждан, поскольку «за годы советской власти нас приучили, что можно пожаловаться и передать спор на рассмотрение в райком, в профком, в суд и т. п. и снять с себя ответственность за принятие решения» [3]. Согласно справке «О практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г., N 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за 2015 год», утвержденной Президиумом Верховного Суда РФ 22 июня 2016 г. [4], за 2015 год из рассмотренных с вынесением решения (судебного приказа) 15 819 942 гражданских дел, посредством процедуры медиации спор был урегулирован в 1 115 делах (0,007 % от числа рассмотренных), а в 2014 году к помощи медиаторов стороны прибегли в 1 329 делах (0,01 % от числа рассмотренных). На основании приведенных данных можно сделать вывод о том, что востребованность рассматриваемого института и число споров, по которым стороны обратились за помощью к посреднику, остаются низкими. Однако необходимо отметить, что широкое распространение медиации и совершенствование нормативной базы по данному вопросу видится возможным только в том случае, если будут учтены такие факторы, как менталитет наших граждан, уровень их правовой культуры и правосознания. На наш взгляд, решение данной проблемы видится в активной просветительской работе органов государственной власти всех уровней, в том числе местного самоуправления, средств массовой информации и самих медиаторов.

Во-вторых, существуют проблемы и экономического характера, которые, в свою очередь, так же приводят к низкой популярности рассматриваемого института. К ним можно отнести высокую стоимость услуг профессиональных медиаторов и нежелание сторон нести дополнительные затраты. К примеру, стоимость процедуры медиации, при условии, что сторонами являются физические лица, в АНО «Уральский центр медиации» составляет 1 200 рублей в час, при этом при обращении с заявлением о процедуре медиации взимается регистрационный взнос в размере 1 650 рублей. Помимо прочего стоимость подготовки самого медиативного соглашения составляет 2 200 рублей, а если стороны захотят воспользоваться услугами специалистов или экспертов, приглашенных АНО «УМЦ» им необходимо будет заплатить еще 1 700 рублей в час. Итого

стоимость процедуры медиации обойдется в 6 750 рублей, при условии, что сама процедура, как и консультации специалистов или экспертов, длилась ровно час. [5]. Учитывая тот факт, что стороны могут обратиться к услугам медиатора во время судебного разбирательства до вынесения судебного решения, то есть когда истец уже заплатил государственную пошлину за подачу искового заявления, процедура медиации может оказаться слишком затратной. На наш взгляд, в качестве стимулирования сторон к разрешению спора посредством процедуры медиации будет способствовать введение на законодательном уровне возврата государственной пошлины за подачу искового заявления в размере 50 %, в случаях, если стороны решили воспользоваться процедурой медиации после подачи искового заявления, а также покрытие государством 30 % окончательной стоимости процедуры медиации.

В-третьих, в научной литературе отмечается, что одной из причин низкого распространения медиации в нашей стране является отсутствие централизованной системы альтернативной процедуры разрешения споров [6, с. 8]. На наш взгляд, необходимо не только создать централизованную систему, но сделать ее частично государственной. При создании государственных центров медиации в субъектах нашей страны рост количества обращений к данному способу разрешения споров вырастет, поскольку граждане смогут обращаться к профессиональным медиаторам, оплачивая только регистрационный взнос, о котором было сказано выше, а все остальные расходы частично или полностью сможет взять на себя государство. Поскольку общественные отношения подвержены постоянным изменениям и применение неактуальных способов по созданию благоприятных условий для разрешения спора и ведения переговоров может существенно затруднить или снизить эффективность самой процедуры, создание централизованной системы позволит постоянно повышать квалификацию медиаторов, устранять недочеты или ошибки в их деятельности как в процессуальном, так и в формальном смысле.

В-четвертых, согласно статьям 1 и 3 федерального закона процедура медиации применяется к спорам, которые возникли из гражданских, экономических, семейных, трудовых правоотношений, и в случаях, прямо предусмотренных законом, при условии добровольного волеизъявления сторон. На наш взгляд, данные положения исключают жилищные и земельные правоотношения, а также должны быть дополнены случаями, при которых стороны обязаны будут обратиться к помощи медиатора перед тем, как обратиться в суд. К таким случаям можно отнести: дела о расторжении брака; дела, вытекающие из семейных правоотношений, за исключением лишения или ограничения родительских прав, а также иных споров о детях; дела по имущественным спорам при разделе имущества; дела об определении порядка пользования имуществом. Всё это позволит разгрузить судей и будет способствовать целям процедуры медиации, а именно гармонизации социальных

отношений и содействию развития партнерских деловых отношений.

В-пятых, что касается самих медиаторов: федеральный закон закрепляет общие требования к лицам, осуществляющим данную деятельность (достижение восемнадцатилетнего возраста, наличие полной дееспособности, отсутствие судимости) и выделяет среди них профессиональных (занимающихся данным видом деятельности на профессиональной основе) и непрофессиональных медиаторов. По нашему мнению, такое выделение справедливо, однако в положениях статьей 15 и 16 анализируемого нормативно-правового акта вообще ничего не говорится об образовании непрофессиональных медиаторов, в то время как в отношении другой категории посредников законодатель предусмотрел обязательность наличия высшего образования, но какого именно не указал. Такие положения нуждаются в дополнении, поскольку по смыслу федерального закона разрешением споров, к примеру, на непрофессиональной основе может заниматься гражданин, не имеющий образования. На наш взгляд, в связи с этим необходимо дополнить положения статей 15 и 16 федерального закона и указать обязательное наличие у всех медиаторов именно высшего юридического образования. Данные дополнения, во-первых, поднимут авторитет медиатора в глазах граждан, так как помощь им будет оказывать квалифицированный специалист, а, во-вторых, лицо, выступающее посредником, будет оценивать и рассматривать ситуацию не только с бытовой, но и с юридической точки зрения. Необходимо также предусмотреть в законе подведомственность дел медиаторам, осуществляющим свою деятельность на профессиональной и непрофессиональной основе. К примеру, по несложным категориям гражданских дел (дела о расторжении брака и другие) стороны смогут обратиться к медиатору, осуществляющему свою деятельность на непрофессиональной основе. Такие изменения в законодательстве позволят

качественно и эффективно урегулировать спор, а также будут стимулировать медиаторов к занятию медиацией именно на профессиональной основе, поскольку профессиональный медиатор обязан получить еще и дополнительное профессиональное образование по вопросам процедуры медиации.

В-шестых, одним из принципов процедуры медиации является конфиденциальность. Согласно положениям статей 5 и 6 федерального закона вся информация, полученная медиатором от сторон, не подлежит разглашению, за исключением случаев, предусмотренных в законе, при этом в п. 1 ч. 3 ст. 69 ГПК РФ сказано, что медиаторы не подлежат допросу в качестве свидетелей. Ответственность за нарушение данного принципа медиатором законодательно не предусмотрена, но стороны могут обратиться с исковым заявлением в суд о возмещении вреда, причиненного разглашением конфиденциальной информации. На наш взгляд, отсутствие последствий, в случаях нарушения данного принципа, необходимо восполнить путем введения в КоАП РФ нового состава, предусматривающего штраф, а в случаях неоднократного нарушения медиатором данного принципа — запрета на участие в процедуре медиации в качестве посредника. Такие изменения в законодательстве позволят обезопасить граждан в случаях нарушения медиаторами принципа конфиденциальности.

Итак, процедура медиации, как и законодательство о ней несовершенно, о чем свидетельствует наличие различного рода проблем, в том числе и пробелов в законодательстве. В связи с этим в настоящее время в России разрешение спора в суде — основной способ защиты нарушенных и оспариваемых прав и законных интересов. Несмотря на большое количество научных работ по исследованию альтернативных форм разрешения споров, законодатель, к сожалению, до сих пор не принимает действий по разрешению и устранению проблем, связанных с данным институтом.

Литература:

1. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): федеральный закон РФ от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ (ред. От 23.07.2013) // Российская газета. 2010. 30 июля.
2. Съезд судей // Совет судей Российской Федерации. URL: <http://www.ssrf.ru/page/9085/detail/> (дата обращения: 16.11.2016).
3. Ооржак Э. Ю. Медиация как альтернативный способ урегулирования спора в гражданском процессе // Материалы XIX Международной научно-практической конференции «Деятельность правоохранительных органов в современных условиях». — Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2014. — С. 312–315.
4. Справка о практике применения Федерального закона от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за 201» (утв. Президиумом Верховного суда РФ 1 апреля 2016 года).
5. Ресурсный центр медиации: Стоимость процедуры медиации в АНО «Уральский центр медиации» // Ресурсный центр медиации. URL: http://mediators.ru/rus/regional_mediation/ural/docs2/text2 (дата обращения: 16.11.2016).
6. Исаенкова О. В. Цивилистический процесс в России — основные тенденции // Вестник ТГУ. — 2016. — № 1. — С. 5–10.

Социализация корпоративного законодательства США: опыт, проблемы, перспективы

Кицай Юлиана Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

Перспективы социализации корпоративного права в России — актуальный вопрос, активно обсуждаемый в настоящее время в научной литературе. В подобных дискуссиях затрагивается и тема оптимальной организационно-правовой формы для осуществления данного вида деятельности, органично сочетающей в себе социальный и коммерческий эффект [4, с. 67–69]. В этой связи значимым представляется исследование опыта социализации корпоративного законодательства Соединенных Штатов Америки, где социальное предпринимательство достигло высокого уровня развития.

В США легализация специальных организационно-правовых форм юридических лиц, учреждаемых для осуществления социального предпринимательства (социальных корпоративных организаций), началась с 2008 года, т. е. несколько позже, чем в Европе. Различия в правовой регламентации социализации корпоративных организаций как инструмента решения социальных проблем в США и Европе прослеживаются в подходах к определению значения государства как законодателя [6, с. 111–121]. В США на сегодняшний день, несмотря на то, что социально-предпринимательский сектор признается одним из важнейших элементов экономики, доля которого составляет 6,2% ВВП [8], а социальных предприятий насчитывается более 140 тысяч [10], отсутствует единый нормативно-правовой акт, регламентирующий социально-предпринимательскую деятельность подобно многим странам Евросоюза. Поэтому во многих американских штатах существуют своеобразные региональные законы о социальных корпоративных организациях, отличающиеся разнообразием.

Первый закон о социальных корпорациях (Benefit corporation) был принят в апреле 2010 г. в штате Мэриленд. На январь 2014 года статус социальной корпорации мог быть получен в следующих тринадцати штатах: Вашингтон, Вермонт, Вирджиния, Гавайи, Иллинойс, Калифорния, Луизиана, Массачусетс, Мэриленд, Нью-Джерси, Нью-Йорк, Пенсильвания, Южная Каролина [10, с. 20]. Сегодня среди различных организационно-правовых форм социального предпринимательства, существующих в отдельных штатах, таких, как корпорация с гибкими целями (the flexible purpose corporation — FPC); корпорация общественного блага (public benefit corporation — PBC); социально ориентированная корпорация (social purpose corporation — SPC) [13, с. 18], а также специальных государственных агентств (учрежденных для осуществления масштабного социального проекта отдельным законом штата) [10], наиболее универсальными (признаваемыми в большинстве штатов) являются низкодоходные корпорации с ограниченной ответственностью (англ. Low-Profit Limited Liability

Company — L3C) и социальные корпорации (англ. Benefit corporation). Однако независимо от выбора организационно-правовой формы осуществления предпринимательской деятельности организации необходимо пройти единую федеральную сертификацию на соответствие требованиям к ведению социально полезной деятельности, дающей право пользоваться статусом «B corporation» (корпорация для общественной пользы), ценность которого заключается в возможности (в зависимости от рейтинга социального предприятия) получить доступ к значительным инвестициям. Таким образом, в США основной тенденцией последних лет социализации коммерческих корпоративных организаций является формирование на федеральном уровне универсальных организационно-правовых форм социальных предприятий и их сертификационной системы [11].

Деятельность социальной корпорации должна быть ориентирована на интеграцию социального и коммерческого эффекта. При этом социальный аспект деятельности первичен, что сдерживает стремление социальной корпорации к максимальной прибыли. Обязанности директоров в связи с этим двойственны. С одной стороны, они должны отчитываться перед акционерами, с другой стороны, перед третьими лицами — получателями социальной пользы. В связи со специальным статусом социальной корпорации ее директора освобождаются от повышенной ответственности перед акционерами, как это принято в традиционных корпорациях, за недополучение соответствующего уровня прибыли организации. В публичной ежегодной отчетности Benefit corporation обязана на официальном веб-сайте разместить информацию о реализованных проектах, оценить социально полезный эффект и степень воздействия на состояние окружающей среды. Будучи коммерческой организацией, действующей как разновидность организационно-правовой формы Corporation, социальная корпорация, несмотря на свою социальную значимость, не имеет налоговых льгот [10, с. 20]. Социальная корпорация, так же, как и L3C, является гибридной организацией, сочетающей в себе нацеленность на решение социальной проблемы и получение прибыли. Различие L3C и Benefit corporation состоит в том, что первая действует на базе общества с ограниченной ответственностью, а другая — корпорации.

Непроизвольно напрашивается прямая ассоциация с германским некоммерческим обществом с ограниченной ответственностью (gGmbH), также действующим на базе традиционного германского ООО (GmbH). По германскому законодательству gGmbH относятся к некоммерческим организациям, но при этом данным обществам запрещается распределять прибыль среди участников [3, с. 74–79]. Возникает вопрос: какие разновидности

обществ с ограниченной ответственностью — L3C или gGmbH — будут более эффективными? На наш взгляд, оптимальной организационно-правовой формой социальной корпорации видится британская корпорация CIC (компания общественных интересов), которая имеет возможность распределения до 33 % прибыли, при условии, что данным организациям будут предоставлены налоговые льготы.

Представляется, что канадский законодатель пошел именно по этому пути. В июле 2013 года в Канаде вступили в силу поправки к Закону о коммерческих корпорациях, принятые в мае 2012 года, которые легализовали специальную организационно-правовую форму социального предпринимательства Community Contribution Company — СЗ (компания, действующая в интересах общества). Так же, как британские компании CIC, канадские компании СЗ ограничивают выплату дивидендов инвесторам и применяют блокировку активов для сохранения капитала социальной организации. Если бы в Канаде полностью заимствовали британский опыт, то коммерческая организация СЗ не должна была бы, по общему правилу, иметь право на льготное налогообложение. Однако в настоящее время в Канаде рассматривается вопрос о предоставлении СЗ налоговых преференций, что, несомненно, будет сильнее способствовать развитию социального предпринимательства в стране [7].

В США универсальной, принятой на федеральном уровне сертификации и рейтинговой системы не существует, поэтому любое социальное предприятие независимо от его организационно-правовой формы, вправе обратиться к рейтинговому агентству для получения сертификации. Корпорация, получившая наиболее благоприятный рейтинг в результате прохождения сертификации, предоставляет информацию о своей социально полезной деятельности потенциальным инвесторам, которые вправе выбрать в зависимости от уровня рейтинга организацию, подходящую для их социальных проектов.

Наибольшее признание у частных инвесторов в США среди сертификационных и рейтинговых агентств получила в настоящее время некоммерческая организация «B Lab», которая по результатам оценки социальной и экологической эффективности в ходе сертификации присваивает социальному предприятию статус «B corporation», рейтинг которого не подвергается сомнению [10, с. 20]. Оценка рейтингов «B Lab» разделена на четыре категории: ответственность; сотрудники; потребители; сообщество и окружающая среда, каждый из которых, в свою очередь, имеет более мелкие разделы. Например, раздел «Ответственность» делится на «Управление», «Прозрачность» и «Справедливая торговля» (правила поведения поставщика).

Термин «справедливая торговля» (англ. Fairtrade) еще более неизвестен российскому потребителю, чем социальное предпринимательство. Однако это явление за рубежом является уже достаточно популярным. Под ним понимается общественное движение, обеспечивающее

правовые гарантии производителям товара, оптимальную стоимость продуктов труда и защиту окружающей среды [12].

Fairtrade обеспечивает справедливые стандарты международного экологического, социального и трудового регулирования на товары сельскохозяйственного производства и продукты ремесленной деятельности. Эта категория представлена товарами, изготовление которых в большей степени требует применения ручного труда (например, кофе, чай, фрукты, хлопок, рис и т. п.). Справедливая торговля призвана обеспечить оптимальную стоимость продуктов, соразмерную затратам на их производство. Данное общественное движение страхует интересы мелких производителей прежде всего развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки от колебаний рынка и резкого понижения цен. Для этих производителей принцип «справедливой торговли» порой является единственной возможностью получить достойную плату за свой затраченный труд, что позволяет им решать многие социальные проблемы, связанные с безработицей, бедностью, медицинской помощью и социальной защитой. Потребитель, покупая продукцию по стандартам справедливой торговли, уверен в том, что товар экологически чист, свободен от посреднических услуг и не имеет излишней наценки. «Справедливая торговля» сегодня популярна в таких развитых странах, как США, Германия, Швейцария, Великобритания, Нидерланды и т. д. [12]

В разделе «Сотрудники» оценка производится в зависимости от степени участия работников в уставном капитале корпорации. Потребительская категория оценивается степенью удовлетворения потребностей сообщества в товарах и услугах по цене, качеству, полезности и экологичности. В разделе «Окружающая среда» учитывается экологический эффект от деятельности корпорации — оказание положительного материального воздействия на общество и окружающую среду. Сертификацию «B Lab» для подтверждения высокого рейтинга следует проходить каждые два года. Информацию «B Lab» черпает не только из ежегодных отчетов корпорации, но и из публичных источников. Ежегодный сбор для B Corporation устанавливается для каждой компании отдельно и зависит от дохода социального предприятия [1, с. 8–9].

Унификации организационно-правовых форм социального предпринимательства и единообразной их сертификации в настоящее время способствуют разнообразные объединения социальных предприятий, среди которых наиболее известным и крупным в США является Альянс социальных предприятий (Social Enterprise Alliance — SEA). SEA появился в 2002 году в результате слияния двух объединений: Национального собрания социальных предпринимателей (The National Gathering for Social Entrepreneurs) и общественной организации SeaChange, существовавших при поддержке таких известных благотворительных фондов, как Kellogg, Kauffman, Echoing Green, Northland Institute [8]. Целью Альянса является создание общественного

движения социальных предприятий, направленного на «мобилизацию сообществ некоммерческих организаций и доноров для содействия развитию стратегии извлечения прибыли» [8], то есть лоббирование интересов социальных предприятий и инфраструктуры их поддержки на федеральном уровне.

В США в определении социального предприятия внимание акцентируется на получении прибыли в сочетании с социальной деятельностью или прибыльной предпринимательской деятельностью некоммерческой организации. В европейской традиции (за исключением Великобритании) термин «социальное предприятие» означает в первую очередь кооператив, нацеленный на создание рабочих мест и оказание различных социальных услуг. Различие американского подхода к социализации корпоративных

организаций от европейского обуславливается различными историческими и социальными условиями развития социального предпринимательства [8].

Независимо от того, какие причины привели к возрастанию роли социального предпринимательства в Америке и Европе, наблюдается общая закономерность, проявляющаяся в том, что данный вид бизнеса, постепенно заполнивший нишу между государством, сектором частного предпринимательства и некоммерческим сектором, выступил катализатором продуктивного межсекторного взаимодействия в решении или сглаживании различных социальных проблем общества. Данный подход в условиях реализации конституционного принципа социального государства [5] также может быть реализован при совершенствовании российского корпоративного законодательства.

Литература:

1. Cooney K. Mission control: Examining the institutionalization of new legal forms of social enterprise in different strategic action fields. In B. Gidron and Y. Hasenfeld (Eds.) *Social Enterprise: An Organizational Perspective* / Hampshire, England: Palgrave Macmillan. 2012.
2. Michael Belinsky. The Rise and Struggles of Social Enterprise in 2013 // *Stanford Social Innovation Review*. URL: http://www.ssireview.org/blog/entry/the_rise_and_struggles_of_social_enterprise_in_2013 (дата обращения 01.06.2016)
3. Барков А. В. Европейские тенденции социализации экономики и права в развитии германского и российского законодательства о юридических лицах // *Юстиция*. 2015. № 2. С. 74–79.
4. Барков А. В. О социальной значимости и актуальности легализации дефиниции «Социальное предпринимательство» в российском законодательстве (Мнение эксперта) // *Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда (ЭПОС)*. 2015. № 1. С. 67–69.
5. Барков А. В. Реализация конституционного принципа построения социального государства при совершенствовании российского гражданского законодательства // *Пробелы в российском законодательстве*. 2013. № 5. С. 80–84
6. Гришина Я. С. Сравнительно-правовое исследование социального предпринимательства в странах Америки и Европы // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2012. Вып 2. С. 111–121.
7. Канадский закон // Портал «Новый бизнес. Социальное предпринимательство». URL: <http://www.nb-forum.ru/news/zakon-canada.html> (дата обращения 01.06.2016)
8. Керлин Дж. А. Социальные предприятия в США и Европе: понять различия и извлечь из них уроки // Портал «Новый бизнес. Социальное предпринимательство». URL: <http://qps.ru/f2k8Y> (дата обращения: 01.06.2016).
9. Ларсон Рольф. Обзор состояния социальных предприятий в США (пер. Е. Бесшапошниковой) // Портал «Новый бизнес. Социальное предпринимательство». URL: <http://www.nb-forum.ru/interesting/experts/obzor-usa.html> (дата обращения 01.06.2016)
10. Опыт развития социального предпринимательства в США // URL: <http://www.slideshare.net/Vovainer/ss-36115255> (дата обращения 01.06.2016).
11. Правовое обеспечение деятельности социальных предпринимателей. Обзор № 5 // Банк социальных идей. URL: <http://www.social-idea.ru/monthlyNews/Pravovoe-obespechenie-deyatelnosti-social-nyhkh-predprinimatelej-Obzor-5> (дата обращения 01.06.2016)
12. Синицына Е. Справедливая торговля — социальный бизнес на борьбе с бедностью // Портал Cloudwatcher. URL: <http://cloudwatcher.ru/analytics/1/view/70/> (дата обращения 01.06.2016).
13. Терентьев Н. Е. «Зеленая» микроэкономика: оценка и прогноз институциональных трансформаций бизнеса. М., 2014. 18 с.

Особенности научной классификации элементов социальной сферы как объекта правового обеспечения конкуренции в целях совершенствования

Кицай Юлиана Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

В последние годы в Российской Федерации пристальное внимание уделяется правовому обеспечению конкуренции в социальной сфере [1], что связано с решением важнейшей проблемы обеспечения достойного уровня жизни и социальной защищенности российских граждан. Наиболее проблемным сегментом социальной сферы признается социальное обслуживание, так как последствия кризиса в первую очередь негативно отражаются на качестве жизни и уровне социальной защищенности граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации и нуждающихся в оказании социальных услуг. Однако, на рынке социальных услуг, при высоком их спросе практически полностью отсутствует конкуренция [2, с. 60] вследствие того, что подавляющее большинство организаций социального обслуживания находятся в ведении органов государственной власти субъектов Российской Федерации (98,8%), и только незначительное количество (1,2%) представлено негосударственными организациями [3]. В других сегментах социальной сферы так же доминирует государственное присутствие.

В региональных перечнях социально значимых рынков легально определены элементы социальной сферы региона, включающей в себя одиннадцать рынков социально значимых услуг. При этом границы социальной сферы, как объекта правового обеспечения конкуренции, с учетом региональной специфики могут быть расширены за счет выделения приоритетных региональных рынков, но границы рынков социально значимых услуг обуславливают на данном этапе социально-экономического развития региона неизменность ядра социальной сферы.

С научной точки зрения можно критиковать обоснованность включения в обязательный перечень социально значимых региональных рынков тех или иных рынков социально значимых услуг, как элементов социальной сферы региона. Так, например, Е. В. Фахрутдинова полагает, что «содержательным критерием выделения социальной сферы, задающим ее границы, состав и структуру, является ее функциональное назначение в системе национального общественного воспроизводства» [4, с. 17]. В соответствии с данным подходом социальная сфера, как подсистема национального общественного воспроизводства, выполняет особую экономическую функцию — «обеспечивает накопление и расширенное воспроизводство индивидуального человеческого капитала и совокупного человеческого потенциала как специфической формы его материального богатства» [4, с. 17–18]. Учитывая данный функциональный критерий в состав социальной сферы, следовало бы включить: а) образовательные услуги (дошкольного и дополнительного образования детей); б) здравоохранение

(медицинские и социальные услуги, услуги детского отдыха и оздоровления, услуги психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья); в) услуги в сфере культуры. Образование, здравоохранение, культура и наука, которой, к сожалению, не нашлось места в региональном перечне социально значимых рынков, непосредственно обеспечивают приращение человеческого потенциала общества.

В отличие от вышеперечисленных рынков социально значимых услуг, функции оставшихся в региональном перечне рынков (розничной торговли, услуг ЖКХ, услуг перевозок пассажиров наземным транспортом, услуг связи) ограничены лишь удовлетворением текущих индивидуальных имущественных потребностей граждан. Их второстепенная роль заключается в том, что эти рынки способствуют формированию общих условий воспроизводства человеческого капитала.

Данные соображения справедливы и могут быть учтены при разработке оснований для научной классификации элементов социальной сферы как объекта правового обеспечения конкуренции в целях его совершенствования. Однако, с практической точки зрения значение «Стандарта развития конкуренции в субъектах РФ» для обеспечения конкуренции в социальной сфере, несомненно, велико. «Стандартом» выделены наиболее проблемные региональные социально значимые рынки, на которых предпринимательская деятельность негосударственных организаций, как альтернативных поставщиков социально значимых услуг, может быть объектом государственной и региональной поддержки. При разработке конкретных мероприятий по поддержке негосударственных организаций, представляется, что нужно отдавать предпочтение тем из них, которые непосредственно участвуют в решении социальных проблем населения, обеспечивающей ему достойный уровень и качество жизни.

Следует обратить внимание на то, что уровень конкуренции в социальной сфере неоднороден. Более развита конкуренция в крупных городах, в тех отраслях, где существует устойчивый платежеспособный спрос населения на социально значимые услуги (медицина, образование, культура, ЖКХ, транспорт, связь), а негосударственные поставщики этих услуг не зависят от бюджетных ассигнований. Граждане, находящиеся в трудной жизненной ситуации и нуждающиеся в оказании социальных услуг, как правило, низко платежеспособные или неплатежеспособные. На рынке социальных услуг конкуренция низкая или совсем отсутствует. Данный сегмент рынка социально значимых услуг отражает те аспекты рыночных правоотношений, которые помогают потребителям выйти

из трудной жизненной ситуации с наименьшими потерями [5, с. 421–422], и в связи с этим нуждается в особом внимании.

Поддержке развития конкуренции в социальной сфере и прежде всего на рынке социальных услуг уделяется на самом высоком уровне. С 1 января 2015 года, в соответствии с новым федеральным законом «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», стало возможно привлекать негосударственный сектор к выполнению госзаказа в сфере социального обслуживания. К сожалению, Законом декларируется только потенциальная возможность включения в реестр «поставщиков социальных услуг» наряду с государственными организациями негосударственных (коммерческих и некоммерческих) организаций социального обслуживания, в том числе социально ориентированных некоммерческих организаций, предоставляющих социальные услуги, но механизм реального обеспечения их конкурентоспособности, пока не работает.

В целях разгосударствления социальной сферы в декабре 2015 года Президент РФ В. В. Путин в послании к Федеральному собранию предложил установить для некоммерческих организаций, зарекомендовавших себя в качестве безупречных партнеров государства, статус исполнителей общественно полезных услуг, которым будут направляться до 10 процентов средств региональных и муниципальных социальных программ для участия в оказании социальных услуг, финансируемых за счет средств бюджетов. В соответствии с этим предложением в марте 2016 года в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен проект федерального закона № 1022648–6 «О внесении изменений в Федеральный закон «О некоммерческих организациях» в части установления статуса некоммерческой организации — исполнителя общественно полезных услуг».

Законопроектом предложено дополнить ст. 2 закона о некоммерческих организациях понятием некоммерческая организация — исполнитель общественно полезных услуг, под которой понимается социально ориентированная некоммерческая организация, которая на протяжении одного и более года оказывает общественно полезные услуги надлежащего качества, не являющаяся некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента, и не имеющая задолженностей по налогам и сборам, иным, предусмотренным законодательством Российской Федерации, обязательным платежам.

В случае соответствия социально ориентированной некоммерческой организации всем перечисленным требованиям, она может быть признана исполнителем общественно полезных услуг и включена в реестр некоммерческих организаций — исполнителей общественно полезных услуг. Новый статус позволит некоммерческой организации претендовать на приоритетное получение мер поддержки, порядок предоставления которых может быть предусмотрен не только федеральным

законодательством, но и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации и муниципальными правовыми актами.

В целом, представляется, что установление четких критериев и правил финансовой поддержки некоммерческих организаций, успешно функционирующих в области предоставления социальных услуг населению, является своевременным и верным решением. Экспертами социальный заказ рассматривается как один из наиболее эффективных способов решения государством проблем обеспечения конкуренции в социальной сфере. Совершенно верно отмечается, что «иных — более эффективных — способов регулирования и контроля бюджетных средств», чем создание конкурентной контрактной системы не существует [6, с. 131].

Вместе с тем, законопроект не проясняет — какие именно услуги будут признаны общественно полезными? Отмечается, что порядок признания некоммерческой организации исполнителем общественно полезных услуг, равно как и перечень общественно полезных услуг, должен быть определен Правительством РФ. При этом в законопроекте уточняется, что данный перечень своей основой имеет приоритетные направления, определяемые Президентом РФ. Президент РФ принимает указ, в котором устанавливаются приоритеты (сферы) в которых оказываются услуги, а также закрепляет поручения Правительству РФ разработать перечень конкретных услуг и критерий оценки надлежащего качества их оказания.

Очевидно, что разработчики законопроекта вкладывали в это понятие услуги расширяющие представление о легально определенных на сегодня границах социальной сферы. В ходе Парламентских слушаний по данной проблеме говорилось о необходимости включения в понятие «общественно полезная услуга» дополнительных услуг в социальной сфере (предоставление социальной помощи и социального сопровождения детей, инвалидов, пожилых, лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации; реабилитация и социальная адаптация инвалидов; профилактика социального сиротства, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних). В связи с этим, не понятно будут ли социальные услуги в контексте ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в РФ», относиться к общественно полезным услугам? Тогда социальные услуги будут одновременно и «общественно полезными» и «социально значимыми» услугами.

Вместе с тем предлагалось в перечень включить услуги в сфере образования, охраны здоровья, развития физической культуры и массового спорта, оценки качества оказания услуг организациями социальной сферы [7]. Возникает вопрос — каким образом они будут соотноситься с социально значимыми услугами? Все эти вопросы требуют тщательной проработки.

Следующее, на что следует обратить особое внимание, это — расширение субъектного состава исполнителей общественно полезных услуг. В целях обеспечения

конкуренции в социальной сфере необходимо не только вовлекать некоммерческий сектор, но и расширять пределы осуществления предпринимательской деятельности по оказанию социальных (социально значимых, общественно полезных) услуг за счет привлечения коммерческих организаций. На 1 января 2016 года Министерством юстиции РФ зарегистрировано 223 551 некоммерческая организация [8], среди которых по формальным признакам только не более 100 000 могут быть отнесены к социально ориентированным. Бизнес в социальной сфере представлен гораздо шире, чем некоммерческий сектор. По состоянию на 1 июня 2016 года насчитывается 5,6 млн хозяйствующих субъектов, трудоустроивающих 18 млн российских граждан. Создание условий для массового привлечения коммерческих организаций в социальную сферу, правовое обеспечение их конкурентной способности на социально значимых рынках, в наибольшей степени будет способствовать повышению уровня социальной защищенности и качества жизни российских граждан.

В связи с необходимостью поиска оптимальных средств поддержки развития конкуренции в социальной сфере, может быть полезен передовой зарубежный опыт. С 31 января 2013 г. в Великобритании в рамках стратегии «Европа-2020» принят закон «О социальных ценностях» [9] (Social Value Act — SVA), являющийся адекватным ответом на социально-экономический кризис. Достоинство закона в том, что вместо сокращения государственного финансирования социальных программ применяется новаторский подход к предоставлению социальных услуг, оценки среднесрочных результатов через призму социальных и экологических последствий. Под социальной ценностью в законе понимаются блага, которые могут быть созданы в дополнение к выгодам непосредственно от самих закупаемых услуг, в первую очередь для соответствующей территории. При этом в рамках исполнения закона должны учитываться только существенные факторы, соответствующие конкретным обстоятельствам.

Применение закона должно осуществляться на предтендерной стадии закупок услуг. Государственные уполномоченные обязаны провести консультации для определения того, что именно является существенным фактором, и при этом как можно точнее формулировать желаемые результаты и виды услуг, выставляемых на тендер. Следует оценить, каким образом закупаемые услуги способны улучшить экономическое, социальное и экологическое состояние соответствующей территории и как процедура закупки услуг гарантирует это улучшение. Необходимо

еще до процесса закупок выявить не только менее затратные предложения, но и наиболее эффективные. Примечательно, что закон не применяется к закупкам товаров и работ, а используется при заключении социальных контрактов на государственные закупки услуг, по качеству соответствующих требованиям Евросоюза и по цене не ниже определенных объемов финансирования.

По оценке сэра Стюарта Этерингтона, исполнительного директора Национального совета по делам общественных организаций: «Этот небольшой закон способен радикально изменить нашу систему государственных услуг. Он дает уполномоченным органам зеленый свет и возможность учитывать при принятии решений о государственных контрактах не только стоимостные, но и социальные факторы» [10].

Вместе с тем с целью повышения конкурентоспособности на рынке социальных услуг как некоммерческих, так и коммерческих организаций в Великобритании легализована особая организационно-правовая форма юридического лица CIC (компания общественных интересов). Достоинством данной организационно-правовой формы является гибкий демократический стиль управления при жестком государственном контроле за использованием прибыли данных организаций, в частности, вне зависимости от того, какие услуги оказывает компания (социальные, социально значимые, социально ориентированные, приоритетные, общественно полезные) 2/3 прибыли должны реинвестироваться в решение социальных проблем, и лишь 1/3 прибыли подлежит распределению между участниками.

Закон «О социальных ценностях», принятый в Великобритании в рамках содействия инициативе Евросоюза «Социальный бизнес» рассматривается в качестве одного из возможных ответов государства на финансовые затруднения. Вместо сокращения финансирования демонстрируется открытость государственных структур для новых подходов к предоставлению социальных услуг и нового видения желаемых результатов: получения за те же средства дополнительных социальных благ; более упрощенное встраивание социальных предприятий (компаний общественных интересов) в систему госзакупок, что делает британский опыт достаточно перспективным.

Таким образом, учет данного опыта правового обеспечения конкурентных преимуществ с целью повышения конкурентоспособности на рынке социально значимых услуг как социально ориентированных некоммерческих, так и коммерческих организаций, может быть востребован и в России.

Литература:

1. Владимир Путин принял участие в форуме ФАС «Неделя конкуренции в России» // Портал «Путин сегодня». URL: <http://www.putin-today.ru> (дата обращения: 17.07.2016).
2. Барков А. В. Рынок социальных услуг: проблемы правового регулирования. Автореф. дисс. ... доктора юрид. наук. М., 2008.

3. План мероприятий («дорожная карта») «Повышение эффективности и качества услуг в сфере социального обслуживания населения (2013–2018 годы), утвержден приказом Министерства труда социальной защиты Р. Ф. от 30.04. 2014 г. № 282 // СПС Консультант Плюс. Версия: Проф.
4. Фахрутдинова Е. В. Социальная сфера и национальная экономика: теоретические предпосылки формирования приоритетных национальных проектов в социальной сфере // Российское предпринимательство. № 6. 2009.
5. Воловая Е. В., Асмус О. В. Развитие конкуренции на рынке социальных услуг // Вестник Чувашского университета. № 2. 2012.
6. Серова О. А., Архалович О. В. Переход к федеральной контрактной системе в России: централизация закупок и повышение их эффективности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып.3.
7. Парламентские слушания на тему «Роль социально ориентированных некоммерческих организаций в предоставлении социальных услуг населению». Москва. Совет Федерации Федерального собрания РФ. 21 апреля 2016 г. // Министерство экономического развития РФ. Портал единой автоматизированной информационной системы поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций. URL: <http://nko.economy.gov.ru/PortalNews/Read/2563> (дата обращения: 16.08.2016).
8. Выступление Министра юстиции РФ А. В. Коновалова на «Правительственном часе» в рамках 388-го заседания Совета Федерации 2 марта 2016 г. // Официальный сайт Совета Федерации РФ. URL: <http://www.council.gov.ru/events/news/65133/> (дата обращения 16.05.2016).
9. Public Services (Social Value) Act 2012 // URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2012/3/enacted> (дата обращения 16.07.2016).
10. Законодательство в Великобритании // Портал Новый бизнес. Социальное предпринимательство. URL: http://www.nb-forum.ru/social/low_world/ (дата обращения 17.07.2016).

Конкуренция в социальной сфере как объект правового регулирования

Кицай Юлиана Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

В настоящее время становится очевидным, что социально-экономические реформы, несмотря на предпринимаемые усилия, не способны обеспечить достойный уровень жизни и социальной защищенности российских граждан. Затянувшийся переходный период от советской административно-командной экономической системы к либеральной рыночной модели экономики наглядно свидетельствует об ограниченных возможностях рынка и правового инструментария, призванного обеспечить социально-экономическое развитие страны, в решении многочисленных социальных проблем российского общества, еще более обострившихся в последнее время. Особенно остро проблемы ощутимы в социальной сфере, традиционно являющейся той сферой деятельности, которая отвечает за реализацию региональной социальной политики [1].

В стратегии долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации [2] степень, качество и устойчивость повышения благосостояния граждан связывается с перспективами развития регионов, которые рассматриваются в качестве элементов системы единого национального хозяйственного комплекса, будучи субъектами РФ. Успехи социально-экономического развития регионов и их конкурентоспособность на внутреннем рынке напрямую связываются с национальной конкурентоспособностью на мировом уровне. При этом достижение конкурентных преимуществ предполагалось

реализовать за счет «прорыва в повышении эффективности человеческого капитала и создания комфортных социальных условий» [1].

По оценке Заместителя Председателя Правительства РФ О. Ю. Голодец, количество бедных россиян составляет 22 млн человек, что является порогом критичности [3] и свидетельствует о глубоком кризисе российской социально-экономической и региональной политики. В ряде регионов высокий промышленный потенциал соседствует с низкими показателями качества жизни и неразвитостью социальной сферы [4, с. 242], где конкуренция развита крайне слабо, ввиду полного отсутствия, альтернативных государственным, поставщиков социальных услуг [1, с. 421].

Очевидно, что рыночные отношения в любой сфере общественной жизни могут нормально развиваться только на конкурентной основе. Легальное определение конкуренции содержится в п.7 ст. 4 федерального закона от 27.07.2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции». Конкуренция — это соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке. Однако данное определение вряд ли может быть признано универсальным в отношении конкуренции

в социальной сфере в связи с государственным доминированием и нуждается в уточнении.

При разработке средств правового обеспечения конкуренции в социальной сфере следует принимать во внимание, что российских нормативно-правовых актах отсутствует легальное определение понятия «социальная сфера», что приводит к многозначной трактовке ее экономико-правового содержания и состава, «терминологической омонимии» [5, с. 17] и создает главное препятствие в выявлении отраслевых особенностей конкуренции. Представляется, что эффективность социально-правовой политики, без выяснения правовой природы социальной сферы, как объекта правового обеспечения конкуренции, будет крайне низкая.

В научной литературе выделяется два подхода к определению понятия «социальной сферы». Первый подход известный под названием «отраслевой» был предложен еще Адамом Смитом. Суть подхода, являющегося наиболее популярным, заключается в том, что социальная сфера представляет собой систему отраслей, представляющих в совокупности одну из основных сфер производства — производственную сферу [6, с. 747]. При этом под производственной сферой понимается комплекс отраслей не производящих непосредственно осязаемых ценностей, в большинстве случаев связанных с удовлетворением нематериальных потребностей человека [6, с. 801]. В соответствии с международной хозяйственной классификацией, очевидно сформированного на основе «отраслевого» подхода, общероссийский классификатор видов экономической деятельности [7] все отрасли народного хозяйства подразделяет на материальное производство и производственную сферу услуг. В связи с этим в экономической литературе производственную социальную сферу чаще всего отождествляют со сферой услуг [8, с. 318].

В рамках этого подхода трактовки определения социальной сферы встречаются от научных до практических. Так Ю. Ю. Отварухина полагает, что под социальной сферой следует понимать «взаимосвязанную совокупность функциональных комплексов народного хозяйства, деятельность которых непосредственно направлена на обеспечение высокого качества населения и воплощается в той или иной потребительной стоимости, способной удовлетворять потребности людей (каждого человека в отдельности)» [9, с. 18]. В другой дефиниции отмечается, что социальная сфера включает в себя «отрасли, деятельность организаций которых обеспечивает решение социальных проблем населения» [10, с. 96]. Вместе с тем, общее, что объединяет данные определения — это то, что социальная сфера является областью решения социальных проблем населения, обеспечивающей ему высокий уровень и качество жизни.

Второй подход к определению социальной сферы основан на оценке социальной значимости ее отраслей и их влияния на обеспечение уровня и качества жизни населения [11, с. 160–163]. Различные авторы, ссылаясь на отсутствие критерия социальной значимости, в качестве

элементов социальной сферы, в зависимости от личных предпочтений, включают: образование, здравоохранение, культуру, спорт, общественное питание, пассажирский транспорт, связь, туризм, социальное и коммунальное обслуживание и другие сферы услуг [12, с. 59]. Однако, представляется, что в настоящее время существует более конкретное представление о социальной значимости отраслей социальной сферы как объекта правового обеспечения конкуренции и в правовом исследовании следует придерживаться легального толкования.

С 5 сентября 2015 года в соответствии со «Стандартом развития конкуренции в субъектах РФ» утвержденным распоряжением Правительства РФ № 1738-р, социальная значимость отраслей социальной сферы определяется с учетом сформированного перечня приоритетных и социально значимых региональных рынков. Разработанный во исполнение п. 2 раздела III плана федеральных мероприятий («дорожной карты») «Развитие конкуренции и совершенствование антимонопольной политики», утвержденное распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2012 года № 2579-р, «Стандарт развития конкуренции в субъектах РФ» нацелен на установление системного и единообразного подхода к осуществлению деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ по созданию условий для развития конкуренции между хозяйствующими субъектами в приоритетных и социально значимых отраслях экономики. Введение «Стандарта» предполагает выявление потенциала развития не только региональной, но и национальной экономики Российской Федерации, включая научно-технологический и человеческий потенциал; формирование прозрачной системы работы органов исполнительной власти субъектов РФ в части реализации результативных и эффективных мер по развитию конкуренции в интересах потребителя товаров, работ, услуг субъектов предпринимательской деятельности, российских граждан и общества; создание стимулов и содействие формированию условий для развития, поддержки и защиты субъектов малого и среднего предпринимательства, а так же содействие устранению административных барьеров.

О том, какое серьезное внимание уделяется данным вопросам на самом высоком уровне, свидетельствует принятие Президентом РФ В. В. Путиным Указа № 705 «О внесении изменений в перечень направлений для оценки эффективности деятельности глав субъектов Российской Федерации по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности». С 2015 года все губернаторы оцениваются с учетом нового критерия — содействие развитию конкуренции на основе «Стандарта развития конкуренции в субъектах РФ». Показатели оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ по новому критерию установлены Распоряжением Правительства РФ № 190-р от 10 февраля 2015 года.

Уполномоченный орган исполнительной власти субъекта РФ в соответствии с п. 2 Требования 3 «Стандарта» обязан разработать проект перечня приоритетных и социально

значимых рынков для содействия развитию конкуренции в регионе, утверждаемого высшим должностным лицом субъекта РФ. При формировании перечня социально значимых рынков следует учитывать, что в него в первую очередь включается обязательный перечень рынков, указанных в приложении № 1 к «Стандарту». Обязательный перечень социально значимых региональных рынков должен содержать следующие рынки: услуг дошкольного образования; медицинских услуг; розничной торговли; услуг ЖКХ; услуг перевозок пассажиров наземным транспортом; услуг широкополосного доступа в информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»; услуг дополнительного образования детей; услуг детского отдыха и оздоровления; услуг психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья; услуг в сфере культуры; услуг социального обслуживания населения. Перечень приоритетных рынков формируется регионом

самостоятельно, с учетом региональной специфики. Выбор определялся в первую очередь компетенцией региональных и муниципальных органов власти, в том числе в части реализации мер по развитию конкуренции и решению проблем по ее ограничению на этих рынках.

Таким образом, без четких критериев «социальности», закрепленных в ГК РФ, развитие данного вида предпринимательской деятельности в России на системной основе будет невозможным. При этом меняются взгляды на приоритеты в достижении конкурентных преимуществ, должны меняться и представления о правовых формах и средствах их достижения. Представляется, что решение этих практических и теоретических задач должно ориентировать реформирование гражданского законодательства в направлении его социализации, что в целом должно способствовать обеспечению конкурентоспособности предпринимательских организаций социальной сферы.

Литература:

1. Воловая Е. В., Асмус О. В. Развитие конкуренции на рынке социальных услуг // Вестник Чувашского университета. № 2. 2012. С.421–424.
2. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утверждена распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc (дата обращения 10.08.2016).
3. Интерфакс. URL: <http://www.interfax.ru/russia/453429> (дата обращения: 10.08.2016).
4. Хусаинова С. В., Бахвалов С. Ю. Сущность стратегии социально-экономического развития территории // Экономика и предпринимательство. № 4. ч. 1. (Journal of and entrepreneurship. Vol. 9. Nom. 4–1). 2015.
5. Фахрутдинова Е. В. Социальная сфера и национальная экономика: теоретические предпосылки формирования приоритетных национальных проектов в социальной сфере. // Российское предпринимательство. № 6. 2009.
6. Экономическая энциклопедия / под ред. Л. И. Абалкина. М., 1999.
7. ОК 029–2014 (КДЕС Ред. 2) Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст) (ред. от 17.02.2016) // СПС Консультант Плюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=198694&fld=134&dst=100008,0&md=0.5305765726112066> (дата обращения 10.08.2016).
8. Райсберг Б. А., Лазовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 3-е изд. М.: ИНФРА-М. 2001.
9. Отварухина Ю. Ю. Исследование и разработка концепции и методов управления социальной сферой. Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. СПб., 2000.
10. Лаврентьева И. П., Кузнецов В. В., Григорьев В. В. Социальная политика и управление в социальной сфере: учебное пособие. Ульяновск. УлГТУ, 2009.
11. Жеребин В. М., Романов А. Н. Уровень жизни населения. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2002.
12. Бычкова О. И., Кухарева К. И., Мостобаева П. А. Особенности предпринимательской деятельности в социальной сфере. // Экономические науки. № 2. 2013.

Правовые аспекты страхования профессиональной ответственности аудиторов

Курбанова Хуршеда Хайруллаевна, старший преподаватель
Таджикский государственный университет права, бизнеса и политики (г. Худжанд)

В представленной статье рассмотрен вопрос о страховании ответственности аудиторов или аудиторской организации. Автор, основываясь на положениях действующего законодательства Республики Таджикистан, научных взглядов отечественных и иностранных авторов в рамках данной статьи, обращает внимание на вопрос соотношения общегражданской ответственности и профессиональной ответственности аудиторов. В рамках представленной статьи обосновано, что применение страхования как инструмента привлечения к ответственности выполняет двойственную функцию: во-первых, направлено на ограждение страхователя или других застрахованных лиц от потерь материального характера в случае необходимости возмещения причиненного ими вреда третьим лицам, во-вторых, направлено на обеспечение потерпевшего причитающейся ему компенсацией.

Ключевые слова: аудитор, аудируемый субъект, профессиональная ответственность аудиторов, страхование профессиональной ответственности, страховой случай

На современном этапе развития общественных отношений в сфере оказания аудиторских услуг, среди прочих вопросов, особняком стоит вопрос об ответственности аудиторов в целом, и профессиональной ответственности аудиторов, а также ее страхования в частности.

И. В. Тордия, рассматривая вопрос об ответственности аудиторов или аудиторской организации, высказала мысль о том, что наравне с общегражданской ответственностью аудиторы также несут профессиональную ответственность [6, с. 146]. Профессиональной ответственностью следует признать ответственность, возникающую при осуществлении профессиональных обязанностей аудиторами. Профессиональная ответственность в связи с деятельностью аудиторов возникает при следующих случаях:

- в связи с оказанием услуг некачественного характера;
- в случае организации и проведения аудита с нарушением установленных правил (например, когда нарушается принципа независимости);
- в случае выдачи аудируемому субъекту не обоснованных рекомендаций, и которые привели этого субъекта к убыткам;
- в случае передачи конфиденциальной информации, полученной в ходе аудита, третьим лицам;
- в случае, если проведение аудиторской проверки нанесло клиенту дополнительные убытки (это могут быть расходы на проведение перепроверки или упущенная выгода от испорченной репутации).

В качестве частного случая профессиональной ответственностью аудитора можно признать ответственность, возникающую в случае некавалифицированного проведения проверки.

Общепризнанным инструментом в подобных случаях выступает институт страхования ответственности определенной деятельности. В рассматриваемом моменте аудируемые субъекты от использования института страхования получают определенную степень уверенности в том, что им будет возмещен причиненный им вред, даже в случае

отсутствия средств у аудитора, сами аудиторы — конкурентные преимущества, а общество — социально-экономическую стабильность.

Говоря об упущениях или об ошибках, следует отметить то, что любой субъект, осуществляя профессиональную обязанность, не гарантирован от совершения им ошибок или упущений. Могут быть такие случаи, когда нанесенный заказчику (аудируемому субъекту) материальный ущерб больших масштабов.

О. А. Власов по этому поводу отмечает, что юридическим лицам такое стечение обстоятельств грозит не только потерей деловой репутации и лицензии на проведение определенной коммерческой деятельности, но и обращением взыскания на денежные средства в банках и имущество [5, с. 126–127]. В ходе возникновения крупных рисков хозяйствующие субъекты могут столкнуться с финансовой несостоятельностью организации, что в итоге приводит к концу деятельности субъекта.

По своей правовой природе договор страхования профессиональной ответственности дает возможность возложить ответственность по возмещению материального ущерба заказчику (аудируемому субъекту) на страховую компанию. В свою очередь, страховая компания будет решать вопросы по возмещению вреда, причиненного заказчику (аудируемому субъекту) вследствие ошибки или упущения. В этом случае именно договор страхования выступает формой финансового обеспечения ответственности аудитора.

М. И. Брагинский и В. В. Витрянский, рассматривая дефиницию страхования, определяют ее как «вид необходимой общественно-полезной деятельности, при которой граждане и организации заранее страхуют себя от неблагоприятных последствий в сфере их материальных и личных нематериальных благ путем внесения денежных взносов в особый фонд специализированной организации (страховщика), оказывающей страховые услуги, а эта организация при наступлении указанных последствий выплачивает

за счет средств этого фонда страхователю или иному лицу обусловленную сумму» [4, с. 572].

По мнению В. В. Шахова, в качестве экономической категории страхование следует признать как систему экономических отношений, вобравшую в себя сумму форм и методов формирования целевых фондов денежных средств и их использование для возмещения ущерба, наступающих при различных непредвиденных неблагоприятных явлениях (рисках), а также оказание помощи гражданам при наступлении определенных событий в их жизни» [8, с. 44]. Часто многие специалисты в области страхования выделяют в качестве сущностного признака страхования наличие страхового фонда. Ш. Р. Агеев и др. по этому вопросу отмечают следующее: «Сущность страхования состоит в формировании определенного денежного (страхового) фонда и его распределении во времени и пространстве с целью возмещения возможного ущерба (убытка) его участниками при несчастных случаях, стихийных бедствиях, приводящих к потере материальных и других видов собственности и активов, предусмотренных условиями договора страхования» [1, с. 5].

Однако в доктрине есть и иные отличительные от вышеприведенных мнения. В частности, А. И. Худяков указывает: «с правовой точки зрения страховой фонд вообще не имеет никакого значения, поскольку страховщик отвечает по своим обязательствам, вытекающим из договора страхования, всем своим имуществом, и страхователю как стороне по договору совершенно безразлично, за счет какого имущества страховщик выплатит ему страховое возмещение или страховую сумму» [7, с. 20].

Не соглашаясь с А. И. Худяковым по вопросу страхового фонда, А. В. Золотухин [3, с. 116] утверждает, что сущность страхования состоит именно в формировании денежного фонда и его распределении в виде страховой выплаты, а также иных выплат, предусмотренных договором или законодательством, с целью возмещения возможного убытка его участниками при наступлении указанных страховых случаев. Но, тем не менее, А. В. Золотухин соглашается с определением страхования, данным А. И. Худяковым как «отношения между страхователем и страховщиком по предоставлению за плату в виде страховой премии страхователю (застрахованному лицу) страховой защиты, которая в материальном аспекте выражается страховой выплатой, производимой при наступлении страхового случая, а также иными выплатами, предусмотренными договором или законодательством» [7, с. 24].

Что касается страхования ответственности, то следует отметить, что его объектом выступает интерес в том, чтобы ответственность по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц, не возникла у заинтересованного лица, а также интерес, связанный с возможной ответственностью за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, вытекающих из договора. По мнению А. В. Золотухина, нельзя относить договор страхования ответственности

только к имущественному страхованию, так как вред, причиненный юридическому лицу, всегда будет носить имущественный характер, чего нельзя сказать о физическом лице [3, с. 117]. Здесь может затрагиваться как имущественная, так и личная сфера потерпевшего. Такой же позиции придерживался В. П. Мозолин, который писал, что страхование ответственности имеет ряд существенных отличий от имущественного страхования. Как и в личном страховании, здесь нельзя в момент заключения договора точно определить размеры ответственности. Специфичен и объект страхового интереса — риск наступления ответственности, т. е. обязанности возместить вред или понесенные другим лицом убытки. Договор страхования ответственности всегда заключается в пользу третьего лица — выгодоприобретателя. Причем определить в момент заключения договора конкретного выгодоприобретателя невозможно — им становится тот, кто приобретает право на возмещение вреда, причиненного страхователем или застрахованным лицом [2].

Следовательно, в качестве основы разделения страхования на определенные виды выступает принципиальные различия по объектам страхования. Личное страхование, страхование от имущественных рисков заключается в невозможности точного определения и оценки размера причиненного страховым случаем ущерба, и, следовательно, ограничить этим действительным ущербом страховую сумму. В свою очередь, когда речь идет о страховании ответственности, в таком случае размер причиненного ущерба определить несложно. Исходя из этого, страхование ответственности выступает в качестве разновидности имущественного страхования.

При заключении договора страхования возникает обстоятельство, позволяющее переложить бремя возмещения убытков на плечи страховой организации. Практика показывает, что ни один индивидуальный аудитор не застрахован от совершения ошибок и упущений во время осуществления профессиональных обязанностей.

Таким образом, применение страхования как инструмента привлечения к ответственности выполняет двойственную функцию: во-первых, направлено на ограждение страхователя или других застрахованных лиц от потерь материального характера в случае необходимости возмещения причиненного ими вреда третьим лицам, во-вторых, направлено на обеспечение потерпевшего причитающейся ему компенсацией.

В контексте данного исследования очень важно указать, что следует выделить страхование профессиональной ответственности именно в связи с его основным характером, то есть субъективным характером. Этой характеристикой страхование профессиональной ответственности отличается от имущественного страхования или личного страхования. В данном случае наступление страхового момента не связано с внешними факторами (например, возникновением природных явлений и т. д.), в то же время она зависит от квалификации лица определенной профессии.

Возникающая ответственность связана с родом деятельности лица, занимающегося аудитом. Именно в этом ключе говорят по поводу страхования ответственности аудиторов, вернее, страхования профессиональной ответственности.

Исходя из смысла ст. 28 Закона Республики Таджикистан «Об аудиторской деятельности» аудиторская организация и индивидуальный аудитор обязаны в процессе осуществления аудиторской деятельности заключить договор страхования гражданско-правовой ответственности по тем обязательствам, которые возникают в результате причинения имущественного урона или вреда от проведения аудиторской проверки. Действительно, вопрос о страховании ответственности аудитора при исполнении им своих профессиональных обязанностей признается актуальной и связанной с вопросом качества оказываемых аудиторских услуг. Этот вид страхования имеет некоторые свои отличительные черты.

В связи с тем, что юридическое лицо понятие абстрактное, оно обладать профессией не может, следовательно, страховать ее также не возможно. Но, исходя из положения законодательства, при нанесении вреда работниками, осуществляющих свои служебные обязанности, ответственность несет работодатель. Исходя из этого, именно аудиторская компания, а не работающие в ней аудиторы, заключают договор страхования ответственности. А в случае, если в качестве аудитора выступает индивидуальный предприниматель, тогда в качестве страхователя выступает этот субъект.

Следует отметить, что страхование профессиональной ответственности имеет особое значение для лиц, работающих в сфере права, а также финансов. Значение страхования ответственности повышается относительно иностранных инвестиций, когда зарубежным предпринимателям важна квалифицированная оценка их финансово-инвестиционных проектов.

Заключение договора страхования профессиональной ответственности дает возможность переложить ответственность по вопросу возмещения материального ущерба с самого аудитора на страховую компанию.

Литература:

1. Агеев, Ш. Р., Васильев, Н. М., Катырин, С. Н. Страхование: теория, практика и зарубежный опыт / Ш. Р. Агеев, Н. М. Васильев, С. Н. Катырин. — М.: Изд-во «Экспертное бюро», 1998. — 373 с.
2. Гражданское право. Часть вторая: учебник / отв. ред. В. П. Мозолин. — М.: Юрист, 2004 // Электронная система «Гарант».
3. Золотухин, А. В. Правовое регулирование обязательного имущественного страхования в гражданском праве / А. В. Золотухин. — Душанбе: РТСУ, 2011. — 220 с.
4. Иванов, А. А. Страхование / А. А. Иванов // Гражданское право / под ред. Ю. К. Толстого, А. П. Сергеева. — М.: Проспект, 2004. — 773 с.
5. Маслова Е. Ю. Правовые основы обязательного страхования гражданско-правовой ответственности в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2006. — 166 с.
6. Тордия И. В. Правовое регулирование аудиторской деятельности в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2003. — 184 с.

Исходя из сказанного, надо отметить, что возникновение страхового случая непосредственно зависит от квалификации, а также от состояния профессионализма аудитора. Только на основании решения суда возникает факт наступления страхового случая. С другой стороны, вступление в силу решения суда и формирование размера ответственности имущественного характера страхователя за причиненный материальный ущерб клиенту также являются основаниями наступления страхового случая.

Возникновение профессиональной ответственности аудитора связано с рисками от причинения материального ущерба заказчику. Важно заметить, что к стороне, имеющей право предъявлять претензии, имеют отношение как непосредственный заказчик аудиторских услуг по заключенному договору оказания аудиторских услуг, так и лица, не связанные с аудитором договорными обязательствами, однако обладающие правом на предъявление претензий в результате обнаружения факта нарушения действующего законодательства, относящегося к данному виду деятельности.

Таким образом, нам бы хотелось согласиться с мнением о том, что профессиональной ответственностью следует признать ответственность, возникающую при осуществлении профессиональных обязанностей аудиторами. Профессиональная ответственность в связи с деятельностью аудиторов возникает в связи с оказанием услуг некачественного характера; в случае организации и проведения аудита с нарушением установленных правил (например, когда нарушается принцип независимости); в случае выдачи аудируемому субъекту не обоснованных рекомендаций, и которые привели этого субъекта к убыткам и т. д.

С другой стороны, применение страхования как инструмента привлечения к ответственности выполняет двойственную функцию: во-первых, направлено на ограждение страхователя или других застрахованных лиц от потерь материального характера в случае необходимости возмещения причиненного ими вреда третьим лицам, во-вторых, направлено на обеспечение потерпевшего причитающейся ему компенсацией.

7. Худяков, А. И. Страхование право / А. И. Худяков. — СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр-Пресс», 2004. — 691 с.
8. Шахов, В. В. Страхование: учебник для вузов / В. В. Шахов. — М.: ЮНИТИ, 1997. — 311 с.

Права кредиторов при привлечении к гражданско-правовой ответственности юридического лица

Львовский Максим Владимирович, магистрант

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

В настоящей статье предлагаются вниманию вопросы гражданско-правовой ответственности юридического лица, исследуется возможность защиты прав кредиторов в настоящее время в Российской Федерации, а также делаются соответствующие выводы.

Ключевые слова: права кредиторов, гражданско-правовая ответственность, развитие корпорации

Прежде чем перейти к основной проблематике данной статьи остановимся сначала на выяснении таких понятий как юридические лица и гражданско-правовая ответственность юридического лица. В настоящее время происходит процесс реформирования тех статей, гражданского кодекса которые затрагивают данные вопросы. Что же в настоящее время понимается под определением «юридическое лицо». Да конечно в гл. 4 ГК РФ

Мы находим легальное определение юридического лица, под которым понимается организация, обладающая определенным набором формальных прав и обязанностей. В то же время для понимания сущности юридического лица как субъекта гражданских правоотношений, что является важнейшим вопросом для практического и теоретического осмысления необходимо более образно представить существующее положение дел. В настоящее время юридические лица, участники в которых обладают набором корпоративных прав, — корпорации. Вслед за этим вводится понятие корпоративное право. Корпоративное право представляет собой совокупность норм, регулирующих общественные отношения, связанные с образованием, деятельностью и прекращением деятельности корпораций [1]. Поскольку корпорации занимают ведущее место в гражданском обороте и Российская Федерация продолжает свое развитие по западному образцу остановимся более подробно на возможностях корпораций в плане устойчивого развития и участия в гражданском обороте по предоставлению товаров и услуг и возможностью выполнять свои обязательства перед кредиторами хозяйственного общества.

Первый момент, который необходимо учитывать в долгосрочной перспективе это то что в настоящее время контрольный пакет акций (долей) каждого отдельного АО и ООО сосредоточен у одного реже у группы собственников. Соответственно в случае отхода от дел основного собственника вполне вероятны ситуации, что контрольный пакет будет размываться среди наследников и иных лиц. Что учитывая уровень правовой культуры и законов бизнеса, будет

вести к корпоративным конфликтам и борьбе за корпоративный контроль над фирмой.

А. Ю. Федоров достаточно красноречиво и убедительно показывает размах «корпоративный войн». После данных корпоративных конфликтов очень часто предприятие становится не способным вести хозяйственную деятельность, а объявляется банкротом со всеми вытекающими последствиями. Но если собственники такой корпорации все же при должной осмотрительности могут себя защитить если не полностью, то хотя-бы частично, то у добросовестных контрагентов, такой организации особенно на начальном этапе корпоративного конфликта возможностей проверить своего контрагента современное российское законодательство не предоставляет. Конечно корпорация осуществляет свою деятельность на свой страх и риск. Но в то же время для стабильности гражданского общества, развития предпринимательства необходимо разрабатывать такие подходы, которые бы минимизировали риски объявления корпорации банкротом и прекращения ее хозяйственной деятельности по требованиям кредиторов. Таким механизмом могло бы стать участие государства, через специально созданную структуру в помощи по оздоровлению или репрофилированию организации. В размещении акций (долей) данного общества на бирже для покупки любым заинтересованным лицом. Государство могло получать от таких действий определенный доход. В настоящее время Правительством РФ объявлены планы приватизации госсобственности. Концепция развития, принятая правительством, говорит, что частные инвесторы, которые купят данные предприятия смогут более эффективно им управлять. В то же время «забывается» что все эти, в основном крупные предприятия, созданы без участия каких-либо акционеров, а только под государственным управлением и до настоящего времени приносили доход. Вряд ли кого-либо заинтересует покупка убыточного предприятия. Таким образом оздоровление или создание новых корпораций с последующей

приватизацией могло бы способствовать созданию более здорового делового климата.

Следующий вопрос, который вытекает из предыдущего это пределы гражданско-правовой ответственности корпорации. Существуют две принципиально противоположные позиции по данному вопросу. Сторонники первой считают, что для удовлетворения прав кредиторов хозяйственного общества необходима возможность привлечения к ответственности владельцев и иных лиц, решения которых определяют деятельность корпорации. Так называемая доктрина «прокалывания корпоративной вуали». Суть которой состоит в возможности за счет имущества учредителей и фактических руководителей корпорации удовлетворить имущественные требования кредиторов. В п.3 ст. 53 ГК РФ предусмотрена возможность привлечения к ответственности лиц, фактически определяющих волю юридического лица только при наличии их вины. При этом согласно ст. 56 ГПК РФ бремя доказывания вины ответчиков будет возложено на кредитора, что фактически приведет к значительным затруднениям в возможности привлечения к имущественной ответственности данных лиц. Поэтому представляется необходимым возложить бремя доказывания отсутствия вины на лиц фактически контролирующих деятельность корпорации поскольку именно они обладают всей полнотой информации о деятельности юридического лица. В п. 4–9 ст. 10 Федерального закона от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», также дается разъяснения о возможности привлечения к имущественной ответственности контролирующих должника лиц. Однако все эти положения не дают гарантии достаточно надежной защиты прав кредитора.

Представители второго подхода, считают, что права кредиторов должны быть защищены наличием уставного капитала «... убытки следует покрывать за счет имущества самого юридического лица, а не его учредителей или иных лиц, стоящих за юридическим лицом» [2]. С такой позицией можно было бы согласиться в случае наличия у корпорации уставного капитала способного удовлетворить требования большинства кредиторов. Однако в настоящее время для создания ООО достаточно образовать уставной капитал в 10 000 рублей, что не коим образом не может способствовать уверенности кредиторов в возможности получить хоть что-то в случае банкротства корпорации.

Возможность привлечения к гражданско-правовой ответственности корпорации и удовлетворения требований кредиторов находится в прямой зависимости от возможностей законодательства. Процедура банкротства в отношении должника достаточно дорогое дело. И компании, имеющие право требовать по договору 100–200 тысяч рублей вряд ли воспользуются данной процедурой. Виду неясности возможности вернуть долг и затраченные деньги на процедуру банкротства. Таким образом можно сделать вывод о необходимости увеличить размер уставного капитала в несколько раз для тех организаций, в результате деятельности которых могут образоваться многомиллионные убытки. И наоборот, для тех ООО, которые занимаются в сфере малого бизнеса, например парикмахерские услуги, сумму уставного капитала необходимо оставить на прежнем уровне.

Разделение корпораций по различным категориям будет также способствовать возможности привлечения инвестиций. Инвесторы будут охотнее вкладывать в компании стабильность которых подтверждается наличием крупного уставного капитала.

Что заслуживает одобрения в действующем законодательстве это п. 3 ст. 401 ГК РФ согласно которому только непреодолимая сила освобождает от исполнения обязательств лицо осуществляющего предпринимательскую деятельность. Таким образом для привлечения к гражданско-правовой ответственности корпорацию достаточно только неисполнение обязательства. Однако возможность реального удовлетворения прав кредиторов остается еще на достаточно низком уровне. Особенно если речь идет о корпорациях, у которых суммы долга намного больше уставного капитала и стоимости имущества компании.

На основании выше изложенного можно сделать следующие практические предложения. Необходимо требовать более полного раскрытия информации по лицам фактически определяющим деятельность юридического лица. В случае если учредителем дочернего общества является иностранная компания, также предусмотреть механизмы снятия «корпоративной вуали». В то же время усилить роль государства в регулировании деятельности корпораций. Контроль государства необходим для избегания злоупотреблений со стороны контролирующих юридическое лицо собственников.

Литература:

1. «Корпоративное право: Учебник» (2-е издание, переработанное и дополненное) (отв. ред. И. С. Шиткина) («КНОРУС», 2015) // [Электронный ресурс]: Доступ из СПС КонсультантПлюс
2. Статья: Ответственность перед кредиторами в корпоративных отношениях: тенденции и перспективы развития правовых норм (Гутников О. В.) («Журнал российского права», 2014, N 7) // [Электронный ресурс]: Доступ из СПС КонсультантПлюс/

О некоторых аспектах гражданско-правовой ответственности органов внутренних дел

Паламарчук Диана Юрьевна, магистрант

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (г. Калининград)

В статье рассматриваются ключевые моменты правового регулирования гражданско-правовой ответственности Органов Внутренних Дел, с целью выявления недостатков и предложений по совершенствованию законодательной базы, в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, органы внутренних дел, возмещение ущерба, материальный вред, моральный вред

Гражданско-правовая ответственность Органов Внутренних Дел представляет собой не только правовое, но и значимое социальное явление. Справедливым будет сказать о наличии характерных черт и особенностей, позволяющих выделять гражданско-правовую ответственность Органов Внутренних Дел в отдельную категорию в рамках гражданского судопроизводства, требующую тщательного изучения и рассмотрения.

Опросы общественного мнения на тему доверия к сотрудникам Органов Внутренних Дел проводятся регулярно, как самим Министерством Внутренних Дел, так и независимыми центрами исследований общественного мнения.

Статистические данные, представленные на сайте Министерства Внутренних Дел (далее МВД) за 2014 и 2015 год [1], говорят о том, что 43,9% граждан испытывают опасение и неприязнь к сотрудникам полиции (2014 год), 41,3% не доверяют полиции (2015 год).

Социологические исследования, проведенные негосударственным общественным центром «Левада Центр» в 2015 году [2], целью которых являлось изучение общественного мнения и уровня доверия к Органам Внутренних Дел показывают, что лишь половина опрошенных граждан (50,3%) скорее доверяет ОВД, чем не доверяют, 36,5% относятся с опасением и 6,7% определенно опасаются.

Согласно статистическим данным Министерство Внутренних Дел [3] из общего числа жалоб и обращений граждан, поступивших на рассмотрение в МВД за первый и второй кварталы 2016 года, 63% (10 534 жалобы) в первом квартале и 57% (12 174 жалобы) во втором квартале посвящены недостаткам в работе органов внутренних дел, нарушениям законности сотрудниками органов внутренних дел. Аналогичная картина имела место и в 2015 году, так в первом квартале 2015 года жалобы рассматриваемой тематики составили 61% (11 959 жалоб), во втором квартале 59% (12 854 жалобы).

Предметом обжалования становятся различные решения, действия (бездействия) в их числе: незаконное применение ограничительных мер при задержании, незаконные доставление и конвоирование; бездействие при раскрытии и расследовании преступлений; несоблюдение прав граждан на своевременное рассмотрение обращений и направление мотивированных ответов; нарушение сроков принятия процессуальных решений и т. д.

Обзор результатов правовой работы органов внутренних дел МВД России показывает, что основной категорией исков, предъявляемых к министерству являются:

— об обжаловании действий (бездействия) и решений органов и должностных лиц (в порядке ст. ст. 1069, 1070 ГК РФ).

— по возмещению морального вреда.

Безусловной задачей законодателя является соблюдение баланса интересов граждан и государства. С одной стороны, РФ — будучи правовым государством обязана обеспечить понятный и доступный механизм реализации права в рамках гражданско-правовой ответственности, с другой не допустить злоупотребления правом и неосновательного обогащения со стороны граждан. В тоже время, мотивировать сотрудников органов государственной власти и Органов Внутренних Дел, в частности, на добросовестное несение государственной службы, с соблюдением норм гражданского, уголовного, трудового, административного права и законодательной базы в целом.

Обратимся к непосредственному рассмотрению некоторых аспектов нормативного регулирования гражданско-правовой ответственности сотрудников органов внутренних дел.

Совершенно очевидно, что при столь широких полномочиях вся деятельность должна опираться на принципы законности, соблюдения и уважения прав и свобод человека и гражданина. В случае допущения незаконных действий со стороны сотрудников полиции должны быть четко законодательно закреплены принципы, механизмы, условия возмещения вреда, причиненного сотрудниками полиции в результате совершенных ими противоправных действий.

Особенности деятельности органов внутренних дел таковы, что им постоянно приходится использовать меры административного и уголовно-процессуального принуждения, предполагающих публичное вторжение в область частных прав и интересов и существенно усиливающих риск их нарушения без серьезных на то оснований, приводящих к причинению вреда имуществу, жизни, здоровью граждан. Меры гражданско-правовой ответственности направлены в первую очередь на восстановление и компенсацию причиненного подобными действиями вреда. [4, с 24–26]

В настоящее время законодательно предложена система положений, регулирующих применение

гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный сотрудниками ОВД, состоящая из мер общего и специального характера. В законодательстве Российской Федерации довольно жестко регламентирует всю деятельность полиции, относящейся к одному из органов исполнительной власти. Ключевые принципы, главные направления деятельности, а так же правовой статус сотрудников и другие важнейшие вопросы изложены в Федеральном законе от 7 февраля 2011 года № 3 ФЗ «О полиции» [5]. Статьей 1 указанного закона на полицию возложена обязанность по защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан России, иностранных граждан, для борьбы с преступностью, для охраны порядка, собственности и обеспечения общественной безопасности.

В основе данного регулирования лежат нормы статьи 52 Конституции Российской Федерации [6], устанавливающей, что права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом и что государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба, а также статьи 53 Конституции Российской Федерации, предусматривающей право каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

В развитие данных конституционных норм в статье 16 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации [7] закреплено, что убытки, причиненные гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, в том числе издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежат возмещению Россией, соответствующим субъектом РФ или муниципальным образованием.

Статья 16.1 ГК РФ, введенная Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ, устанавливает, что в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом, ущерб, причиненный личности правомерными действиями государственных органов, а также иных лиц, которым государством предоставлены властные полномочия, подлежит компенсации. Любопытно, что резонанс, который вызвала ст. 16.1 оказался неоправданным, т. к. по сути статья является декларативной, но весьма ограниченной в сфере ее применения.

Содержащуюся в комментируемой статье норму вряд ли можно считать нововведением, поскольку ранее она охватывалась более общей нормой п. 3 ст. 1064 части второй ГК РФ, в которой в качестве одного из общих оснований ответственности за причинение вреда установлено, что вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению в случаях, предусмотренных законом. (Так, например, Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», в ч. 2 ст. 18 [8]; ч. 3 ст. 22 Федерального закона «О защите прав юридических

лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [9]; ч. 3 ст. 25 Федерального закона от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» [10]).

Вопросы компенсации морального вреда регламентируются статьями 151, 1099–1101 Гражданского кодекса Российской Федерации. Согласно статье 151 ГК РФ, а также Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.94 № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» [11], под «моральным вредом» понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями, посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т. п.), нарушающими его личные права, как имущественные, так и неимущественные (право на пользование своим именем, право авторства и др.).

Моральный вред может заключаться в нравственных страданиях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию, временным ограничением или лишением каких-либо прав, заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий, и др. Размер компенсации морального вреда определяется судом и не зависит от размера возмещения имущественного вреда.

К сожалению, полное и адекватное возмещение потерпевшему морального вреда остается пока редкостью для российского судопроизводства. Вопросы определения размера морального вреда и тем более «денежной» оценки жизни человека не имеют законодательного регулирования и отдаются на усмотрение судьи, вынужденного при этом оперировать такими не поддающимися конкретизации субъективными понятиями, как «разумность» и «справедливость». Прямым следствием такого положения является практика российских судов, в подавляющем большинстве случаев удовлетворяющих иски потерпевших лишь в минимальных размерах. (Так по делам: 2–2629/2016; 2–736/2016).

Адекватное обстоятельством возмещение потерпевшим морального вреда, причиненного им преступлением, это вопрос восстановления социальной справедливости. В силу этого представляется необходимым разработать и закрепить в российском законодательстве методики определения и исчисления морального вреда для расчетов сумм компенсаций.

Следующей нормой права, регулирующей общие положения и условия применения гражданско-правовой ответственности содержится в статье 1064 ГК РФ. Согласно которой, вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу

юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Законом обязанность возмещения вреда может быть возложена на лицо, не являющееся причинителем вреда.

К положениям специального характера можно отнести статью 1070 ГК РФ, устанавливающей специальный субъектный состав, перечень действий, дающих право на возмещение вреда, и их особый характер, а также предполагающей особый порядок возмещения вреда.

Содержание статьи 1070 ГК РФ является объектом самого тщательного изучения. И этому есть вполне объяснимое основание: статья 1070 ГК РФ совмещает в себе сразу два состава. Часть 1 статьи носит специальный характер, при котором ответственность возникает независимо от наличия вины (так называемый «специальный деликт»), а часть 2 — общий характер, т. е. возникновение ответственности связано исключительно с учетом вины причинителя вреда.

Следовательно, обязанность возместить вред, причиненный гражданину в результате незаконных действий сотрудников ОВД, в силу пункта 1 статьи 1070 ГК РФ вытекает из совокупности трех условий: наличие вреда, противоправности действий ОВД и причинно-следственной связи между ними), а в силу пункта 2 указанной статьи — ещё и при наличии дополнительного условия — вины причинителя.

К объективной стороне принято относить вред, причиненный правонарушением, противоправность поведения правонарушителя и наличие причинно-следственной связи между этими факторами.

Субъектный состав гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный ОВД можно отнести к ее особенностям. Под этим подразумевается несовпадение непосредственного причинителя вреда и лица, на которого возлагается ответственность его возместить. Имеет место быть так называемая «стадийность» обязательств по возмещению вреда, причиненного сотрудниками ОВД.

К первой стадии относится сам факт причинения вреда посредством действий сотрудников органов внутренних дел, ко второй — факт возмещения вреда, который в силу статьи 1070 ГК РФ, производится из средств казны Российской Федерации. На наш взгляд, данное положение иллюстрирует один из имеющихся недостатков правового регулирования гражданско-правовой ответственности органов государственной власти, а именно — проблема определения надлежащего ответчика.

В настоящее время «лицом» казны в исследуемых правоотношениях являются соответствующие финансовые органы, если эта обязанность не возложена на другой орган.

Финансирование ОВД осуществляется из федерального бюджета. Таким образом, в случаях, когда причинен вред сотрудниками ОВД, возмещение будет осуществляться за счет казны РФ, а от ее имени будет выступать Министерство финансов РФ в лице Главного управления Федерального казначейства РФ. В целях обеспечения

правильного и единообразного применения законодательства при рассмотрении дел подобного рода, данный вопрос был подробно освещен Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. N 2 г. Москва «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих» [12].

Несмотря на то, что спорные положения урегулированы ВС, суды, в большинстве случаев, руководствуются данным положением, однако, проблема определения надлежащего ответчика, тем не менее, существует. Полагаем, это может быть обусловлено несколькими факторами: гражданин, выстраивая иерархию органов и лиц, ответственных за причинение ему гражданско-правовой ответственности, совершенно обоснованно доходит до МВД, как наивысшего органа контроля и указывает его в качестве ответчика. Суд, руководствуясь предписаниями ВС, в рамках своих полномочий, указывает гражданину, что МВД в данном случае надлежащим ответчиком не является, указывая на надлежащего ответчика — Казну РФ, в лице Министерства Финансов РФ. В большинстве случаев граждане соглашаются на замену ответчика и далее спор решается, по существу.

Однако, нередки случаи, когда граждане настаивают на первоначально выбранном ответчике, видимо, полагая, что их пытаются ввести в заблуждение и обмануть, принимая во внимание недоверие к власти и государственным органам в целом, в том числе и судебной системе, что в свою очередь приводит суд к отказу в принятии иска к производству (Так по делу № 33—3289/2013).

Диаметрально противоположная ситуация возникает, когда граждане, в своих заявлениях указывают максимально возможное количество ответчиков, дабы избежать отказа в принятии иска к производству, руководствуясь принципом: кто-нибудь окажется надлежащим ответчиком. (Так по делам: 2—5859/2016; 2—770/2014;). В данном случае работа суда увеличивается многократно, что в свою очередь влияет на скорость рассмотрения дела и затягивает процесс судопроизводства. Как следствие, увеличиваются затраты государства.

В рамках данной статьи мы не можем подробно осветить все имеющиеся недостатки нормативно-правового регулирования гражданско-правовой ответственности Органов Внутренних Дел, безусловно, проблемы определения причинно-следственной связи между действиями причинителя вреда и наступившим вредом, как и проблема равноценного возмещения расходов на представителя, также требуют отдельного рассмотрения.

Тем не менее, сказанное выше, позволяет проведенный говорить о следующих недостатках нормативно-правового регулирования гражданско-правовой ответственности.

Во-первых, о существовании пробела в нормативном регулировании возмещения вреда, причиненного

правомерными действиями органов государственной власти. Существующая ныне ст. 16.1 ГК РФ носит номинальный характер, самостоятельно использована быть не может, применение данной нормы права становится возможным, только при наличии специального закона.

Во-вторых, отсутствие методик определения морального вреда за действия сотрудников Органов Внутренних Дел, результатом чего является необоснованное занижение сумм выплат. В настоящий момент, принципы разумности и справедливости, равно как и судебное усмотрение

являются определяющими факторами при вынесении решения по данной категории дел. Полагаем, что широкие дискреционные полномочия суда отсутствие методики исчисления морального вреда и нижней границы компенсации — должны стать предметом пристального изучения законодателя.

В-третьих, проблема определения надлежащего ответчика, которая носит не только процессуальный характер, но и имеет практическое воплощение, выражающееся в судебной волоките и увеличении стоимости судебного процесса для государства.

Литература:

1. Электронный ресурс www.mvd.pf, URL: [https://xn -- b1aew.xn -- p1ai/document/8851176](https://xn--b1aew.xn--p1ai/document/8851176), дата обращения 21.09.2016.
2. Электронный ресурс www.levada.ru, URL: <http://www.levada.ru/2014/11/07/pochemu-v-rossii-polyubili-politsiyu/>, дата обращения 30.09.2016.
3. Электронный ресурс www.mvd.pf, URL: [https://xn -- b1aew.xn -- p1ai/reports/item/7968943/](https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/7968943/) дата обращения 01.10.2016.
4. Богданов В. П., Богданова И. С. Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями правоохранительных органов и судов: некоторые вопросы теории и практики. // Адвокат. 2013. № 1. С. 24–36.
5. О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ ((ред. от 03.07.2016, с изм. от 04.07.2016)) // Электронный ресурс СПС «Консультант Плюс», URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/, дата обращения 06.09.2016.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Федеральными Конституционными Законами о поправках к Конституции от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // «Собрание законодательства Российской Федерация», 26.01.2009, № 4. от 05.02.2014 № 2 — ФКЗ, от 21.07.2014 № 11 ФКЗ.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // «Российская газета», № 238–239, 08.12.1994.
8. О противодействии терроризму: федеральный закон от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ // Электронный ресурс СПС «Консультант Плюс», URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/, дата обращения 05.09.2016.
9. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: федеральный закон от 27 ноября 2010 г. N 311-ФЗ // Электронный ресурс СПС «Консультант Плюс», URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83079/, дата обращения 05.09.2016.
10. О таможенном регулировании в Российской Федерации: федеральный закон от 27.11.2010 N 311-ФЗ (действующая редакция, 2016) // Электронный ресурс СПС «Консультант Плюс», URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107181/, дата обращения 05.09.2016.
11. Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.94 N 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Электронный ресурс СПС «Консультант Плюс», URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/, дата обращения 05.09.2016.
12. Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. N 2 г. Москва «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих» // Электронный ресурс, URL: <https://rg.ru/2009/02/18/plenum-dok.html>, дата обращения 31.10.2016.

Сравнительный анализ приватизации жилых помещений в России и Белоруссии

Устинова Анжелика Владимировна, студент

Пермский государственный национальный исследовательский университет

В настоящее время исследование и использование зарубежного опыта правового регулирования жилищных отношений служит одной из составляющих успешного осуществления жилищных реформ, проводимых в Российской Федерации, а также развития отечественного права в целом.

Актуальность выбранного нами аспекта исследования заключается в существовании так называемого «феномена белорусской модели развития». Он состоит в том, что указанная республика смогла не только сохранить, но и совершенствовать экономический, политический, культурный, а также правовой потенциалы в бурных трансформационных процессах, чего, пожалуй, не удалось немногим из бывших республик СССР.

1. Правовой основой приватизации жилых помещений в РФ является специальный федеральный закон от 4 июля 1991 года № 1541–1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» (далее — ФЗ № 1541–1), который с момента начала действия и по настоящее время претерпел ряд существенных изменений. Напротив, в Белоруссии этот вопрос был изначально урегулирован законом от 16 апреля 1992 года «О приватизации жилищного фонда в республике Беларусь». Впоследствии же на смену указанному нормативно-правовому акту пришёл жилищный кодекс республики Беларусь от 28 августа 2012 г. № 428-З, в котором отдельная глава 23 посвящена приватизации жилых помещений. Стоит отметить, что такая белорусская систематизация позволила упорядочить нормативно-правовые акты в жилищной сфере, внести некоторые поправки, отвечающие потребностям общества и государства, и устранить имеющиеся недостатки законодательной техники.

2. Понятие и принципы приватизации жилого помещения. В соответствии с ч. 1 ст. 134 ЖК РБ приватизация жилых помещений — приобретение гражданами в собственность занимаемых жилых помещений государственного жилищного фонда, предоставленных им в соответствии с законодательством [1]. Легальное определение содержится и в российском законодательстве. Так, под приватизацией жилых помещений понимается бесплатная передача в собственность граждан Российской Федерации на добровольной основе занимаемых ими жилых помещений в государственном и муниципальном жилищном фонде, а для граждан Российской Федерации, забронировавших занимаемые жилые помещения, — по месту бронирования жилых помещений [2].

Анализ данных определений, а также нормативных актов в целом, в которых они содержатся позволяет выделить следующие три основные идеи, лежащие в основе регулирования института приватизации:

- 1) добровольность приватизации жилых помещений. Данный принцип означает, что любое воздействие на принятие и осуществления решения о приватизации жилого помещения квалифицируется как незаконное [3]. В противном случае если сделка по приватизации жилья была совершена под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств, то наступают негативные последствия в виде признания её судом недействительной.
- 2) бесплатность. Данный принцип представляет собой безвозмездное обращение в собственность граждан жилых помещений, находящихся в государственном (а применительно к России ещё и муниципальном) жилищном фонде. Данный принцип всецело характерен для России, подтверждением этого служит статья 11 ФЗ N 1541–1, в силу которой каждый гражданин имеет право на приобретение в собственность бесплатно, в порядке приватизации, жилого помещения в государственном или муниципальном жилищном фонде социального использования один раз.

Несколько иначе дело обстоит в Белоруссии. По общему правилу, граждане Беларуси имеют право на получение денежной жилищной квоты, представляющей собой стоимостный эквивалент жилых помещений, передаваемых белорусам безвозмездно. Она определяется отношением остаточной стоимости объектов приватизации в ценах на 31 декабря 1991 года в целом по республике к численности граждан Республики Беларусь. При расчете жилищной квоты учитывается также трудовой стаж гражданина. Право граждан Республики Беларусь на денежную жилищную квоту удостоверяется именными приватизационными чеками «Жилье» [4, ст. 138]. Указанные ценные бумаги не подлежат отчуждению, кроме дарения их по нотариально удостоверенному договору супругу (супруге), родителям, детям, усыновителям (удочерителям), усыновленным (удочеренным), родным братьям и сестрам, деду, бабушке, внукам, перехода права собственности по наследству либо по решению суда.

Законодательство Белоруссии выделяет следующие способы приватизации помещений

- а) на возмездной основе, когда у граждан не имеется именных приватизационных чеков «Жилье».
- б) безвозмездно, в случае если сумма именных приватизационных чеков «Жилье» равна стоимости этих помещений, определяемой в ценах на 31 декабря 1991 года.
- в) по смешанной системе. Если сумма именных приватизационных чеков «Жилье» превышает стоимость занимаемого гражданином жилого помещения,

определяемую в ценах на 31 декабря 1991 года, жилое помещение передается безвозмездно, а остаток именных приватизационных чеков «Жилье» может использоваться:

- гражданами и членами их семей, состоящими на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий, для уплаты паевого взноса в жилищном или жилищно-строительном кооперативе, финансирования индивидуального или коллективного жилищного строительства;
- реконструкции блокированных, многоквартирных жилых домов;
- долевого участия в жилищном строительстве, приобретения жилых помещений путем покупки, погашения задолженности по кредитам банков (включая выплату процентов за пользование ими) и ссудам организаций, взятым и использованным на указанные цели [1, ст. 138].

Стоит также отметить, что приватизация помещений в Беларуси для некоторых категорий граждан проводится на специальных льготных условиях с учётом жилищных квот. К числу таких лиц относятся:

- герои Беларуси, герои СССР, полные кавалеры орденов Отечества, Славы;
- реабилитированные граждане;
- граждане, заболевшие и перенесшие лучевую болезнь, инвалиды вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС и др.

3) однократность приватизации. Применительно к Российской Федерации данное положение напрямую вытекает из ранее упомянутой нами статьи 11 ФЗ № 1541–1.

Исключение из этого принципа осуществления приватизации жилого помещения сделано в пользу несовершеннолетних, которые сохраняют право на однократную бесплатную приватизацию жилого помещения в государственном или муниципальном жилищном фонде после достижения ими совершеннолетия [2, ст. 11].

Напротив, однократность приватизации законодательно не установлена ЖК РБ. На наш взгляд, это объясняется исходя из целей проводимых в республике экономических, социальных и правовых преобразований, а также существа различных способов приватизация помещений в Белоруссии (возмездный, безвозмездный и смешанный).

3. Договор приватизации жилого помещения.

Основанием для передачи жилья в порядке приватизации в РФ является договор о передаче жилого помещения в порядке приватизации, а в РБ — договор купли-продажи приватизируемых жилых помещений. Несмотря на отличные наименования, оба этих договора в целом имеют одинаковое смысловое содержание, заключающееся в передаче жилого помещения из государственного (или муниципального для РФ) жилищного фонда в частный, поэтому в литературе зачастую данный институт обозначают как договор приватизации жилого помещения [5, с. 16; 6, с. 223; 7, с. 2].

Рассматриваемое соглашение имеет следующие правовые характеристики: консенсуальность, безвозмездность (для РБ также возмездность), взаимность.

Предметом договора служит жилое помещение, отвечающее установленным действующим законодательством требованиям, предоставленное по договору социального найма жилых помещений, за рядом исключений. К числу последних относятся следующие объекты, не подлежащие приватизации:

а) для Белоруссии — это жилые помещения социального пользования; служебные жилые помещения, специальные жилые помещения; жилые помещения коммерческого использования; жилые помещения в обособленных военных городках, жилые помещения, расположенные в зданиях, выделенных для размещения органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям; жилые помещения, находящиеся в собственности Республики Беларусь и расположенные на территории иностранных государств и в иных случаях (ст. 135 ЖК).

б) для РФ — жилые помещения, находящиеся в аварийном состоянии, в общежитиях, в домах закрытых военных городков, а также служебные жилые помещения, за исключением жилищного фонда совхозов и других сельскохозяйственных предприятий, к ним приравненных, и находящийся в сельской местности жилищный фонд стационарных учреждений социальной защиты населения (ст. 4 ФЗ № 1541–1).

Анализируя оба этих положения, следует отдать должное белорусскому законодателю, который однозначно обозначил перечень помещений, не подлежащих приватизации. В тоже время в России статья 4 ФЗ № 1541–1 содержит закрытый список рассматриваемых объектов, не предполагающий дополнения и расширения, однако системно толкуя такие положения законодательства, можно прийти к выводу, что также не подлежат приватизации помещения специализированного жилищного фонда (за исключением жилья для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей).

Действующим законодательством обеих стран предусмотрена простая письменная форма договора приватизации с последующей государственной регистрацией права на недвижимое имущество. В тоже время в ЖК РБ необходимым требованием дополнительно является нотариальное удостоверение договора.

Субъектами рассматриваемого соглашения являются:

- 1) приватизатор-наниматель, член его семьи, в т. ч. при соблюдении соответствующей процедуры — несовершеннолетние дети, жилого помещения по договору социального найма. В отличие от России, где указанным субъектом может быть только гражданин РФ, белорусское законодательство не содержит ограничений для иностранных граждан, лиц без гражданства, а также граждан, имеющих вид на жительство, по приватизации жилья, предоставленного им по договорам найма жилых помещений

государственного жилищного фонда в бессрочное пользование.

2) в роли стороны, передающей приватизатору помещение в частную собственность (наймодатель), могут выступать:

- уполномоченные представители органов государственной власти (или местного самоуправления в России)
- организация, в хозяйственном ведении или оперативном управлении которой находится рассматриваемое жилое помещение.

Правовое положение субъектов приватизации в рассматриваемых странах схоже.

Наконец, существенными являются вопросы изменения и расторжения договора приватизации жилья.

По общему правилу, в России и Белоруссии в случае достижения соглашения сторон (физических лиц, с одной стороны, и организаций — собственников жилья или уполномоченных ими органов, с другой) внесение изменений в договор приватизации жилья считается допустимым. Например, это возможно при исправлении неправильной записи (опечатка в ФИО, дате рождения и площади квартиры или в адресе). В односторонне порядке соглашение может быть изменено по требованию стороны в судебном

порядке при существенном нарушении договора другой стороной.

В юридической литературе расторжение договора приватизации жилого помещения получило название «расприватизация» [8]. Суть последней раскрыта в статье 9.1 ФЗ № 1541–1, в силу которой граждане, приватизировавшие жилые помещения, являющиеся для них **единственным местом постоянного проживания**, вправе передать принадлежащие им на праве собственности и **свободные от обязательств** жилые помещения в государственную или муниципальную собственность, а соответствующие органы исполнительной власти, органы местного самоуправления или уполномоченные ими лица **обязаны** принять их в собственность и заключить договоры социального найма этих жилых помещений с этими гражданами [2, ст. 9.1].

К основным причинам расприватизации следует отнести: высокий налог на недвижимость, сложность содержания приватизированных жилых помещений на праве собственности, изменение места жительства и др.

Напротив, возможность передать жилые помещения в государственную собственность в Белоруссии не установлена, хотя и разрабатывались законопроекты по этому вопросу.

Литература:

1. Жилищный кодекс республики Беларусь от 28.08.2012 № 428-З [Электронный ресурс] // URL: <http://xn--htbdbkahjcdxpbz5a.xn--90ais> (дата обращения: 25.11.2016).
2. ФЗ РФ от 04.07.1991 № 1541–1 (ред. от 16.10.2012) «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» // Бюллетень нормативных актов. № 1. 1992.
3. Определение Верховного Суда РФ от 06.03.2012 № 5-В11–127 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Жилищный кодекс Российской Федерации (ред. от 06.07.2016) от 29.12.2004 № 188-ФЗ // Российская газета. № 1. 12.01.2005.
5. Бычков А. И. Квартирный вопрос. Приобретение, реализация и защита права собственности на квартиру. М., 2016.
6. Крашенинников П. В. Жилищное право: учебник. М., 2012.
7. Невоструев А. Г. Процессуальные особенности рассмотрения и разрешения жилищных дел: учебное пособие. М., 2015.
8. Бондарев Е. С. Правовая сущность договора о приватизации жилого помещения // URL: http://borisovsky.blog.sudrf.ru/modules.php?№_ame=press_dep&op=4&did=20 (дата обращения: 25.11.2016).

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

V Международная научная конференция
Москва, декабрь 2016 г.

Сборник статей

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е. А. Шишков*

Верстка: *О. В. Майер*

Издательский дом «Буки-Веди», г. Москва

Подписано в печать 24.12.2016. Формат 60x90 1/8.

Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 11,5. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый»

420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.